

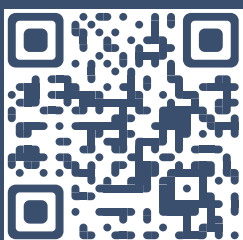
МӘҢГІЛІК ЕЛ

ҚМ

E PLURIBUS UNUM

MNU

MAQSUT NARIKBAYEV
UNIVERSITY

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 1 (106), 2025

WWW.KM.MNU.KZ

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 1 (106), 2025

В НОМЕРЕ:

- Толкование норм закона в соответствии с принципами права;
- Advantages, Risks, and Prospects of Kazakhstan's Accession to the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA);
- Technologies Reshaping Warfare: Artificial Intelligence And U.S. Military Doctrine;
- Constitution's Supremacy Principle and Its Certain Characteristics;
- Институт ротации как инструмент повышения профессионального уровня государственных служащих: сравнительно-правовые аспекты;
- Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл: құқықтық шынайылық, қиындықтар және даму перспективалары;
- Выборы Президента Республики Казахстан: история и современность;
- Правовые аспекты управления твердыми бытовыми отходами в Казахстане: вызовы и перспективы;
- Problematic issues of law enforcement in the provision of land plots;
- Логика и правовой реализм.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. Каудыров Т.Е. (төраға) – з.ғ.д., Жеке құқық кафедрасының оқытушысы Maqsut Narikbayev University (Астана қ.);
2. Ахпанов А.Н. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры (Астана қ.);
3. Борчашвили И.Ш. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Кешірім жасау мәселелері жөніндегі комиссияның мүшесі (Астана қ.);
4. Дәуленов М.М. – PhD, Coventry University Kazakhstan Президенті (Астана қ.);
5. Дулатбеков Н.О. – з.ғ.д., профессор, Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университетінің ректоры, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Қарағанды қ.);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
8. Кэлер Л. – заң ғылымдарының докторы, Бремен Университетінің заң факультетінің профессоры (Бремен қ., Германия);
9. Лундмарк Т. – заң ғылымдарының докторы, Халл Университетінің Жоғары құқық мектебінің профессоры (Ұлыбритания);
10. Мелкевик, Бьярн – з.ғ.д., құқық профессоры (teluge), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
11. Мороз С.П. – з.ғ.д., профессор, Каспий Университеті «Фидлет» Жоғары құқық мектебінің деканы (Алматы қ.);
12. Нурмағамбетов А.М. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
13. Оглезнев В.В. – ф.ғ.д., Бремен Университетінің заң факультетінің шақырылған профессоры (Бремен қ., Германия);
14. Рогов И.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасының Құқық арқылы демократия үшін Еуропалық Комиссияның (Венеция Комиссиясы) мүшесі, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-Төрағасы (Астана қ.);
15. Сәрсембаев М.А. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
16. Саидов А.Х. – з.ғ.д., профессор, Өзбекстан Республикасы Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталықтың директоры, Өзбекстан Олий Мажлисі Заң шығару палатасының (Парламентінің) Конституциялық институттар, мемлекеттік емес ұйымдар және азаматтардың өзін-өзі басқару органдары комитетінің төрағасы, Өзбекстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының академигі (Ташкент қ., Өзбекстан);
17. Стоилос Я.Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Әулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
18. Спаак Т. – заң ғылымдарының докторы, Стокгольм Университетінің заң факультетінің профессоры (Стокгольм, Швеция);
19. Уадрцев С.Ф. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
20. Химма К. – заң ғылымдарының докторы, Вашингтон университетінің Жоғары заң мектебінің профессоры (Сиэтл, АҚШ).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Диджин А.Б. (бас редактор) – фил.ғ.д., з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Астана қ.);
2. Абдрасулова Г.Э. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
3. Аубакирова И.У. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
4. Ахмади М.А. – PhD, Maqsut Narikbayev University ғылыми қызмет және зерттеулер жөніндегі Вице-Провосты, Assistant professor (Астана қ.);
5. Бектибаева О.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебінің директоры (деканы) (Астана қ.);
6. Биебаева А.Ә. – з.ғ.к., доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Астана қ.);
7. Возняк О.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
8. Ешниязов Н.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
9. Есенкулова Б.Б. – Орталық Азиядағы Америка университетінің PhD, Associate professor (Бішкек қ., Қырғызстан Республикасы);
10. Жұмағұлов М.И. – з.ғ.д., ҚР Президенті жанындағы Қазақстандық стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары;
11. Жүсіпов А.Д. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
12. Идрышева С.К. – Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
13. Калишева Ж.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюросының басшысы (Астана қ.);
14. Қим К.В. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
15. Қоғамов М.Ш. – з.ғ.д., профессор, Maqsut Narikbayev University қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Астана қ.);
16. Қорабаев И. – Maqsut Narikbayev University Халықаралық экономика мектебінің PhD, Associate professor (Астана қ.);
17. Малиновский В.А. – з.ғ.д., «Нархоз Университеті» КАҚ профессоры (Алматы қ.);
18. Мельник Р.С. – з.ғ.д., Associate professor, Maqsut narikbayev University әкімшілік және неміс құқығы ғылыми мектебінің директоры (Астана қ.);
19. Нәрікбаев Т.М. – Maqsut Narikbayev University Басқарма Төрағасы (Астана қ.);
20. Нуртаев Р.Т. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
21. Оразбаева Ә.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
22. Пен С.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Провосты (Ректоры) (Астана қ.);
23. Подопригора Р.А. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
24. Саяпин С.В. – құқық докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Алматы қ.);
25. Сейтенов Қ.Қ. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Астана қ.);
26. Темірбеков Ж.Р. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
27. Тлепина Ш.В. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Астана қ.);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Каудыров Т.Е. (председатель) – д.ю.н., Преподаватель профессор Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Ахпанов А.Н. – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
3. Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан (г. Астана);
4. Дауленов М.М. – PhD, Президент Coventry University Kazakhstan (г. Астана);
5. Дулатбеков Н.О. – д.ю.н., профессор, Ректор Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Караганда);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлавский Университет (г. Вроцлав, Польша);
8. Кэлер Л. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
9. Лундмарк Т. – доктор права, профессор Высшей школы права Университета Халла (Великобритания);
10. Мелкевик, Бьярн – д.ю.н., профессор (tenure) права, профессор Университета Лавала (г. Квебек, Канада);
11. Мороз С.П. – д.ю.н., профессор, декан Высшей школы права «Адilet» Каспийского Университета (г. Алматы);
12. Нурмагамбетов А.М. – д.ю.н., профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
13. Оглезнев В.В. – д.ф.н., приглашенный профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
14. Рогов И.И. – д.ю.н., профессор, Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от Республики Казахстан, экс-Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Астана);
15. Сарсембаев М.А. – д.ю.н., профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
16. Саидов А.Х. – д.ю.н., профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, председатель Комитета по демократическим институтам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан Законодательной палаты Олий Махлиса (Парламента) Узбекистана, академик Национальной Академии Наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан);
17. Стойлов Я.Б. – судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского (г. София, Болгария);
18. Спаак Т. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Стокгольма (г. Стокгольм, Швеция);
19. Уадирце С.Ф. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
20. Химма К. – доктор права, профессор Высшей школы права Вашингтонского университета (г. Сизлт, США).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Диджикн А.Б. (главный редактор) – д.фил.н., к.ю.н., Associate professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Абдрасулова Г.Э. – к.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
3. Аубакирова И.У. – д.ю.н., Assistant professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
4. Ахмади М.А. – PhD, Assistant professor, Вице-Провост по научной деятельности и исследованиям Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
5. Бектибаева О.С. – PhD, директор (декан) Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
6. Биебаева А.А. – к.ю.н., доцент, директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (г. Астана);
7. Возняк О.А. – к.ю.н., Teaching professor Департамента уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
8. Ешниязов Н.С. – PhD, Assistant professor Департамента международного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
9. Есенкулова Б.Б. – PhD, Associate professor Американского университета Центральной Азии (г. Бишкек, Республика Кыргызстан);
10. Жумагулов М.И. – д.ю.н., профессор, Заместитель Директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (г. Астана);
11. Жусупов А.Д. – д.ю.н., Teaching professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
12. Идрышева С.К. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
13. Калишева Ж.Г. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
14. Ким К.В. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
15. Когамов М.Ч. – д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
16. Корабоев И. – PhD, Associate professor Международной школы экономики Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
17. Малиновский В.А. – д.ю.н., профессор НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
18. Мельник Р.С. – д.ю.н., Associate professor, директор Научной школы административного и немецкого права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
19. Нарикбаев Т.М. – к.ю.н., Председатель Правления Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
20. Нуртаев Р.Т. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
21. Оразбаева А.А. – к.ю.н., Teaching professor Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
22. Пен С.Г. – к.ю.н., Провост (Ректор) Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
23. Подопригора Р.А. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
24. Саяпин С.В. – доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (г. Алматы);
25. Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана);
26. Темирбеков Ж.Р. – PhD, Teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
27. Тлепина Ш.В. – д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Assistant professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана).

**Maqсут Narikbayev University. INFORMATION SCIENTIFIC JOURNAL «LAW AND STATE»,
PUBLISHED SINCE 1997, FREQUENCY OF PUBLICATION - 4 ISSUES PER YEAR.**

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Kaudyrov T.Ye. (chairman) – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Akhpanov A.N. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminal Law disciplines at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
3. Borshashvili I.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Commission on Pardons under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
4. Daulenov M.M. – Ph.D., President, Chairman of the Board of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
5. Dulatbekov N.O. – Doctor of Juridical Science, Professor, Rector of Academician E.A. Buketov Karaganda University, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Karaganda);
6. Ziemlicki, Bartosz – Ph.D., Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
7. Kozłowski, Artur – Dr. Hab., Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
8. Kähler L. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);
9. Lundmark T. – Doctor of Law, University of Hull, Law School, Professor (Great Britain);
11. Melkevik, Bjarne – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec, Canada);
12. Moroz S.P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the “Adilet” Higher School of Law at Caspian University (Almaty);
13. Nurmagambetov A.M. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
14. Ogleznev V. – Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);
16. Rogov I.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, member of the European Commission for Democracy through Law (the Venice Commission) of the Council of Europe representing Kazakhstan, former Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Astana);
17. Sarsembayev M.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
18. Saidov A.Kh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
19. Stoilov, Yanaki – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
20. Spaak T. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Stockholm (Sweden, c. Stockholm);
21. Udartsev S.F. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
22. Himma K. – Doctor of Law, Professor, Law School, University of Washington (USA, c. Seattle).

EDITORIAL BOARD:

1. Didikin A.B. (Chief Editor) – Doctor of Philosophy Science, Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Abdrasulova G.E. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
3. Aubakirova I.U. – Doctor of Juridical Science, Assistant professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
4. Akhmedi A.M. – Ph.D, Assistant professor, Vice-Provost for Research of Maqсут Narikbayev University (Astana);
5. Bektibayeva O.S. – Ph.D, Head (Dean) of KAZGUU Law School of Maqсут Narikbayev University (Astana);
6. Biyebayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
7. Voznyak O.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
8. Yeshniyazov N.S. – Ph.D, Assistant professor of the Department of International Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
9. Esenkulova B. – Ph.D in Law, Associate Professor, American University of Central Asia (Kyrgyzstan Republic, c. Bishkek);
10. Zhumagulov M.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
11. Zhushupov A.D. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
12. Idrysheva S.K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
13. Kalisheva Zh.G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau at Maqсут Narikbayev University (Astana);
14. Kim K.V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
15. Kogamov M.Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of Maqсут Narikbayev University (Astana);
16. Koraboyev I. – Ph.D, Associate Professor, International School of Economics, Maqсут Narikbayev University (c. Astana);
17. Malinovsky V.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
18. Melnyk R.S. – Doctor of Juridical Science, Director of the Scientific School of Administrative and German Law Maqсут Narikbayev University (Astana);
19. Narikbayev T.M. – Chairman of the Board of M. Narikbayev KAZGUU University (Astana);
20. Nurtayev R.T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
21. Orazbayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
22. Pen S.G. – Candidate of Legal Sciences, Provost (Rector) of Maqсут Narikbayev University (Astana);
23. Podoprigora R.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
24. Sayapin S.V. – Driur., Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty);
25. Seitenov K.K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Astana);
26. Temirbekov Zh.R. – Ph.D, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
27. Tlepina Sh.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
28. Khassenov M.Kh. – Ph.D, Assistant professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana).

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and State
№ 1 (106), 2025

ТЕОРИЯ ПРАВА

Калдыбаев А.К. (Республика Казахстан, г. Алматы) Толкование норм закона в соответствии с принципами права 6

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Sayenko L. P. (Republic of Kazakhstan, c. Astana) Advantages, Risks, and Prospects of Kazakhstan's Accession to the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) 20

Khassanay A.M., Baissalova G.T., Beissenbayeva M.T. (Republic of Kazakhstan, c. Almaty) Technologies Reshaping Warfare: Artificial Intelligence And U.S. Military Doctrine 35

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Chekhovych T. V. (Republic of Kazakhstan, c. Astana) Constitution's Supremacy Principle and Its Certain Characteristics 46

Оразбаева А.А. (Республика Казахстан, г. Астана) Институт ротации как инструмент повышения профессионального уровня государственных служащих: сравнительно-правовые аспекты 55

Абдуазимова Д.Д. (Астана қ., Республика Қазақстан) Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл: құқықтық шынайылық, қиындықтар және даму перспективалары 63

Тебаев Д.Б. (Республика Казахстан, г. Астана) Выборы Президента Республики Казахстан: история и современность 72

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Нукушева А.А. Абдижами А.Ж. Рустембекова Д.К. (Республика Казахстан, г. Караганда) Правовые аспекты управления твердыми бытовыми отходами в Казахстане: вызовы и перспективы 83

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Yerezhepkyzy R., Bekisheva S.D., Bekezhanov D.N. (Republic of Kazakhstan, c. Shymkent, Kossy, Taldykorgan) Problematic issues of law enforcement in the provision of land plots 97

ПЕРЕВОДЫ

Грин М. (США) Логика и правовой реализм 109

МАЗМҰНЫ/CONTENTS 119

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ 120

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 121

INFORMATION FOR AUTHORS 122

ТОЛКОВАНИЕ НОРМ ЗАКОНА В СООТВЕТСТВИИ С ПРИНЦИПАМИ ПРАВА

А.К. КАЛДЫБАЕВ,

к.ю.н., LL.M., Ассоциированный профессор Высшей школы права «Әділет» Каспийского университета, (г. Астана, Республика Казахстан), e-mail: askar.kaldybayev@gmail.com

В статье рассматриваются подходы по толкованию норм законов. Актуальность темы связана с требованиями правильного понимания и применения норм закона. Предметом исследования является разграничение закона, как субъективной категории, и права, как объективной категории, а также предложение по толкованию законов в свете требований права, в том числе через применение подхода толкования *contra legem*. Целью исследования является формирование предложений по изменению текущего регулирования и сложившегося представления толкования норм законов. Для достижения цели исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования. Новизна статьи заключается в том, что впервые и системно предлагается исходить прежде всего из требований права, а не буквы закона при толковании соответствующих норм. В качестве основных выводов отмечается необходимость совершенствования регулирования и практики толкования судами, в том числе через активное содействие науки.

Ключевые слова: закон, право, толкование закона, применение закона, суды, наука, *contra legem*, Конституция, справедливость, принципы права.

Введение

Для понимания соответствия поведения субъектов права требованиям закона требуется правильно понимать эти требования, правильно понимать нормы закона, в которых содержатся требования. Это может быть сложным по следующим причинам.

Во-первых, норма закона может быть неясной и допускающей несколько толкований.

Во-вторых, норма закона может противоречить другой норме закона, что рождает непонимание, какая из норм закона требует применения. Дело может осложняться тем, что данные нормы могут содержаться в законах, находящихся на одном уровне, т.е. обладающих одинаковой юридической силой, или вообще в одном и том же законе.

В-третьих, может отсутствовать прямая норма закона, что, однако, не означает, что отсутствует требование. Исходя из других норм закона, косвенно регулирующих соответствующие отношения, или из совокупности этих норм может вытекать явным или неявным образом наличие требования.

В-четвертых, сам характер закона может предполагать необходимость постоянного толкования его положений и увязки прежнего толкования с последующими. Примером является Конституция, имеющая краткое изложение и требующая подробного раскрытия ее положений.

В-пятых, несмотря на наличие нормы закона ее применение может иметь результатом очевидную несправедливость в отношении субъекта права в конкретном случае. Вопрос заключается в том, как правильно толковать и применять такую норму закона.

С учетом указанных проблем понимания и применения норм закона вопрос их толкования имеет важное значение. Хотел бы отметить работы профессоров М.К. Сулейменова и А.Г. Диденко по указанному вопросу [1; 2]. В данной работе хотелось бы кратко затронуть вопрос толкования

норм гражданско-правового закона в свете их соответствия праву, хотя применение предлагаемых подходов можно было бы рассмотреть и при толковании норм публично-правового закона.

Различие между правом и законом

Изначально я исхожу из необходимости разделения закона и права. Я ранее предлагал свою точку зрения [3], которая, конечно, не является оригинальной и вытекает из теории естественного происхождения права. Так, под законом понимается созданный людьми и принятый государственным органом в установленном порядке нормативный акт, отражающий их понимание правильного регулирования определенных общественных отношений на определенном временном этапе. Тем самым на законе лежит печать субъективизма, которая, однако, обеспечена принудительной силой государства.

В отдельных правовых системах сила закона придается судебным решениям верховных судов, которым должны следовать все нижестоящие суды (прецедент). Поскольку судебные решения принимаются людьми, то и они обладают субъективным характером.

Право же представляет собой объективную категорию, вбирающую в себя идеи о правильном регулировании общественных отношений, поведении людей. Право изначально присутствует, не создается людьми (для религиозных людей имеет божественное происхождение), но возможно для понимания людьми. Право равняется справедливости – то, что справедливо является правовым, и наоборот.

Право также равняется нравственным требованиям, имеющим универсальный характер для всех людей, в отличие от моральных требований, ограниченных отдельными сообществами. Закон и мораль близки друг к другу как принятые субъективные правила в определенном обществе. Однако, если закон обеспечен принудительной силой государства, то нарушение норм морали ведет лишь в общественному порицанию.

Если посмотреть на отражение этого подхода в законодательстве зарубежных стран, то разделение на закон и право проводится, например, в ст. 20(3) Основного закона Германии, где указано, что «законодательная ветвь власти связана конституционным порядком, исполнительная власть и правосудие связаны законом и правом» («Gesetz und Recht»). Тем самым, как отмечается в известном решении Федерального конституционного суда Германии по делу «Soraya» 1973 года, Основной закон по общему признанию отказался от узкого подхода «законодательного позитивизма» («Gesetzespositivismus»); писанный закон и право не всегда совпадают; государственная власть может отойти от закона в пользу права в определенных обстоятельствах; задачей правосудия является найти право и отразить его в своих решениях; при этом судья не должен принимать решения произвольно, решение должно базироваться на рациональном обосновании и общепринятом понимании справедливости [4]. Кроме того, толкование норм закона не должно быть привязанным к пониманию этой нормы на момент ее принятия, норма находится в постоянном контексте с социальными отношениями и общественно-политическими воззрениями, ее содержание должно изменяться в связи с изменением обстоятельств [4].

Таким образом, лучшая ситуация это та, когда люди правильно понимая правовые идеи, разрабатывают и принимают законы в соответствии с этими идеями. Как отмечал Р. Дворкин, в соответствии с пониманием права как целостности («law as integrity»), положения закона являются верными, если они исходят из принципов справедливости, равноправия, надлежащей правовой процедуры («justice, fairness, procedural due process»), которые обеспечивают лучшее конструктивное толкование правовой практики общества [5, с. 225]. Им проводится различие между законом («law») и правом («pure law»), включающим принцип справедливости, которому должен соответствовать закон и через которое должен толковаться закон [5, с. 407].

Вместе с тем люди могут ошибаться в содержании правовых идей, в т.ч. вследствие сложившихся представлений в определенном обществе в определенный временной промежуток, что ведет к ошибочным законам. Взять для примера проблему рабства, которое сейчас не соответствует принципу справедливости и равенства. Однако, в древние времена это было обычным и распространенным явлением. Даже римское право признавало рабство. Конституция США 1787 года изначально легитимировала рабство, и лишь через тринадцатую поправку в 1865 году был введен запрет на рабство и принудительный труд (штат Миссисипи ратифицировал данную поправку только в 2013 году).

Люди могут также специально извратить понимание права и обеспечить специальное принятие государственными органами неправовых законов в угоду интересам определенной группы людей. Люди также могут исказить волю других людей при подсчете голосов, данных за или против закона (например, при проведении референдума). В этой связи принятый субъективный закон не становится автоматически правовым, а следовательно, подлежащим обязательному применению без его правильного понимания на предмет соответствия праву.

При несовершенстве законов возникает классическая проблема обязанности исполнения закона, которая описана Р. Дворкиным. Имеют ли граждане моральную обязанность и практическую причину исполнять закон только в силу его принятия? Имеется ли такая моральная обязанность даже в тех случаях, когда граждане не согласны с законом или считают его неправильным в принципе? Если граждане не имеют такие моральные обязанности, то это значительно (фатально) умаляет обоснование применения государственного принуждения для исполнения закона. То есть вопрос касается морального обоснования применения государственного принуждения в отношении своих граждан [5, с. 191].

При этом для недопущения правового нигилизма и следования уважительному отношению к законам, стоит исходить из презумпции соответствия закона праву. Такая презумпция может быть опровергнута при представлении соответствующих доводов.

Говоря о соотношении закона и права, не следует также исходить из того, что право всегда реализуется через применение закона. Принципы права могут применяться напрямую даже если они в законе не отражены. Примером непосредственного применения принципов права являются обращения к торговым традициям – регулированию *lex mercatoria*, которое характеризуется так же, как «общие принципы международного коммерческого права», «общепризнанные правовые принципы», «общие принципы для различных правовых систем» и которое имеет своим источником общие принципы права [6, с. 320-321].

Толкование закона в соответствии с правом

В свете субъективного характера закона, который может не соответствовать объективному праву, важным является толкование закона в соответствии с правом как предварительной стадией применения закона. То есть ошибки в законе, допущенные по незнанию или с умыслом, можно исправить последующим толкованием закона в соответствии с правом.

Конечно, идеально было бы, чтобы неправовые законы корректировались в том же порядке, как они принимались. Однако, это является утопической идеей. Во-первых, у принимающих решение представителей государства может отсутствовать желание исправлять законы, имеющаяся ситуация их может вполне устраивать. Во-вторых, даже при наличии такого желания корректировка законов требует времени и ресурсов в связи с установленными процедурами внесения изменений в законы, и на это могут уйти годы. В-третьих, даже при наличии желания изменить закон и соответствующих ресурсов, нет никакой гарантии в том, что в итоге измененный закон будет соответствовать праву. С учетом того, что таких законов может много, очевидно, что законы, не соответствующие праву, могут сохраняться в силе продолжительное время.

Особенно сложным представляется внесение изменений в Конституцию. А краткий текст ее изложения приводит к тому, что для придания того или иного смысла ее нормам требуется проведение их соответствующего толкования. Так, отмечается, что «толкование Конституции выступает альтернативой жесткой процедуре внесения в нее поправок, которые могут быть направлены на конкретизацию содержания ее норм. Оно прочно вошло в практику Конституционного суда и оказывает все большее влияние на ее реализацию, деятельность всех органов власти, общественных объединений и граждан, частично компенсируя недостаточность конституционного и отраслевого законодательства» [7].

Очевидно, что, например, наличие нормы в ст. 1(1) Конституции о том, что «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» требует весьма обширного толкования в свете права в отношении каждого аспекта указанных характеристик государства.

Под толкованием норм понимается деятельность по установлению подлинного содержания

норм. Вместе с тем подлинность содержания можно уяснить только при наличии образца, с которым происходит сравнение, выяснить соответствие явления такому образцу. При толковании нормы закона образцом является право, идеальная норма, которую требуется обнаружить путем применения интеллектуальных усилий. Методы же толкования (буквальный, логический, исторический, системный и др.) призваны лишь помочь правильно истолковать закон в свете права.

Путем толкования нормы закона можно понять не только ее содержание, но характер данной нормы, например, является ли норма императивной или диспозитивной. Так, принято понимать, что если в норме указаны слова о возможности введения соглашением иного регулирования, отличительного от содержащегося в норме (например, при наличии слов «если иное не предусмотрено договором»), то она должна пониматься в качестве диспозитивной. Такой формальный подход, однако, не является правильным. Отдельные нормы, в которых отсутствуют такие слова, могут все равно считаться диспозитивными исходя из существа и цели регулирования, т.е. исходя из права. Это правило может действовать и в обратную сторону – даже если в нормах закона присутствуют слова о возможности иного регулирования соглашением, то они могут все равно считаться императивными исходя из требований права.

Ст. 6 (3) ГК Украины указывает на необходимость квалификации нормы в качестве императивной при ее проверке исходя из требований права («сути отношений между сторонами»):

«Стороны в договоре могут отступить от положений актов гражданского законодательства и урегулировать свои отношения по собственному усмотрению.

Стороны в договоре не могут отступить от положений актов гражданского законодательства, если в этих актах прямо указано об этом, а также в случае, если обязательность для сторон положений актов гражданского законодательства вытекает из их содержания или из сути отношений между сторонами».

В соответствии с известным Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (которое было принято после фундаментального труда Карапетова А.Г., Савельева А.И. «Свобода договора и ее пределы», изданного ими в 2012 году [8], тем самым можно взять на себя смелость утверждать, что Постановление базируется на этом научном труде), из целей законодательного регулирования может следовать, что содержащийся в императивной норме запрет на соглашение сторон об ином должен толковаться ограничительно (п. 2). При этом, если норма содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашением сторон, суд исходя из существа нормы и целей законодательного регулирования может истолковать такое указание ограничительно, то есть сделать вывод о том, что диспозитивность этой нормы ограничена определенными пределами (п. 3). Особо отмечено, что при возникновении спора об императивном или диспозитивном характере нормы, регулирующей права и обязанности по договору, суд должен указать, каким образом существо законодательного регулирования данного вида договора, необходимость защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов или недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон предопределяют императивность этой нормы либо пределы ее диспозитивности (п. 3).

Можно привести пример реализации такого подхода. Согласно ст. 51(3) Закона «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», члены исполнительного органа избираются общим собранием на установленный срок, но не более пяти лет. Хотя, в данной норме не указано, что учредительными документами ТОО может быть установлен иной срок избрания, надо понимать, что исходя из существа и цели этой нормы, исходя из понимания права, эта норма должна признаваться в качестве диспозитивной. Не будет ущемления никаких особо значимых охраняемых интересов, если участники ТОО своим решением определяют более длительный срок полномочий исполнительного органа.

Таким образом требуется толковать закон в соответствии с правом («существом регулирования», «смыслом регулирования», «целью регулирования», «сути отношений», «духом закона») и в последующем применять закон в соответствии с таким толкованием. Толкование, принятое обществом в качестве обязательного в силу соответствия толкования общим представлениям справедливости и самого авторитета толкователя, может даже сделать излишним изменение закона – закон будет применяться в том смысле, который придал ему авторитетный толкователь.

Толкование закона в соответствии с правом («the best it can be») дает также преимущество в части правовой определенности. Так, зная, что несовершенная норма закона не будет применяться или будет применяться в соответствии с объективным пониманием права, субъекты права не будут стремиться использовать несовершенство закона в свою пользу. Такая правовая определенность снизит количество споров, связанных с несовершенством закона, сделает бессмысленным опираться на несовершенный закон при обращении в суд или при построении защиты от иска.

Как отмечал в этой связи Р. Дворкин, если люди согласятся с тем, что следует руководствоваться не только четкими правилами, установленными в рамках прошлых политических решений [т.е. законами – А.К.], но и другими стандартами, основанными на принципах [т.е. праве – А.К.], которыми они должны были руководствоваться при принятии этих решений, то признаваемые общественные стандарты могут иметь более широкое применение, т.к. люди будут более подготовленными для восприятия и нахождения того, что указанные принципы будут требовать в определенных обстоятельствах, без необходимости детализированного законодательства [5, с. 188]. Члены общества принципов соглашались с тем, что их права и обязанности не ограничены отдельными решениями государственных институтов, но зависят в общем от принципов, на которых эти решения должны базироваться и которые эти решения должны продвигать [5, с. 211].

Пересмотр регулирования о толковании законов

С учетом вышеизложенного необходимо пересмотреть и текущие подходы к толкованию законов. Как мы можем наблюдать, регулирование о толковании норм законов ограничивает возможность толкования в соответствии с правом. Статья 6 ГК, которая посвящена толкованию норм гражданского законодательства, содержит следующее:

«1. Нормы гражданского законодательства должны толковаться в соответствии с буквальным значением их словесного выражения. При возможности различного понимания слов, применяемых в тексте законодательных норм, предпочтение отдается пониманию, отвечающему положениям Конституции Республики Казахстан и основным принципам гражданского законодательства, изложенным в настоящей главе, прежде всего в ее статье 2.

2. При выяснении точного смысла нормы гражданского законодательства необходимо учитывать исторические условия, при которых она вводилась в действие, и ее истолкование в судебной практике, если это не нарушает требований, изложенных в пункте 1 настоящей статьи».

В ст. 6(1) ГК указано, что толковать норму закона требуется буквально, как изложено в норме. Только если имеется различное понимание слов в норме, то тогда можно толковать норму в соответствии с правом, принципами права, содержащимися в Конституции и ГК. Если же текст нормы однозначен для толкования, то, как указано, обращение к принципам права толкование в соответствии с правом не допускается. Такой буквальный метод толкования, содержащийся в ст. 6 ГК, обоснованно признается А.Г. Диденко как дефектный, т.к. правильнее основываться на смысле нормы, а потом на букве, как на инструменте поиска смысла [9].

Ст. 6(2) ГК отмечает, что при выяснении точного смысла нормы гражданского законодательства необходимо учитывать исторические условия, при которых она вводилась в действие. Однако, такой исторический метод толкования не может помочь, если обстоятельства изменились, а тем самым изменились условия применения нормы. Исторические условия могут уже не соответствовать современному пониманию права и должного регулирования.

Ст. 6(2) ГК также отмечает, что при выяснении точного смысла нормы гражданского законодательства необходимо учитывать ее истолкование в судебной практике. Более важным, однако, представляется истолкование нормы в доктрине, научных исследованиях. Это было бы более точным пониманием нормы, поскольку истолкование в судебной практике должно основываться на научных разработках.

Очевидно, что саму норму ст. 6 ГК о толковании закона требуется толковать в свете права. Такое толкование должно нас приводить к тому, что если буквальное толкование нормы будет противоречить правовым идеям, справедливости, которые включены в текст Конституции или выводятся из нее, а также закреплены в принципах гражданского законодательства, то требуется отойти от такого буквального толкования. Саму букву закона требуется толковать в соответствии с

правом. В этой связи следует заложить в ст. 6 ГК соответствующую идею и придерживаться ее при применении норм закона или изменить данную норму в соответствии с предлагаемым подходом.

Ориентиром может быть имеющееся регулирование в других странах. Так, в М.К. Сулейменов и А.Г. Диденко в вышеуказанных трудах упоминают статью 3 Закона Эстонии «Об общей части Гражданского кодекса», в которой закреплено следующее:

«Положения Закона истолковываются в контексте с другими положениями, исходя из формулировок, смысла и цели закона».

Мы видим, что буквальное толкование используется наравне с толкованием в соответствии с правом. Именно правовые идеи подразумеваются под «смыслом закона» и «целями закона». Поэтому можно поддержать предложение А.Г. Диденко сформулировать новую норму закона о толковании следующим образом:

«Нормы гражданского законодательства толкуются в соответствии с их буквальным значением и признаками, раскрывающими их сущность на основе смысла и целей нормативного правового акта» [9].

Предлагаемый подход близок к правовому прагматизму, когда закон не отвергается и применяется в имеющемся в виде, применяя буквальное толкование. Однако, закон не применяется, если он устаревший или признается как несправедливый и неэффективный [5, с. 162].

Однажды принятая норма живет своей жизнью в отрыве от намерений принявших ее субъектов и органов. Можно определить эти намерения при принятии нормы, но нельзя быть ими связанными. Норма должна пониматься так, как требует текущий идеал правового регулирования, даже если намерения принявших ее субъектов исходили из другого. В этом смысл т.н. креативного толкования («creative interpretation»), которое согласно Р. Дворкину направлено не столько на выявление целей лиц, принимавших закон, сколько на определение цели самого закона [5, с. 228].

Тем самым следует признать возможность толкования *contra legem*, которое понимается как придание нормативному предписанию смысла, противоречащего буквальному прочтению его текста. Суд прибегает к такому толкованию в исключительных случаях, когда применение позитивной нормы в ее текстуальном значении в конкретных обстоятельствах рассматриваемого дела может привести к несправедливому или неразумному решению [10, с. 204-205]. Отмечается, что аргументы противников допустимости *contra legem*, в сущности, всегда сводятся к опасению судебного произвола (как намеренного, так и ненамеренного) и неединообразной судебной практики. Аргументы же сторонников допустимости толкования *contra legem* сводятся к необходимости обеспечения справедливости, преодоления юридико-технических недостатков законодательства и его отставания от реальных общественных отношений [10, с. 205].

Можно привести примеры, когда норма закона должна толковаться исходя из ее цели и существа регулирования, но вопреки ее буквальному изложению. В соответствии со ст. 31(1) Закона «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», участники ТОО пользуются преимущественным перед третьими лицами правом покупки доли участника или ее части при ее продаже кем-либо из участников. Хотя буквально норма позволяет другим участникам купить лишь часть доли, норма должна толковаться таким образом, чтобы не допустить такое действие (вопрос не касается пропорциональной покупки доли участниками), т.к. это будет нарушать интересы продающего участника – доля должна быть приобретена вся целиком без остатка или быть не приобретенной вообще. В соответствии со ст. 31(2) этого Закона, участник ТОО, желающий продать свою долю, обязан письменно известить ТОО о своем намерении с указанием предполагаемой цены продажи. Хотя буквально норма придает значение только цене продажи для определения возможности ее приобретения другими участниками, норма должна толковаться таким образом, чтобы учитывать и другие условия продажи (например, срок и порядок оплаты, дополнительные обязательства сторон договора), т.к. эти условия могут иметь значение для продающего участника – доля должна быть приобретена на тех же условиях, как и условия продажи третьим лицам, а не только по той же цене.

Вопрос толкования норм закона также связан с вопросом наличия противоречия между ними. В соответствии со ст. 12 Закона «О правовых актах»:

«1. При наличии противоречий в нормах нормативных правовых актов разного уровня действуют нормы акта более высокого уровня.»

2. Нормы законов в случаях их расхождения с нормами кодексов Республики Казахстан могут применяться только после внесения в кодексы соответствующих изменений и (или) дополнений.

3. При наличии противоречий в нормах одного нормативного правового акта или нормативных правовых актов одного уровня действует норма акта, позднее введенного в действие, или норма, которая соответствует акту, позднее введенному в действие».

Комментируя данную норму, отмечу, что, во-первых, требуется устранить такой пережиток как приоритет кодекса перед законами. И кодексы, и законы принимаются парламентом, различие имеется лишь в их структуре и комплексном характере. Как обоснованно указывает С.И. Климкин, сейчас процесс подбора соответствующего названия для законодательного акта («кодекс» или просто «закон») следует рассматривать как субъективный [11, с. 8-9].

Во-вторых, при наличии противоречий следует обращать внимание не только на уровни правовых (корректнее «нормативных») актов, где содержатся нормы, когда они приняты или на то, является ли норма общей или специальной (хотя приоритет специальной нормы не закреплен в Законе «О правовых актах»), но и на соответствие норм закона праву. Даже если норма содержится в акте более высокого уровня или в акте позднее введенного или является специальной, но которая менее соответствует праву («существу и цели регулирования»), чем норма более низкого уровня или ранее введенная или общая норма, то норма в акте более высокого уровня или в акте позднее введенного или специальная норма не подлежит применению. Эту мысль необходимо отразить в законе.

Толкование закона судом

Этап применения законов на основании их правильного толкования является важным. Важна личность того, кто должен применять закон, толкуя его в соответствии с правовыми идеями. Очевидно, что главным применителем законов, чье итоговое понимание закона является обязательным для всех, является суд. Суд играет ключевую роль и для приведения законов в соответствие с правом. Обязательное же применение законов в соответствии с предложенным толкованием как общее (нормативное) правило происходит тогда, когда такое толкование исходит от верховного суда государства.

Конечно, постоянной дилеммой является то, что закон принимается в рамках установленных процедур многочисленным парламентом, депутаты которых были избраны демократическим путем, тогда как применение закона и его толкование, имеющее обязательный характер, ограничено несколькими судьями верховного суда или конституционного суда. Между тем, и история эта показывает, не обязательно закон, принятый парламентом (даже избранным демократическим путем, что, к сожалению, не является правилом), соответствует праву. Тогда как квалифицированные и опытные судьи, ежедневно сталкивающиеся с проблемами необходимости поиска справедливых решений, могут правильнее понять требования права и правильно истолковать закон в соответствии с этим пониманием. Вопрос соотношения нормотворчества парламента и верховного суда, конституционного суда требует основательного изучения.

Недостаточно, чтобы закон принимался большинством. Требуется, чтобы закон еще соответствовал праву. Для этого имеется процедуры *ex ante* контроля до принятия закона – анализ проекта заинтересованными лицами, экспертами и государственными органами, обсуждение проекта на рабочих группах и заседаниях парламента, публичное обсуждение. Имеется также и *ex post* контроль после принятия закона – критический анализ текста учеными, правоприменителями, особенно Верховным Судом и Конституционным Судом.

Мы видим, что во многих странах верховным судам, так же, как и конституционным судам, состоящим из нескольких судей, переданы полномочия по окончательному толкованию законов, которое имеет обязательный характер. Это решение имеет прагматический характер необходимости оперативного и квалифицированного решения проблем правильного применения законов. В Казахстане Верховный Суд и Конституционный Суд наделены правом издавать нормативные постановления, которые отнесены к действующему праву. Тем самым принцип мажоритаризма уступает принципу квалификации (назову его так) – нескольким судьям Верховного Суда и Конституционного Суда дается право принимать обязательное регулирование, без соблюдения процедур принятия законов через парламент избранными народом депутатами (хотя к правильности их выборов могут быть вопросы).

Возможны ситуации, когда в общем закон соответствует правовым идеям, но его применение при конкретных обстоятельствах соответствовать праву не будет. Поэтому задачей судов является определение абстрактной нормы закона для применения к конкретному обстоятельству, оценка такого применения требованиям права и применение в соответствии с требованиями права. С учетом того, что суд непосредственно разбирается с конкретным делом, он может лучше оценить соответствие нормы закона принципам права.

Так, в качестве примера можно привести постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 23.07.2009 № 60. Ст. 134(2) российского Закона о банкротстве устанавливает очередность удовлетворения платежей. Несмотря на это ВАС указал, что «учитывая обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, суд вправе признать законным отступление управляющим от очередности, предусмотренной в пункте 2 статьи 134 Закона о банкротстве, если это необходимо исходя из целей соответствующей процедуры банкротства, в том числе для недопущения гибели или порчи имущества должника либо предотвращения увольнения работников должника по их инициативе» [12]. Верховный суд страны позволил судам отойти от требований закона в определенных случаях, для необходимости получения справедливого результата («целей процедуры банкротства»), т.е. для соответствия праву.

Толкование закона Верховным Судом по конкретным делам не делает такое толкование автоматически нормативным, обязательным при рассмотрении аналогичных споров. Такое толкование должно найти поддержку среди юридического сообщества благодаря приведенному обоснованию для такого толкования. Обоснованное толкование норм закона, исходя из правильного понимания права, придает авторитет такому толкованию.

Более того, само толкование закона судом может влечь его последующее квалифицированное толкование юридическим сообществом – представителями практики и учеными. Тем самым происходит последующая проверка толкования и применения норм закона судом.

В этой связи ключевым является способность судей, прежде всего судей Верховного Суда, в связи с фактически нормативным характером их решений, правильно понимать право, правильно оценивать соответствие норм закона праву, при необходимости внести корректировки в применение норм закона в соответствии с правильным пониманием права. Очевидно, для этого требуется не только опыт и знание норм законов, но и ясное понимание целей правового регулирования, затрагиваемых интересов, доктрины права, которая выражается в трудах как местных, так и зарубежных ученых, регулирования и практики зарубежных стран. Однако вопрос заключается в том, имеет ли судья соответствующие способности и условия для понимания права и проведения толкования закона в соответствии с правом.

Подтверждение наличия таких способностей у судей должно происходить через установленную процедуру отбора судей, их оценки и продвижения до уровня судьи Верховного Суда. Эффективность такой процедуры даст на выходе эффективный результат – высококвалифицированных и порядочных судей. Оценить результат можно по итогам проверки качества решений таких судей.

Недостаточное обоснование судебных решений ведет к неприятию этих решений не только сторонами спора, но и обществом в целом. Вопрос касается доверия к судебной власти. Недостаточное обоснование судебных решений приводит к выводам о некомпетентности судей или их материальной заинтересованности в исходе дела. Ни то, ни другое не красит судей.

В этой связи, признавая необходимость понимания права и толкования закона в соответствии с правом, требуется иметь судей, имеющих способности для этого, обладающих глубокими знаниями. Требуется создать им условия для работы, в т.ч. достаточное время для изучения материалов, а также материальное обеспечение. Очевидно, это долгий путь, который, однако, требуется пройти для действительного верховенства права и построения правового государства.

Содействие науки при толковании закона судьями

С учетом того, что в настоящее время судьи как правило, в первую очередь из-за чрезмерной нагрузки, не имеют возможности и времени для углубленного изучения отдельных правовых вопросов, требуется оказание им поддержки в этом. Прежде всего это должны признать сами судьи и Верховный Суд.

Поддержку судьям должны давать ученые, специализирующиеся в определенных отраслях права и, следовательно, имеющие более глубокие знания вопросов и проблем этих отраслей, понимающие пути решения данных проблем. Как было отмечено в вышеуказанном решении Федерального конституционного суда Германии по делу «Soraya», решения Федерального верховного суда и других судов должны основываться на широкой поддержке со стороны правовой науки и опираться с самого начала на общие представления о справедливости [4].

Р. Дворкин на примере США указал на значение науки при развитии правовых аргументов, ставящих под сомнение имеющееся регулирование и сложившуюся практику: сначала эти аргументы появляются в аудиториях университетов, опубликованных статьях, потом как аргументы юристов по определенным делам в судах, потом как особые мнения судей, не соглашающихся с большинством судей, основывающихся на сложившемся регулировании и практике, потом как мнение большинства судей во все увеличивающихся делах, потом как позиция, не подвергающаяся сомнению [5, с. 137]. Аналогичный путь развития правовых аргументов можно представить у нас с тем лишь отличием, что итоговое их закрепление должно быть в законах и нормативных постановлениях Верховного Суда.

Представляется, что должна быть создана система взаимодействия судей и ученых, когда последние, вследствие глубокого и комплексного понимания вопроса, могут восполнить недостающие знания первых. Конечно же, ученые не должны брать на себя роль судей, судьи должны быть независимы при отправлении правосудия.

Создание площадок по обсуждению актуальных вопросов теории и практики должно быть системной работой. Так, при различных судах (в обязательном порядке при Верховном Суде и областных судах) могут создаваться научно-консультативные советы с включением в их состав ученых, формирующих отдельные секции таких советов по направлениям специализации. По инициативе судов должны проводиться публичные обсуждения в форме конференций и семинаров как на республиканском, так и на региональном уровнях. Таким образом должна быть создана институциональная система доктринальной поддержки судей для правильного понимания права, толкования и применения законов в соответствии с таким пониманием.

Необходимо, чтобы Верховный Суд дал четкий посыл для судов о желательности ссылок в судебных решениях на научные работы, комментарии, чтобы он показал пример этого в своих постановлениях. Например, в Нормативном постановлении Верховного Суда от 29.11.2024 № 5 «О судебном решении по административным делам», в целях оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств суд по административным делам может привлечь к участию в деле специалиста для дачи консультаций (пояснений). Специалистом может быть лицо, обладающее специальными знаниями в соответствующей сфере и (или) навыками, в том числе в отдельных отраслях права (антимонопольное, земельное, налоговое, таможенное и другие) (п. 16). По гражданским делам требуется не только ввести аналогичное регулирование, но и активно ссылаться в решениях по сложным делам на заключения специалистов в области права.

Обоснование решений мнением авторитетных ученых должно повысить качество решений. Хотя и утверждается, что «[п]рактика, в свою очередь, в большей мере стала считаться с научными выводами. Это проявляется в учете экспертных заключений, в прямом использовании положений доктрины в официальном толковании» [9], надо признать, что такое применение научных выводов в судебных решениях является редким явлением.

Широкое применение ссылок в судебных решениях на научные работы по теме спора даст импульс для представителей сторон самими обращаться к ученым для получения независимых экспертных заключений и их представления суду для определения обоснованности их ссылки в итоговом решении. Тем самым востребованность научной работы даст стимул для подготовки качественных научных трудов, востребованность ученых, приток молодых кадров в науку.

Нормотворчество судей при толковании законов

Есть точка зрения, что под видом толкования законов суды иногда занимаются созданием нового регулирования, «правотворчества», т.е. в тех случаях, когда при отсутствии четких норм в законе суды создают такие нормы, на которые они затем опираются при принятии решений. Для начала

требуется определиться с понятиями. С учетом различия права, как постоянно наличествующего, и закона, как создаваемого, необходимо говорить о «законотворчестве» или «нормотворчестве» судов.

Принята точка зрения, что толкование не должно менять содержание норм, а лишь раскрывать их смысл. Вместе с тем раскрытие смысла нормы может привести к различному пониманию ее содержания. Суды, понимая право соответствующим образом, могут выходить за пределы толкуемой ими нормы закона, в т.ч. применять вышеуказанный метод *contra legem*. Суды могут вложить в норму закона такой смысл, который, по их мнению, будет наилучшим образом соответствовать праву. В этом случае, действительно, может стираться грань между толкованием закона и созданием новой нормы закона. При этом создание новой нормы можно ожидать лишь от Верховного Суда, а не нижестоящих судов, т.к. норма становится таковой при придании ей именно Верховным Судом нормативного характера – многократности для будущих аналогичных отношений.

Аналогия права, которая применяется в соответствии со ст. 5(2) ГК, т.е. в случаях, когда «права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости (аналогия права)», исходящая от Верховного Суда, обладает обязательным характером для нижестоящих судов.

«Суд, – отмечали еще в 70-е гг. прошлого века С. Н. Братусь и А. Б. Венгер, – применяя аналогию, создает норму как основу решения дела для данного конкретного случая, сходную с другой нормой, при применении аналогии закона или норму, опирающуюся на общие принципы, при применении аналогии права. Если применяемое судом положение становится правилом, которым руководствуются другие суды при разрешении таких споров, и если это правило воспроизводится в постановлениях пленумов верховных судов или первоначально формулируется ими и данным правилом руководствуются суды в своей деятельности, то нет никаких оснований отрицать тем самым в этой специальной области правотворческое значение судебной практики» [13, с. 30].

Если суд в своем решении лишь перефразирует норму закона, то здесь очевидно ни о каком толковании, а тем более нормотворчестве речь не идет. В таких случаях происходит простое дублирование нормы закона. Такое часто происходит в нормативных постановлениях Верховного Суда. Если такое перефразирование нормы приводится без цели представить системное раскрытие определенного регулирования, то оно имеет ограниченную ценность, т.к. эта норма уже имеется в законе.

От нижестоящих судов можно ожидать лишь казуальное толкование норм закона (в рамках рассмотрения определенного дела), их конкретизацию. Например, отмечается, что применение норм, содержащих оценочные понятия, возможно лишь при условии их конкретизации судом [13, с. 21]. Толкование суда будет обладать нормативным характером лишь после его утверждения Верховным Судом. Толкование, не имеющее обязательный для других судов характер при разрешении аналогичных дел, не имеет нормативный характер и не может считаться созданием новой нормы (закона).

Примером законотворческой деятельности Верховного Суда является Нормативное постановление № 6 от 07.07.2016 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применении судами последствий их недействительности». Данным Нормативным постановлением в законодательство Казахстана было введено деление сделок на оспоримые и ничтожные, хотя ГК на время принятия Нормативного постановления еще такого деления не знал. Лишь через полгода Законом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского, банковского законодательства и улучшения условий для предпринимательской деятельности» от 27.02.2017 такое деление в ГК было введено.

Еще одним примером законотворческой деятельности Верховного Суда является Нормативное постановление № 2 от 10.07.2008 «О некоторых вопросах применения законодательства о товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью». В соответствии с п. 15 данного Нормативного постановления, «[п]олномочия единоличного или коллегиального исполнительного органа товарищества по истечении срока, на который они были избраны (назначены), продлеваются на срок до принятия общим собранием участников соответствующего решения, если ни одна из сторон не позднее последнего рабочего дня до истечения срока действия трудового

договора не уведомила о прекращении трудовых отношений». В Законе «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» такое положение отсутствует, а лишь указано в части срока полномочий, что «[ч]лены исполнительного органа избираются общим собранием на установленный срок, но не более пяти лет» (ст. 51(3)). Верховный Суд ввел новое регулирование, действительно нужное для гражданского оборота.

Надо признать, что Верховный Суд, принимая обязательные для других судов решения, в которых он толкует норму закона, выходя за ее рамки, создает новую норму. Обязательность решений Верховного Суда для других судов вытекает из требования о соблюдении ими единообразия судебной практики, единообразия в «толковании и применении судами норм права» (ст. 438(6)(3) ГПК). Очевидно, что в достижении такого единообразия главную роль играет Верховный Суд, принимая не только нормативные постановления, обязательный характер которых однозначен, но и решения по конкретным делам. Таким образом следует признать фактически законотворческую деятельность Верховного Суда.

При этом надо понимать, что единообразие судебной практики не означает ее автоматическую верность. Суды по конкретным делам могут и должны отходить от такого единообразия, если убеждены в том, что она неправильная. Несоответствие судебного решения судебной практике (единообразию) не может быть самостоятельным основанием для отмены такого судебного решения, если оно правильное и соответствует праву.

Нижестоящие суды следуют позициям вышестоящих судов, особенно Верховного Суда, в связи с их утилитарной точкой зрения о необходимости сохранения вынесенных ими решений в силе. Соответствие решения суда позиции вышестоящих судов дает определенные гарантии сохранения в силе данного решения. При этом нет никаких ограничений для того, чтобы суды при вынесении решений ссылались в мотивировочной части не только на законы и иные нормативные акты, но и на постановления Верховного Суда (возможность чего, вероятно, можно прямо предусмотреть в законе).

Необходимо, однако, понимать, что если нижестоящие суды не согласны с регулированием и решениями, исходящими от Верховного Суда, то исходя из принципа независимости судей и подчинения их только праву, они имеют право отойти от сложившейся практики, дав соответствующее обоснование своему решению.

Заключение

Толкование норм закона в соответствии с правом, так же, как и принятие этих норм, передается в руки людей, которые основывают такое толкование на своем субъективном понимании права, а значит, могут ошибаться. Вследствие этого имеется риск, что в итоге мы можем получим толкование, которое праву не соответствует. В этой связи важно обеспечить, чтобы толкование было правильным и обеспечивало такое соответствие.

Имеются высказывания, что идеи права являются субъективными и каждый может понимать их по-разному, что понимание справедливости как сути права тоже может восприниматься каждым исходя из своего собственного понимания. Однако, следует согласиться с А.Г. Диденко, который отмечает, что «[с]праведливость конкретна. Она привязана к историческому моменту общества с состоянием его культуры, права, религии, политики, экономики, нравственности, расслоения общества» [9]. Надо также согласиться с ним в том, что «[т]акже понятия, как добросовестность, справедливость, злоупотребление правом и др., имеют основополагающую объективную основу в виде сложившийся и одобряемой обществом практики, соответствия нравственным устоям общества, принятым приемам толкования - все это должно присутствовать в субъективном толковании правоприменителя, без чего его решение будет субъективистским» [9]. Тем самым имеются объективные критерии определения права, справедливости.

Так, объективно и глобально общепринято понимание того, что убийство, воровство и мошенничество являются примерами неприемлемого, порицаемого и наказываемого поведения. Значит необходимо брать за основу ценности, обладающие универсальным характером, а не присущие только отдельному обществу. Ориентиром, например, могут выступать Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о правах человека (к которой Казахстан все еще не присоеди-

нился по неизвестным нам причинам), признанные комментарии к ним. В сфере частного права можно ориентироваться, например, на универсальные Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА). В этом случае будет уверенность в том, что толкование норм закона и их применение будет соответствовать праву.

Сейчас как никогда имеется возможность сверить имеющееся в определенном государстве регулирование – его законы и судебную практику, с глобально признаваемыми общественными ценностями. Получение мгновенной информации через сеть интернет о регулировании в других странах, типовых документах, обычаях, рекомендациях международных организаций, конвенциях, научных разработках дает возможность проверить уровень соответствия законов и судебной практики государства этой лучшей практике, т.е. праву. Требуется лишь проводить эту работу на постоянной и системной основе.

A.K. Kaldybayev, Associate Professor of the Caspian University, the High Law School “Adilet”, candidate of jurisprudence, LL.M. (Astana, Republic of Kazakhstan): Interpretation of legal norms in accordance with the principles of law.

The article considers approaches to the interpretation of legal norms. The relevance of the topic is related to the requirements of correct understanding and application of legal norms. The subject of the study is the distinction between the legislation as a subjective category and the law as an objective category, as well as a proposal for the interpretation of legislation in the light of the requirements of the law, including through the application of the *contra legem* interpretation approach. The purpose of the study is to formulate proposals for changing the current regulation and the established understanding of the interpretation of legal norms. To achieve the goal of the study, both general scientific and specific scientific research methods were used. The novelty of the article lies in the fact that for the first time and systematically it is proposed to proceed primarily from the requirements of the law, and not the letter of the legislation when interpreting the relevant norms. The main conclusions include the need to improve the regulation and practice of interpretation by the courts, including through the active assistance of science.

Key words: legislation, law, interpretation of legislation, application of legislation, courts, science, contra legem, Constitution, justice, principles of law.

А.Қ. Қалдыбаев, Әділет» жоғары заң мектебі, Каспий университеті ассоциативті профессоры, з.ғ.к., LL.M. (Астана, Қазақстан Республикасы): Құқық қағидаттарына сәйкес заң нормаларды түсіндіру.

Мақалада заң нормаларды түсіндіру тәсілдері қарастырылады. Тақырыптың өзектілігі заңды дұрыс түсіну және қолдану талаптарымен байланысты. Зерттеу пәні – субъективті категория ретіндегі заң пен объективті категория ретіндегі құқықтың аражігін ажырату, сондай-ақ заңдарды заң талаптары тұрғысынан, оның ішінде *contra legem* тәсілі арқылы түсіндіру ұсынысы. Зерттеудің мақсаты – құқықтық нормаларды түсіндіру бойынша қолданыстағы реттеуді және қалыптасқан түсінікті өзгерту. Зерттеу мақсатына жету үшін жалпы ғылыми және арнайы ғылыми зерттеу әдістері қолданылды. Мақаланың жаңалығы бірінші рет және жүйелі түрде тиісті нормаларды түсіндіру кезінде заңның әрпінен емес, ең алдымен заң талаптарынан шығу ұсынылуда. Негізгі қорытындылар соттардың, оның ішінде ғылымның белсенді көмегі арқылы түсіндіру тәжірибесін және реттеуді жетілдіру қажеттілігін қамтиды.

Түйін сөздер: заң, құқық, заңды түсіндіру, заңның қолданылуы, соттар, ғылым, contra legem, Конституция, әділдік, құқық принциптері.

Список литературы:

1. Судейменов М.К. Применение и толкование норм гражданского законодательства и договора: проблемы теории и практики. URL: [\(https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34551164\)](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34551164). (06.01.2025).
2. Диденко А.Г. О толковании норм права. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35275964&pos=1;-8#pos=1;-8&sdoc_params=text%3D%25D0%25BE%2520%25D1%2582%25

D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B8%2520%25D0%25BD%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BC%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D35275964%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0. (06.01.2025).

3. Калдыбаев А. О понятии права и понятия закона. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34602994&pos=6;-106#pos=6;-106 (06.01.2025).

4. BVerfGE 34, 269 – Soraya. URL: <https://www.servat.unibe.ch/tools/DfrInfo?Command=ShowPrintText&Name=bv034269> (06.01.2025).

5. Dworkin R.M. Law's Empire. Harvard University Press. 1986.

6. Pryles M. Application of the *Lex Mercatoria* in International Commercial Arbitration // UNSW Law Journal. Volume 31(1). 2008/

7. Иванова О.М. Институт толкования Конституции в России и Франции (сравнительно-правовой анализ) // Ленинградский юридический журнал. СПб., 2009. № 4 (18), цит. по: Петренко Н.И., Рыбакова Я.Н. Толкование конституционных норм как вид правовой деятельности. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-konstitutsionnyh-norm-kak-vid-pravovoy-deyatelnosti#:~:text=D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA,\(%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2\)%20%5B7%5D](https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-konstitutsionnyh-norm-kak-vid-pravovoy-deyatelnosti#:~:text=D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA,(%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2)%20%5B7%5D) (06.01.2025).

8. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – М.: Статут, 2012; Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. – М.: Статут, 2012. URL: <https://m-lawbooks.ru/product/karapetov-a-g-savelev-a-i-svoboda-dogovora-i-eyo-predelyi-v-2-h-t/> (06.01.2025).

9. Диденко А.Г. О толковании норм права. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35275964&pos=1;-8#pos=1;-8&sdoc_params=text%3D%25D0%25BE%2520%25D1%2582%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B8%2520%25D0%25BD%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BC%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D35275964%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (06.01.2025).

10. Аллахвердиев И. О допустимости толкования *contra legem*: философско-правовые и формально-юридические аспекты // Цивилистика. 2024, № 1.

11. Климкин С.И. Гражданское право Республики Казахстан: Зигзаги нормотворчества. – Алматы. Жеті Жарғы, 2019.

12. Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»».

13. Кучин М.В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Российский юридический журнал, 2017, № 3 (Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975).

References:

1. Suleymenov M.K. Primeneniye i tolkovaniye norm grazhdanskogo zakonodatel'stva i dogovorov: teoreticheskiye i prakticheskiye problemy. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34551164. (01.06.2025).

2. Didenko A.G. Tolkovatel'naya norma prava. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35275964&pos=1;-8#pos=1;-8&sdoc_params=text%3D%25D0%25BE%2520%25D1%2582%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B8%2520%25D0%25BD%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BC%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D35275964%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (01.06.2025).

3. Kaldybayev A. Ponyatiye prava i ponyatiye prava. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34602994&pos=6;-106#pos=6;-106 (01.06.2025).
4. BVerfGE 34, 269 – Soraya. URL: <https://www.servat.unibe.ch/tools/DfrInfo?Command=ShowPrint-Text&Name=bv034269> (01.06.2025).
5. Dvorkin R.M. Imperiya Lo. Izdatel'stvo Garvardskogo universiteta. 1986.
6. Prayls M. Primeneniye Lex Mercatoria v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Yuridicheskiy zhurnal UNSW. Tom 31 (1). 2008/
7. Ivanova O.M. Institut tolkovaniya Konstitutsii v Rossii i Frantsii (sravnitel'no-pravovoy analiz) // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. SPb, 2009. № 4 (18), tsit. po: Petrenko N.I., Rybakova YU.N. Tolkovaniye konstitutsionnykh norm kak vid pravovoy deyatel'nosti. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-konstitutsionnyh-norm-kak-vid-pravovoy-deyatelnosti#:~:text=%D0%A2%D0%BE%D0%B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA,\(%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2\)%20%5B7%5D](https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-konstitutsionnyh-norm-kak-vid-pravovoy-deyatelnosti#:~:text=%D0%A2%D0%BE%D0%B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA,(%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D0%B2)%20%5B7%5D) (01.06.2025).
8. Karapetov A.G., Savel'yev A.I. Svoboda dogovora i yeye predely. T. 1: Teoreticheskiye, istoricheskiye i politiko-pravovyye osnovy printsipa svobody dogovora i yego ogranicheniy. M.: Statut, 2012; T. 2. Ogranichennaya svoboda opredeleniya usloviy dogovora v zarubezhnom i rossiyskom prave. – M.: Statut, 2012. URL: <https://mlawbooks.ru/product/karapetov-a-g-savelev-a-i-svoboda-dogovora-i-eyo-predelyi-v-2-h-t/> (01.06.2025).
9. Didenko A.G. Tolkovatel'naya norma prava. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35275964&pos=1;-8#pos=1;-8&sdoc_params=text%3D%25D0%25BE%2520%25D1%2582%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25B0%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B8%2520%25D0%25BD%25D0%25BE%25D1%2580%25D0%25BC%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D35275964%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D0%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=0 (01.06.2025).
10. Allakhverdiyev I. O dopustimosti tolkovaniya contra legem: filosofsko-pravovoy i formal'no-pravovoy aspekty // Grazhdanskoye delo. 2024, № 1.
11. Klimkin S.I. Grazhdanskoye pravo Respubliki Kazakhstan: Zigzagi normotvorchestva. - Almaty. Sem' Kharti, 2019.
12. Postanovleniye Plenuma Rossiyskoy akademii nauk Rossiyskoy Federatsii ot 23.07.2009 № 60 «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s prinyatiyem Federal'nogo zakona ot 30.12.2008 № 296-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon». Zakon «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)».
13. Kuchin M.V. Sudebnoye tolkovaniye ili sudebnoye normotvorchestvo? // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal, 2017, № 3 (Bratus' S.N., Vengerov A.B. Ponyatiye, sodержaniye i formy sudebnoy praktiki // Sudebnaya praktika v sovetskoй pravovoy sisteme. M., 1975).

Для цитирования и библиографии: Калдыбаев А.К. Толкование норм закона в соответствии с принципами права // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 6-19. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_6

Материал поступил в редакцию 23.12.2024

ADVANTAGES, RISKS, AND PROSPECTS OF KAZAKHSTAN'S ACCESSION TO THE MULTI-PARTY INTERIM APPEAL ARBITRATION ARRANGEMENT (MPIA)

L.P. SAYENKO,

2nd year Master's degree student educational programme 7M04212 - 'International Law' Maqsut Narikbayev University

(Kazakhstan, Astana)

e-mail: l_sayenko@kazguu.kz

The paralysis of the Appellate Body has disrupted the appellate review process in World Trade Organization (WTO) dispute settlement system, undermining the ability of the members to resolve trade disputes. In response, some members introduced appellate arbitration through the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) in 2020. Given Kazakhstan's participation in the WTO, this article *aims* to examine Kazakhstan's approach to the Appellate Body dysfunction and evaluate the procedural features, advantages, and limitations of appellate arbitration and its implications for Kazakhstan. To achieve this, the study employs general scientific, dogmatic, statistical, and legal interpretation methods to assess Kazakhstan's role in WTO dispute settlement and its potential engagement with the MPIA. The study focuses on Kazakhstan's stance on international trade disputes, particularly its engagement with the WTO's dispute settlement mechanism as a *subject*. As a key aspect of its *novelty*, this article offers a comprehensive analysis of Kazakhstan's position regarding the MPIA, emphasizing underexplored factors, considering its trade partnerships, historical participation in disputes, and broader economic strategy within the WTO framework.

The *conclusion* is that, while appellate arbitration offers a pathway to resolve disputes and enhance fairness in the WTO system, the analysis suggests that Kazakhstan has stronger reasons to refrain from the MPIA membership. Key factors include the absence of Kazakhstan's major trading partners – such as Russia and China – among the MPIA members and Kazakhstan's 'passive role' in WTO disputes, mainly presented as a third party. Additionally, Kazakhstan's transition out of 'special and differential treatment' eligibility diminishes the practical benefits of MPIA membership. Instead, the article argues that Kazakhstan could adopt a strategic approach by joining ad hoc appellate agreements only when the risk of being involved as a party to the dispute occurs, thereby protecting its interests.

Keywords: WTO, Appellate Body, dispute settlement, MPIA, international trade, reform, trade stability.

Introduction

For nearly a decade, the Republic of Kazakhstan has been actively navigating the complexities of international trade as a member of the World Trade Organization ('WTO'). Among the key challenges faced is ensuring effective participation in the WTO's dispute settlement mechanism, particularly regarding access to appellate review. This issue has become increasingly pronounced following the paralysis of the WTO Appellate Body – widely regarded as the "crown jewel" of the organization – since 10 December 2019 [2].

In response to this crisis, some WTO members introduced an alternative mechanism in 2020: appellate arbitration under the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement ('MPIA') [2]. After the clash of the Appellate Body the European Community including Canada [3] and Norway [4], introduced the MPIA or appellate arbitration as a first aid to restore legal dispute resolution as a guarantee for international trade flow. This mechanism was designed as a temporary solution to provide appellate review for disputes among consenting WTO members, thereby addressing the gap left by the non-functional Appellate Body.

The MPIA, highly effective yet far from perfect, is based on Article 25 of the Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes [2]. Article 25 provides parties with the option of resorting to alternative dispute resolution mechanisms through agreed procedures, including appeals. Previously, arbitration existed as an alternative to panel proceedings, and disputing parties could resort to it at any stage of the dispute. However, appellate arbitration represents a new practice for countries.

The MPIA marks a significant departure from the traditional WTO dispute resolution process. Under this agreement, participating countries follow a two-step procedure: first, they engage in arbitration to resolve the dispute at the appellate level, and second, they agree to comply with the decision of the arbitral panel [2]. The mechanism is temporary and will remain in effect until a long-term solution to the Appellate Body crisis is found. While the MPIA is not a permanent solution, it reflects the commitment of some WTO members to uphold the principles of international trade and resolve disputes within a rules-based system, even in the face of unprecedented challenges.

The MPIA, which was created as an 'emergency remedy', did not become a pillar for WTO crown jewellery. The participating Members, currently 54 out of the 164 WTO Members [13], stated that they intend to use arbitration under Article 25 of the DSU 'as long as the Appellate Body is not able to hear appeals of panel reports in disputes among them due to an insufficient number of Appellate Body members'. This means that the MPIA will function until the Appellate Body remains dysfunctional.

During the 13th Ministerial Conference WTO Members agreed to come to a solution by the end of 2024. However, no agreement was reached by that deadline and the MPIA remains in force. Although the interim decision was not universally well accepted by all WTO members and experts, the system functioned as intended: WTO members have an option to appeal the panel report.

Despite the operationalisation of appellate arbitration and its issuance of initial decisions, the Republic of Kazakhstan has yet to declare its position on joining this initiative. As a member state with growing involvement in international trade, Kazakhstan's decision on whether to engage with this alternative framework is of considerable significance. The choice will reflect its broader strategy in navigating the evolving landscape of global trade governance and safeguarding its national interests within the WTO framework. Nevertheless, the question remains as whether the rest WTO Members, including Kazakhstan, have benefit of joining the MPIA.

1 Prospects for Restoring the Functionality of the WTO Appellate Body

Like any initiative within the international community funded by the budgets of sovereign states, the WTO Appellate Body has not escaped criticism. Established in 1995 and initially regarded as the "crown jewel" of the WTO [1, p.2], the Appellate Body interrupted the automatic issuance of reports and introduced a mechanism for correcting legal errors in the interpretation and application of WTO Agreements [5, p. 45]. However, the U.S. raised complaints about the overreach of authority, delays in dispute resolution, issuance of advisory opinions unnecessary for dispute resolution, review of factual issues, and members continuing to serve beyond the expiration of their terms. While these allegations sparked criticism, some were subsequently clarified [5, p. 45]. For instance, delays were attributed to the complexity and intricacy of the disputes, the unintelligibility of parties' submissions, and ambiguities regarding the timing provisions in dispute resolution procedures [6, p. 2].

While the allegations sparked criticism, some were subsequently clarified. For instance, delays were attributed to the complexity and intricacy of the disputes, the unintelligibility of parties' submissions, and ambiguities regarding the timing provisions in dispute resolution procedures [5, p. 46, 48]. Former Chair of the Appellate Body, Peter Van den Bossche, who worked in the Secretariat of the WTO Appellate Body from 1997 to 2001 [7], refuted allegations of "*ultra vires*", abuse of power, actions, asserting that members consistently adjudicated cases within their mandated boundaries [8, p.14]. This perspective aligns with the stance of other former Appellate Body members, emphasizing adherence to the scope of authority prescribed under WTO agreements.

The problem also arises out of the lack the WTO members sharing their view on the problem. Some Members, including Kazakhstan, have avoided directly criticizing the practices of the Appellate Body and have refrained from articulating a clear stance on the matter. Instead, their response has been largely limited to advocating for the reinstatement of the Appellate Body [9]. These members argue that the

Appellate Body, as a mechanism established to ensure the fulfilment of obligations under WTO agreements, plays a critical role in maintaining the efficiency of the WTO. Its continued dysfunction not only undermines this efficiency but also casts doubt on the organisation's capacity to uphold an international trade system grounded in clear and predictable rules. The absence of a functioning appellate mechanism has increased the likelihood of unresolved appeals, discouraging parties from pursuing early resolution of disputes [10, p.5].

The ongoing efforts within the Molina's process to restore the functionality of the WTO Appellate Body, which are currently coordinated by Ms. Usha Dwarka-Canabady of Mauritius [11], have thus far been unsuccessful [10]. Extensive consultations and discussions involving representatives of various WTO member states have revealed profound disagreements among key trading partners. One of the primary challenges in the negotiations lays in the lack of a unified vision regarding the institutional reforms and procedural changes necessary for the Appellate Body's revival.

Given the nature of these disagreements and the continued inability to reach consensus on an appellate mechanism by the end of 2024 [12], it is unlikely that an agreement to reinstate the Appellate Body will be achieved in the near future. This, in turn, poses significant risks to the WTO dispute settlement system, which continues to operate in a diminished capacity, failing to fully protect the rights of member states. In this context, it is prudent to consider the advantages offered by an alternative – the MPIA.

This mechanism, established as a temporary measure, enables participants to resolve appellate disputes using procedures similar to those employed by the Appellate Body [13]. Participation in the MPIA provides an opportunity to maintain predictability and stability in dispute resolution despite the ongoing crisis resulting from the Appellate Body's dysfunction [14].

2 Advantages of the MPIA in the Context of the Republic of Kazakhstan

The aim of the MPIA was to create an 'experimental' mechanism that would help to find solutions to the problems [15] that caused the crisis [16]. These problems were identified in the reports of the US representatives [17], which are the preconditions for the suspension of the Appellate Body. Consequently, on 30 April 2020, the MPIA was established, open to accession by any interested WTO member. Pursuant to Article 25 of the Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (DSU), 54 countries – excluding the Republic of Kazakhstan – have agreed to refer appeals to arbitration; 110 Members refrained [13].

This mechanism was initiated by the European Union, which is endeavouring to restore the Appellate Body. In 2019, when it became clear that the appointment of new judges was not to be expected, jointly with Norway [4] and Canada [3] the European Parliament has expressed its firm position against appealing to a dysfunctional institution and presented the Interim Appeal Arbitration Arrangement. In May, the European Commission was authorised to engage other WTO Members in establishing an interim appeal solution for dispute resolution. The Council endorsed the Commission's approach. The European Commission presented a draft joint communication, including the WTO interim appeal arbitration agreement, to the EU Trade Policy Committee. The proposal was then swiftly submitted to the EU Council for authorisation, demonstrating a coordinated effort to address the WTO Appellate Body crisis [15]. The background which led into the development of the MPIA as an experience, were the trade agreements concluded by the EU and its partners. For example, such arbitration mechanisms are included into Association Agreement with Georgia [20, p. 146], Partnership Agreement with Armenia [21, p. 111], Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) with Canada [22] and Economic Partnership Agreement with Japan [23]. Nevertheless, these arbitration models differ from that one which was developed in the MPIA. For example, the procedural adaptability, including deadline extensions, which are to be discussed below, was not part of earlier agreements with Canada or Norway.

On the global level the interim measure was discussed first during the World Economic Forum in Davos, where 17 WTO Members pledged to work together in this direction [24]. On 30 April 2020, the WTO Secretariat, upon Member States' request, circulated the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA), which took effect on the same date. The initiative was also supported by the qualified publicists with experience of working within WTO law and Appellate Body, including Peter Van den Bossche, former member and Chairman of the Appellate Body, and Thomas Cottier, current MPIA

arbitrator. They write about appellate arbitration as an opportunity to 'test' all available and emerging ideas. The best of them are supposed to be used theoretically to 'unfreeze the institution'.

Initially the interim measure had to be performed through the identical bilateral agreements, but later the parties agreed to the one document authorising the possibility of appeal in the arbitration process [25]. Although the MPIA is based on an arbitration model, it keeps the automatic binding nature of reports. Consequently, a few questions are raised about the legal nature of the MPIA. The main feature of the MPIA is that the agreement is not a new multilateral deal. On the contrary, the MPIA in accordance with its preamble operates directly within the multilateral DSU itself by authorising individual arbitrations.

The MPIA offers several advantages, including the ability for arbitrators to "streamline proceedings [1, para. 12]." For instance, arbitrators can reduce the maximum time for case review to 90 days if justified. Additionally, the mechanism allows for limitations on the word count for written submissions and the time allocated for oral statements during hearings. First, this restores the opportunity to appeal decisions. Second, it addresses an issue that frustrated members of the Appellate Body – unclear and overly lengthy submissions by parties. Third, decisions are reached promptly, minimizing uncertainty. Another important feature of the MPIA is the application of Articles 21 and 22 of the DSU *mutatis mutandis* to arbitral decisions [18]. Article 21 provides a mechanism for monitoring the timely implementation of recommendations and decisions. If recommendations are not implemented, Article 22 allows for compensation or the suspension of concessions. By opting for arbitration, parties retain the benefits offered by the WTO Dispute Settlement Body [19].

Scholars call the MPIA a 'novel, opt-in mechanism' that works procedurally and acts as an 'exclusionary club' offering benefits to members, though any country can join [26]. Unlike other proposed reforms that seek comprehensive changes to the WTO dispute settlement mechanism, as a temporary solution to the WTO Appellate Body crisis, aiming to preserve the two-tier dispute settlement system, the MPIA operates under Article 25 of the DSU. The MPIA allows ad hoc arbitration tailored to the needs of the disputing parties. The arbitration process itself is permitted by Article 25 [18]. It provides that parties may, if they wish, choose arbitration for WTO disputes. Since there is no express prohibition of appeal under the terms of this procedure, it is possible not only to review the decision but also to appeal.

The initiation of appellate arbitration begins well before a party expresses dissatisfaction with a ruling. To start the procedure both of the parties should be MPIA participants or, if a party is not a participant, it should claim its joining. This is prescribed in order not to influence the parties' decision to initiate the process and not to deprive the other party of the right to appeal since the mutual consent is required [27, p.34]. When submitting a dispute to a panel, parties initiating the dispute must conclude an arbitration agreement [13]. A notable advantage of this process is that parties can nominate arbitrators from their own countries. This policy supports balancing the interests of developed and developing countries, fostering the training and preparation of skilled legal professionals and trade law experts in regions with varying levels of economic development. Such an approach prevents the monopolization of knowledge in high-income regions and promotes the integration and development of the least developed countries within the global trade system [29]. For Kazakhstan, a country with relatively recent WTO membership, this policy presents a valuable opportunity to build a pool of domestic legal professionals with substantial experience in trade dispute resolution.

The MPIA also introduced innovation which expresses in pool of arbitrators consisting of ten experts in international trade law with the option to later add more if all Members agree [2]. From the pool of ten, three arbitrators will be chosen for each trade dispute through a rotation system, meaning that the arbitrators are chosen in turn from the pool of available experts rather than having the same individuals chosen repeatedly to maintain fairness and ensure a long-term solution. The pool of arbitrators provides significant advantages over ad hoc arbitration. It fosters sustainable cooperation among WTO Members, ensuring a more consistent and cohesive approach to trade disputes. By establishing a permanent body of experts, the pool may help avoid the fragmentation, ensuring systematic treatment of disputes. This consistency may reduce the risk of arbitrary decisions and bolsters confidence among Members, reinforcing trust in the WTO's dispute resolution system.

After establishment of the panel the parties have 60 days to notify the panel of their intention to use the MPIA appeal arbitration mechanism. For that purpose they have to fill the template provided

in Annex 1 to the MPIA no later than ten days before submitting the final report to other Members for familiarity as it allows time for translation into the WTO's three official languages in three weeks [28]. After receiving the request from the parties the panel will suspend the proceeding for maximum period of twelve months. When the panel 'pause' the proceedings, the deadline for the Notice of Appeal to be submitted to the WTO Secretariat by the parties is twenty days. However, the key advantage of the MPIA is that it allows flexibility in appeals. Arbitrators can suggest excluding insufficient claims under Article 11 of the DSU to meet deadlines. All parties have to give their consent though. The MPIA does not ban these claims but ensures cooperation to adjust timelines or simplify processes [2].

The MPIA encourages the involvement of non-participating states as third parties. This inclusive approach fosters cooperation and broadens engagement with the mechanism [13]. Given that Kazakhstan frequently acts as a third party in disputes, this opportunity is particularly beneficial. Non-MPIA WTO members are afforded the chance to "test" the mechanism, share ideas, experiences, and perspectives. Even if a WTO member has not formally joined the arrangement, it can make an ad hoc decision to engage in appellate arbitration for specific disputes under Article 25, applying some or all MPIA rules and selecting arbitrators from the panel (Case Turkey – Pharmaceutical Products) [13]. This flexibility enhances the potential for creating a more comprehensive and diverse forum for addressing common challenges, fostering cooperation, and advancing collective goals.

Considering a scenario where a WTO member receives an adverse panel ruling and disagrees with it, the member might lodge an appeal 'into the void' against Kazakhstan. This causes delaying the final resolution of a dispute where prompt clarity and outcomes are urgently needed. From a political perspective, a developing low-income country may experience pressure to accept an unfavourable international agreement, particularly in areas where practices are still emerging and norms remain underdeveloped, such as trade in digital services. E-commerce, investment, and domestic regulation of the services sector are critical issues for Kazakhstan [9]. Inability to defend its interests within an underperforming institution would not only affect Kazakhstan's position in the international community but also hinder the evolution of these issues within its national legal framework.

Another potential consequence of appeals 'into the void' is unilateral countermeasures. For instance, the European Union has addressed this issue through Regulation 2021/167, which empowers the EU to take retaliatory action without prior WTO authorization if another WTO member's appeal causes delays in the dispute resolution process [29]. Such measures could include imposing tariffs, setting quantitative import or export restrictions, or adopting policies related to government procurement – an important consideration for any nation's policy framework [29].

Appellate arbitration serves as a robust tool to address procedural and substantive deficiencies in dispute resolution, ensuring a fair and balanced review process [13]. Participation in mechanisms like the MPIA allows Kazakhstan to enhance its capacity to uphold national interests, foster confidence among trading partners, and contribute to the predictability and stability of international trade law. Moreover, it reinforces Kazakhstan's commitment to multilateral trade rules while providing an avenue for redress in complex disputes. From this point, embracing such frameworks not only strengthens Kazakhstan's trade position but also promotes transparency and equity in the resolution of disputes within the global trading system.

Nonetheless, all the aforementioned benefits of appellate arbitration will not incentivize a country to join, if it does not align with its interests. Representatives of Kazakhstan have not provided any official commentary on the MPIA. However, statements regarding the crisis of the Appellate Body have been made. During an informal meeting of trade ministers organized by the Swiss government, Bakhyt Sultanov, the Minister of Trade and Integration of Kazakhstan, emphasised the 'need for the full restoration of the WTO judicial body's activities and further improvement of the Appellate Body's operations' [9]. This statement reflects two key perspectives on the possibility of appeals. The first highlights the importance of improving the system. In this context, appellate arbitration presents an excellent opportunity to test ideas proposed by leading practitioners. By examining these concepts within the framework of a temporary alternative, informed conclusions can be drawn and applied to the Appellate Body. For instance, beyond the aforementioned procedural limits, the MPIA can serve as a platform to test the "reasonableness principle" proposed by Thomas Cottier, former Managing Director of the World Trade Institute in Bern [30, p. 524].

This principle aims to restrict the Appellate Body members to determining whether the panel's reasoning is appropriate and substantiated. It seeks to prevent the creation of *de facto* precedents, the issuance of advisory opinions not binding in dispute resolution, and the review of factual issues. Furthermore, Thomas Cottier has advocated revisiting the relationship between WTO rules and other branches of international law to mitigate the fragmentation of international law. He also suggests a review of governance and transparency within the trading system as a whole [30, p. 530].

As with other countries, Kazakhstan's joining to the MPIA with the option to withdraw at any time while maintaining its legal effect, as offered by the MPIA, carries distinct advantages. By joining, Kazakhstan would become a full-fledged participant, gaining all associated rights and obligations, including access to the international legal framework. This participation also facilitates the exchange of experience and resources, enabling the promotion of national interests. Additionally, it contributes to the development of international cooperation and the strengthening of international law.

Thus, temporary arbitration represents a unique venue for assessing and refining the Appellate Body's functionality, introducing innovations, and enhancing its effectiveness. Such an approach not only facilitates the restoration of the Appellate Body but also supports its development and the improvement of governance systems, ultimately contributing to higher operational quality. The second perspective clearly underscores Kazakhstan's commitment to a two-tier Dispute Settlement System with a stable appellate body at its core. Therefore, it is essential to transition to an analysis of the shortcomings of the MPIA.

3 Why Kazakhstan Does Not Need the MPIA

With an ambitious plan to restore the possibility of appeal in a short time 'as a matter of priority' [2], the rules were drafted very quickly – literally in two years [33]. It is difficult to determine whether this timeframe is sufficient for drafting such a document. The document would need to address and incorporate various criticisms of the Appellate Body. Ensuring comprehensive coverage of these concerns may require more time.

Unlike the Appellate Body, where appeals followed a standardised process, arbitration under the MPIA requires WTO members to negotiate a separate agreement for each dispute [13]. This process may entail additional efforts and create bureaucratic complexities, leading to a more complicated appellate process for WTO members. Given that appeal arbitration is funded from the WTO budget [17], this, *per se*, could generate disagreements among the WTO members. Like the MPIA arbitrators themselves, the staff are not paid by the disputing parties but from the WTO's regular budget. This is consistent with other arbitration procedures that have been conducted under Article 25 of the DSU [17]. Different views on resource allocation and the potential impact on the WTO's financial framework further exacerbate the issue. Some members argue that centralised funding for arbitration proceedings might result in a more efficient system, while others raise concerns about unequal burdens and the strain on the organisation's budget [17]. This divergence underscores the complexity and sensitivity of financial matters within international organizations like the WTO. It also highlights the difficulty in maintaining a delicate balance between collective decision-making and individual interests.

The organisation of the arbitration process is disclosed in para. 7 and assumes that administrative and legal support will be provided independently of the staff of the WTO Secretariat and its offices supporting the panels [2]. A special role is assigned to the Director General of the WTO in providing such support. The following questions arise: whether a new special unit of the Secretariat will be formed; whether the support will be provided entirely outside the Secretariat; and what exactly will be accountable to the arbitrators. In order to get a clear answer, it is necessary to turn to interpretation. In particular, clarify the meaning of the phrases 'as far as practicable' and 'independently of the WTO Secretariat'. Interpretation of rules in international law is carried out in accordance with Articles 31 and 32 of the 1969 Vienna Convention on Treaties [31]. The purpose of interpretation will be to determine the meaning of the support structure and the role of the Secretariat in that structure.

The ordinary meaning of the MPIA suggests that the WTO Secretariat will not provide support to the Appellate Arbitrators. This interpretation is derived by considering the full text of the agreement, including its purpose, preamble, and annexes. While the preamble offers no specific guidance, para. 5 clarifies that arbitrators will be informed of WTO settlement activities and receive relevant documents

[2]. However, this raises further questions, such as whether arbitrators are informed of all disputes or only those involving agreed appeals, and how they will obtain documents without Secretariat support. Additionally, ambiguity surrounds how arbitrators would coordinate on interpretation and procedure, particularly given the vague reference to acting 'as far as practicable' [2]. This leaves significant gaps in understanding how independence and procedural consistency will be maintained.

Para. 5 of the MPIA introduces ambiguity into the organizational process, particularly regarding the term 'practicable' [2]. It is unclear whether the arbitrators alone define what is practicable or whether assistance from the WTO Secretariat is required. Similarly, the principle of collegiality is vaguely defined, leaving questions about its practical implementation unanswered. The MPIA allows all members of the pool to access documents related to a case and discuss matters of interpretation and procedure. This level of collaboration is higher than in previous procedures. While WTO decisions often use terms like 'practicable,' they do not clarify their operational implications.

Further confusion arises when examining para. 7. Although the MPIA emphasises the independence of the appellate arbitration tribunal, para. 5 of Annex 1 links the Secretariat to the tribunal's work [2]. For instance, the Secretariat's role in receiving and transmitting the notice of appeal directly involves it in the process. This reliance on the Secretariat contradicts the tribunal's intended independence, raising concerns about the consistency and feasibility of the MPIA's procedural framework. The lack of subsequent practice detailing how arbitrators will interact and what "practicability" entails only deepens these uncertainties. The Working Procedures for Appeals could provide clarity by referring to other agreements related to the treaty [18]. Paragraphs 20-23 emphasise that the party must, at the same time as filing the Notice of Appeal, submit a written statement to the Secretariat. Moreover, pursuant to paragraphs 26-27, the Secretariat sends the parties to the dispute a timetable for consideration of the dispute. This underscores the significance of the support provided by the Secretariat. Given the lack of a definitive answer within the context and the absence of treaties adopted in relation to this agreement, the only available approach is to examine subsequent practice.

Subsequent practice in applying the MPIA reveals the WTO Secretariat's evolving role in appellate arbitration [19]. In the first appellate arbitration case, WT/DS591/ARB25 [32], arbitrators clarified that Secretariat staff provided logistical and procedural support. To uphold the independence of the mechanism, these staff members were not drawn from divisions like Legal Affairs or Rules, which assist first-instance panels, but from other Secretariat areas. For the duration of the arbitration, they were accountable only to the arbitrators regarding substantive matters. Reports from other WTO bodies, such as the Budget Commission, also confirm this arrangement [33]. This analysis results in a paradoxical conclusion. On the one hand, arbitrators are independent of the Secretariat's assistance in organising the process; on the other hand, they remain dependent on it.

According to article 32 of the Vienna Convention on the Law of Treaties, in such a case it is permissible to refer to the *travaux préparatoires* and the circumstances of the conclusion of the agreement when interpreting it. As part of the preparatory work, it is unfortunately not possible to cite specific wording from the discussion of the text of the MPIA. The information has not been published in the public domain. However, proponents of the MPIA nevertheless point out that appellate arbitration was originally conceived as part of Article 25 of the DSU [25]. Thus, it is not a new agreement or an entirely new mechanism, but rather a 'new reading' of existing possibilities. Unfortunately, this does not clarify the situation.

The circumstances surrounding the conclusion of the case highlight concerns with the WTO Secretariat's involvement in drafting Appellate Body reports [34], a point of contention particularly for the U.S. representatives. Three issues were raised: (1) the Secretariat's 'activist interpretation' exceeded its mandate, extending beyond the legal requirements of dispute resolution; (2) these analyses addressed matters not directly necessary for resolving the dispute; and (3) this approach shaped broader positions on legal issues for Appellate Body consideration [35, p. 619]. This involvement, encompassing the Rules, Legal, and Appellate Divisions, resulted in reports reflecting the influence of procedural dynamics on both the legal issues and the final decision. Such extensive participation was deemed to have a significant impact on outcomes, leading to criticisms aimed at excluding Secretariat influence [36]. In response, para. 7 of the MPIA explicitly addresses these concerns. It ensures that Secretariat staff are seconded from

non-legal divisions to assist with organisational matters, maintaining independence in drafting appellate judgements. Staff involvement is limited to logistical support, with arbitrators themselves managing substantive discussions on interpretation and related issues. This structure ensures that arbitrators maintain independence while responding to criticisms, such as those raised by the U.S. representatives, and clarifies that Secretariat personnel do not interfere with the judgement drafting process.

Another significant aspect is the ongoing debate among practitioners regarding the legality of the MPIA, as it does not constitute a new binding agreement for its members [17]. This issue is particularly relevant in the context of countries seeking temporary solutions to address the crisis in the WTO dispute settlement system. However, ambiguities in the wording of Article 25 create disagreements that complicate the development of uniform approaches to implementing the MPIA [18]. Nevertheless, under Article 25 of the DSU, MPIA arbitration decisions are immediately enforceable, added to WTO case law, and reported to the DSB and relevant bodies. MPIA rulings may have limited impact, raising concerns about creating two types of obligations: enforceable and non-enforceable [37].

Ongoing legal debates emphasize the need for clarity and consensus within the framework of the MPIA. Supporters of the MPIA view it as a pragmatic solution to the paralysis of the Appellate Body, enabling countries to continue resolving trade disputes within a rules-based system [17, 39]. Critics of the MPIA highlight the limitations of its temporary nature and its reliance on the political will of participants [40, 41, 42]. They stress the necessity for further negotiations within the WTO aimed at establishing lasting solutions to restore the functioning of the Appellate Body. This creates significant challenges for MPIA member states striving to ensure the predictability and legitimacy of this mechanism.

Another criticism is addressed to the fact that the MPIA solves only several issues led to disjunction of the Appellate Body. The MPIA fails to address many of the concerns raised by the U.S. in its USTR report on the Appellate Body [43], such as the review of domestic law and issues of judicial overreach. By not resolving these concerns, the MPIA may face backlash in the future, especially with the U.S. already threatening to leave the WTO altogether. Under the Trump administration, the US criticised the MPIA as a 'China-EU arrangement'. In 2020, it claimed the MPIA worsened issues with the Appellate Body, overused precedent, and aimed to replace the AB. The US argued using WTO resources for it violated Article 25 DSU and said any extra support should be funded by members, not the WTO budget [44].

South Africa raised concerns that the MPIA could become the default method for appeals, undermining multilateral efforts to resolve the Appellate Body issue [27, p. 34]. The explanation was that it could divert attention from a solution supported by many WTO Members to fill the Appellate Body vacancies [27, p. 34]. In contrast, the U.S. opposed any solution that would extend the Appellate Body's flaws, criticising the MPIA for weakening deadlines, allowing review of factual findings, and encouraging the use of precedent, which the U.S. saw as prolonging the dysfunction rather than resolving the problem [36].

Does Kazakhstan really need to join an agreement that provides for appeals when, according to statistics, it is not an active party in trade disputes? Within the WTO dispute settlement system, Kazakhstan has participated only once as a respondent in a case initiated by Ukraine and has never acted as a complainant. Its primary role has been as a third party in 35 cases overall [47]. Moreover, a significant drawback of the MPIA is the absence of major trading powers among its members, including Kazakhstan's key trading partners. Countries like Russia, the United States, South Korea, and Turkey have refrained from joining. Given the current trend towards regional trade systems, states aim to address their unique needs and interests more effectively and establish flexible trade rules tailored to specific geographic regions. Such an approach may also expedite decision-making processes and foster deeper integrative cooperation among regional partners. Kazakhstan may benefit from examining the experiences of countries like Ukraine, Mexico, and Colombia, while also considering India's decision not to join [30]. Colombia, for instance, views appellate arbitration as a viable and well-functioning mechanism capable of temporarily replacing the Appellate Body while preserving the right to appeal [45]. However, these three countries are actively involved in trade disputes as both complainants and respondents [37], making the ability to appeal a critical aspect for them. In contrast, India chose to maintain its '*special and differential treatment*' status, special provisions that give developing countries special rights and allow them to be treated more favourably by other members [46], which it would forgo by joining the MPIA.

Meanwhile, the trade relations between Kazakhstan and Kyrgyzstan may remain a potential case for Appellate Body review [19]. The Ministry of Economy of Kyrgyzstan has asserted that the WTO Appellate Body could evaluate Kazakhstan's actions concerning the transit of goods from Kyrgyzstan. These measures were claimed to be hidden trade restrictions aimed at controlling goods flows from China to Russia. These concerns were raised during the General Council session held on 3 March 2020 and in February 2020, Kyrgyzstan filed a WTO complaint against Kazakhstan over delays in transit goods due to stricter inspections [48]. Unsuccessful attempts to resolve the issue through the Eurasian Economic Union (EAEU) proved led to no alternative but to escalate the matter to the WTO. The Ministry of Economy of Kyrgyzstan attributed decline in the number of trucks crossing the Kyrgyz-Kazakh border to trade barriers imposed by Kazakhstan since March 2019. On the other side, Kazakhstan claimed that Kyrgyzstan's complaint to the WTO is unsubstantiated, stating that these assertions fail to reflect the realities faced by Kyrgyz freight shippers [48]. Currently the other issue raised from the Kazakhstan's side is issuing 'grey' certificates in Kyrgyzstan [49]. The Kyrgyz Ministry of Economy criticized Kazakhstan's draft resolution to ban products certified in Kyrgyzstan, seeing it as a barrier to the Eurasian Economic Union's internal market. The proposed ban, effective 1 July 2024, could limit EAEU entrepreneurs' access to Kazakhstan's market and set a precedent for rejecting conformity assessment documents. While both countries signed a joint plan in March to combat 'grey certificates,' Kyrgyzstan plans to consult with the Eurasian Economic Commission and other EAEU members on the issue [52]. This issue may also be brought to the evidence of the WTO DSB and following that to the Appellate Body or MPIA, if both countries will join it.

The advantage of selecting arbitrators, previously highlighted as a key feature of appellate arbitration, loses significance in the context of Kazakhstan's potential engagement with the MPIA. The existing MPIA panel consists of only ten arbitrators [13], none of whom represents Kazakhstan. Due to temporary feature of the MPIA [13] it is expected that no opportunity for arbitrators from Kazakhstan to be appointed will be provided. This lack of representation diminishes Kazakhstan's ability to influence the appellate process and undermines the alignment of the mechanism with the country's trade policy priorities. Furthermore, the absence of a Kazakhstani arbitrator raises concerns about the equitable consideration of the state's interests in disputes, especially when critical trade partners such as Russia, and China are not the Members of the MPIA. Arbitrators from Kazakhstan could definitely bring an understanding of its trade policies, practices, and current challenges. This crucial for the dispute settlement process as it ensures that decisions are informed by relevant context and reduce the risk of misinterpretation. Moreover, participation by arbitrators enhances domestic expertise in international trade law that awaited may lead to creation of a pool of skilled professionals to address future disputes effectively. Such representation also affirms a country's active role in shaping global governance mechanisms, reinforcing its sovereignty and standing in the international community.

Currently, Ambassador Usha Dwarka-Canabady urged WTO members to adopt a practical and flexible approach in advancing the ongoing dispute settlement reform talks, emphasizing the goal of restoring the system's functionality rather than creating a new one [53]. Since October, significant progress has been made in areas such as appeal/review, accessibility, and previous work. However, challenges persist, particularly regarding appeal mechanisms [54]. A progress report highlights emerging consensus, with further discussions planned. This signals about the intention of the WTO Members to restore Appellate Body and continue the usual appellate process in the nearest future, meaning the end of the MPIA.

Conclusion

The dysfunctions resulted from repeated blocks of the U.S. representatives on the appointment of new members to the Appellate Body. Without a functioning appellate mechanism, WTO members have been deprived of a vital avenue to resolve trade disputes effectively. The deliberate stalling of the dispute resolution process through appeals to a non-functioning body has severely undermined the ability of members to safeguard their trade interests and causes reluctance to conclude new agreements within WTO in accordance with the U.S. report on the Appellate Body. This situation not only hampers the resolution of individual disputes but also weakens the integrity and credibility of the WTO as a forum for rules-based trade.

While appellate arbitration offers an alternative for dispute resolution, there are more compelling reasons for Kazakhstan to refrain from joining. The MPIA, as an interim solution to the WTO Appellate Body crisis, offers an experimental platform for arbitration reforms, but its success has been limited. While it helps stabilize the dispute resolution system and introduces innovations like a structured pool of arbitrators, it falls short of addressing the core issues. The MPIA's legal nature and limited participation undermine its long-term effectiveness, and its unclear legal status and flexibility may prevent sufficient practice development. This uncertainty highlights the need for clearer and more accessible appeal processes within the WTO's dispute settlement framework. While appellate arbitration under the *ad standum rectum* framework provides an "attractive" dispute resolution tool that allows for the review of panel decisions, seemingly enhancing fairness and stability within the WTO dispute settlement system, it is less advantageous for Kazakhstan.

First, unlike India, Kazakhstan has already transitioned out of its eligibility for "special and differential treatment" status, which grants additional opportunities and benefits to developing countries under the WTO framework. This limits its strategic advantages in joining the MPIA.

Second, the absence of Kazakhstan's key trading partners – such as Russia, China, and the European Union – among MPIA members also diminishes its strategic value. Additionally, Kazakhstan's limited involvement in WTO disputes, primarily as a third party, reduces the necessity of committing to this mechanism at present. At this stage, participating in the MPIA does not appear strategically justified, as it may impose additional obligations without delivering significant benefits in return. However, trade partner Kyrgyzstan, currently facing trade conflicts with Kazakhstan, may find the MPIA's appeal mechanism beneficial in addressing these issues, potentially leveraging its appeal ability to seek fair dispute resolution within the framework of the WTO.

Third, if Kazakhstan faces a WTO dispute, it remains feasible to join an ad hoc appellate agreement immediately before the panel begins deliberations on the merits of the case. This approach allows Kazakhstan to safeguard its right to appeal and protect its national interests without committing to MPIA obligations prematurely or unnecessarily.

In line with the statement of Kazakhstan's Minister of Trade and Integration, the country should continue to support and work towards the "revitalization" of the WTO Appellate Body. A stable institution with clear and established rules is essential for maintaining stability and predictability in international trade, which serve as the foundation for long-term economic security. Restoring the Appellate Body's full functionality would not only enhance trust among global trade participants but also foster the development of international legal order. Such advancements align with Kazakhstan's national interests by upholding order, security, and justice within the international community.

Consequently, participation in the MPIA appears to offer limited strategic value for Kazakhstan, given its specific trade dynamics and geopolitical considerations. Instead, alternative approaches, such as ad hoc appellate agreements tailored to address the particularities of specific disputes, may present a more pragmatic and effective means of safeguarding national interests while avoiding the imposition of unnecessary and potentially burdensome commitments.

А.П. Саенко, 2-курс магистратура студент Білім беру бағдарламасы 7M04212 – «Халықаралық құқық» Maqsut Narikbayev University (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Қазақстанның Көпжақты Уақытша Аппелляциялық Арбитраж Келісіміне (MPIA) қосылауының артықшылықтары, тәуекелдері және перспективалары.

Аппелляциялық органның қызметінің тоқтауы Дүниежүзілік сауда ұйымының (ДСҰ) дауларды шешу жүйесіндегі апелляциялық қарау процесіне елеулі әсер етті, бұл ДСҰ мүшелерінің сауда дауларын шешу. Осыған жауап ретінде кейбір мүшелер 2020 жылы Көпжақты уақытша апелляциялық арбитраж келісімін (MPIA) енгізді. Қазақстанның ДСҰ-ға мүшелігін ескере отырып, бұл мақала оның сауда саласындағы сын-қатерлерге деген көзқарасын талдайды, әсіресе Аппелляциялық органның қызметінің тоқтауына баса назар аударады. Сондай-ақ, апелляциялық арбитраждың процедуралық ерекшеліктері, артықшылықтары мен шектеулері және оның Қазақстанға ықтимал әсері бағаланады. Осы мақсатқа жету үшін зерттеуде жалпы ғылыми, догматикалық, статистикалық және құқықтық интерпретация әдістері қолданылып, Қазақстанның ДСҰ дауларын шешу

жүйесіндегі рөлі және МРІА-ға ықтимал қатысуы талданады. Зерттеу Қазақстанның халықаралық сауда дауларындағы ұстанымына, әсіресе оның ДСҰ-ның дауларды шешу механизміне қатысуына бағытталған. Бұл мақаланың жаңашылдығы Қазақстанның МРІА-ға қатысты ұстанымын жан-жақты талдауында көрініс табады. Ол жеткілікті зерттелмеген факторларды, соның ішінде Қазақстанның сауда серіктестіктерін, дауларға қатысу тарихын және ДСҰ аясындағы кеңірек экономикалық стратегиясын қарастырады.

Қорытынды бойынша, апелляциялық арбитраж дауларды шешу және ДСҰ жүйесіндегі әділдікті арттыру тәсілі болғанымен, Қазақстанның МРІА-ға қосылмауы үшін маңызды себептер бар. Негізгі факторлар қатарына МРІА мүшелері арасында Қазақстанның ірі сауда серіктестері – Ресей мен Қытайдың болмауы, сондай-ақ Қазақстанның ДСҰ дауларында негізінен үшінші тарап ретінде пассивті рөл атқаруы кіреді. Сонымен қатар, Қазақстанның «арнайы және сараланған режим» мәртебесінен шығуы МРІА-ға мүшеліктің практикалық артықшылықтарын төмендетеді. Сондықтан мақалада Қазақстанға нақты дауға тарап ретінде қатысу қаупі туындаған жағдайда ғана *ad hoc* апелляциялық келісімдерге қосылу ұсынылады. Бұл оның ұлттық мүдделерін қорғауға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: ДСҰ, Апелляциялық орган, дауларды шешу, МРІА, халықаралық сауда, реформа, сауда тұрақтылығы.

А.П. Саенко, студент 2-го курса магистратуры Master's degree student образовательная программа 7M04212 - 'Международное право' Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана): Преимущества, риски и перспективы присоединения Казахстана к Многостороннему временному апелляционному арбитражному соглашению (МРІА).

Приостановление функционирования Апелляционного органа нарушило процесс апелляционного пересмотра в системе разрешения споров Всемирной торговой организации (ВТО), подорвав способность её членов эффективно урегулировать торговые споры. В ответ на это некоторые члены ВТО в 2020 году внедрили механизм апелляционного арбитража в рамках Временного многостороннего апелляционного арбитражного соглашения (МРІА).

Учитывая участие Казахстана в ВТО, *цель* настоящей статьи заключается в анализе его подхода к приостановлению функционирования Апелляционного органа и оценке процедурных особенностей, преимуществ и ограничений апелляционного арбитража, а также его возможные последствия для Казахстана. Для достижения этой цели в исследовании применяются общенаучные методы, догматический и статистический методы, а также метод юридического толкования, позволяющий проанализировать роль Казахстана в системе разрешения споров ВТО и его потенциальное участие в МРІА. В качестве объекта исследования выступает позиция Казахстана в международных торговых спорах, в частности, на его участия в механизме разрешения споров ВТО. В качестве ключевого аспекта *новизны* статья предлагает всесторонний анализ позиции Казахстана в отношении МРІА, акцентируя внимание на ранее недостаточно изученных факторах, включая торговые партнерства, историческое участие в спорах и более широкую экономическую стратегию страны в рамках ВТО.

Основным *выводом* является то, что, хотя апелляционный арбитраж представляет собой механизм разрешения споров и способствует укреплению справедливости в системе ВТО, анализ показывает, что у Казахстана есть более веские основания воздержаться от членства в МРІА. Основные факторы включают отсутствие среди участников МРІА его ключевых торговых партнёров, таких как Россия и Китай, а также пассивную роль Казахстана в спорах ВТО, где он, как правило, выступает третьей стороной. Кроме того, утрата Казахстаном права на «специальный и дифференцированный режим» снижает практическую ценность членства в МРІА. В статье предлагается альтернативный стратегический подход: Казахстану следует присоединиться к *ad hoc* апелляционным соглашениям только в тех случаях, когда существует реальный риск его вовлечения в спор, что позволит защитить его национальные интересы.

Ключевые слова: ВТО, Апелляционный орган, разрешение споров, МРІА, международная торговля, реформа, стабильность торговли.

References:

1. Davey W. J. WTO Dispute Settlement: Crown Jewel or Costume Jewelry? // *World Trade Review*. 2022. Vol. 21. No. 3. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1017/s1474745622000106> (13.02.2024).
2. Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement pursuant to Article 25 of the DSU: adopted and entered into force 30 March 2020 JOB/DSB/1/Add.12 20-3358 // *World Trade Organization*. 2020. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/JOB/DSB1A12.pdf> (13.02.2024).
3. Council of the European Union. EU – Canada Summit Joint Declaration, Montreal 17-18 July 2019 // *Consilium*. 18 July 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/07/18/eu-canada-summit-joint-declaration-montreal-17-18-july-2019/> (28.04.2022).
4. Communication of the Delegations of the European Union and Norway. Statement on A Mechanism for Developing, Documenting and Sharing Practices and Procedures in The Conduct of WTO Disputes: Interim Appeal Arbitration Pursuant to Article 25 of the DSU of 21 October 2019 // *WTO*. 2019. JOB/DSB/1/Add.11/Suppl.1.
5. Zhang Yuejiao. Protecting the WTO's crown jewel: Appellate body reform proposals // *UN-iLibrary*. 2019. P. 45–48. URL: <https://doi.org/10.18356/d82e73ca-en> (13.02.2024).
6. Zhou W. WTO Dispute Settlement Mechanism Without the Appellate Body: Some Observations on the US-China Trade Deal // *SSRN Electronic Journal*. 2020. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3536543> (13.02.2024).
7. Appellate Body Members // *Dispute Settlement: biography*. World Trade Organization. 2023. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/ab_members_bio_e.htm (13.02.2024).
8. Van den Bossche P. The Demise of the WTO Appellate Body: Lessons for Governance of International Adjudication? // *WTI Working Paper*. 2021. URL: https://www.wti.org/media/filer_public/c2/ef/c2efc2de-ce85-45c7-9512-9286e14fca47/wti_working_paper_02_2021.pdf (13.02.2024).
9. Kazakhstan has identified key priorities of the 12th WTO Ministerial Conference // *Ministry of Trade and Integration of the Republic of Kazakhstan*. 2021. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/153759?lang=en> (13.02.2024).
10. Uri Dadush. The future of global value chains and the role of the WTO // *WTO Working Papers*. 2 August 2022. P. 5. URL: www.clauses-abusives.fr/colloque/swhittaker.htm (13.02.2024).
11. Members welcome appointment of facilitator for WTO dispute settlement reform talks // *Dispute Settlement Body, WTO*. 2024. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news24_e/dsb_26apr24_e.htm (13.02.2024).
12. EU statements in the Dispute Settlement Body (DSB), 18 December 2024 // *Permanent Mission of the European Union to the World Trade Organization (WTO)*. 2024. URL: https://www.eas.europa.eu/delegations/world-trade-organization-wto/eu-statements-dispute-settlement-body-dsb-18-december-2024_en (13.02.2024).
13. Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA). Geneva Trade Platform, 2024. URL: https://wtoplurilaterals.info/plural_initiative/the-mpia/ (13.02.2024).
14. Special and differential treatment. World Trade Organization, 2024. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/status_e/sdt_e.htm (13.02.2024).
15. European Parliament. European Parliament Resolution of 28 November 2019 on the Crisis of the WTO Appellate Body // *European Parliament*. 2019. 2019/2918. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0080_EN.html (14.11.2024).
16. Van Luchene A. Digital Transformation: Challenges for IP and Competition Law // *TTLF Working Paper No 90, Stanford-Vienna Transatlantic Technology Law Forum*. September 2022. URL: <https://law.stanford.edu/wp-content/uploads/2022/09/TTLF-WP-90-VanLuchene.pdf> (14.11.2024).
17. Pauwelyn J. World Trade Organization's Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA): What's New? // *World Trade Review*. 2023. Vol. 22, No. 5. pp. 693–701. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/world-trade-review/article/wtos-multiparty-interim-appeal-arbitration-arrangement-mpia-whats-new/B279E8A106380A510AAA28F4E1A4130F> (13.02.2024).
18. Understanding on the Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (1994), Article 25.4. 33 I.L.M. 1226.

19. Choi B. Three Years of the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement: An Interim Evaluation of Arbitration as a Means to Appeal WTO Panel Reports. *Kluwer Arbitration Blog*, 2023. URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2020/05/14/arbitration-in-the-wto-changing-regimes-under-the-new-multi-party-interim-appeal-arbitration-arrangement/> (13.02.2024).

20. Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // OJ L 261. 2014. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02014A0830\(02\)-20180601&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02014A0830(02)-20180601&from=EN) (27.02.2023).

21. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part // OJ L 23. 2018. URL: https://www.mfa.am/filemanager/eu/CEPA_ENG_1.pdf (27.02.2023).

22. Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part // OJ L 11. 2017. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22017A0114\(01\)#d1e8205-23-1](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22017A0114(01)#d1e8205-23-1) (22.03.2023).

23. EU-Japan Economic Partnership Agreement // Directorate-General for Trade. 2018. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02018A1227\(01\)-20220201&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:02018A1227(01)-20220201&from=EN) (20.03.2023).

24. World Trade Organization. Trade Ministers Adopt Statement on Importance of Multilateral Trading System // WTO. 24 January 2020. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/minis_24jan20_e.htm (28.04.2022).

25. Procedural Innovations in the MPIA: A Way to Strengthen the WTO Dispute Settlement Mechanism? // QIL QDI. 28 September 2020. URL: http://www.qil-qdi.org/procedural-innovations-in-the-mpia-a-way-to-strengthen-the-wto-dispute-settlement-mechanism/#_ftn83 (14.11.2024).

26. European Parliament. International Trade Dispute Settlement: World Trade Organisation Appellate Body Crisis and the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement // European Parliament. 2024. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)762342](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)762342) (14.11.2024).

27. Van Luchene S. The MPIA: A Mere Interim Solution or the Pathway to Fixing the WTO? // Stanford Law School. 2022. URL: <https://law.stanford.edu/publications/no-90-the-mpia-a-mere-interim-solution-or-the-pathway-to-fixing-the-wto/> (26.11.2024)

28. Clifford Chance. The WTO's Interim Appeal Arbitration Arrangement - A Bridge Over Troubled Waters? // Clifford Chance. 12 June 2020. URL: <https://www.cliffordchance.com/briefings/2020/06/the-wto-s-interim-appeal-arbitration-arrangement---a-bridge-over.html> (14.11.2024).

29. Regulation (EU) 2021/167 of the European Parliament and of the Council: adopted 12 February 2021, entered into force 10 February 2021. Official Journal of the European Union L 49, Document 32021R0167. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R0167> (13.02.2024).

30. Cottier T. Recalibrating the WTO Dispute Settlement System: Towards New Standards of Appellate Review. *Journal of International Economic Law*, 24(3), pp. 515–533. URL: <https://doi.org/10.1093/jiel/jgab024> (13.02.2024).

31. Vienna Convention on the Law of Treaties: adopted 23 May 1969, entered into force 27 January 1980. 1115 UNTS 331.

32. World Trade Organization. WTO 2024-2025 Budget Proposal // WTO. WT/BFA/W/643, 3 July 2023. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/BFA/W643.pdf&Open=True> (14.11.2024).

33. Pauwelyn J., Pelc K. Who Writes the Rulings of the World Trade Organization? A Critical Assessment of the Role of the Secretariat in WTO Dispute Settlement // SSRN. 2019. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3458872> (14.11.2024).

34. Six Years on the Bench of the World Trade Court // *J World Trade*. 2002. Vol. 36. pp. 619-623. URL: http://www.qil-qdi.org/procedural-innovations-in-the-mpia-a-way-to-strengthen-the-wto-dispute-settlement-mechanism/#_ftn83 (14.11.2024).

35. United States Trade Representative. U.S. Views on the Functioning of the WTO Dispute Settlement System // USTR. February 2020. URL: <https://ustr.gov/issue-areas/enforcement/us-views-functioning-wto-dispute-settlement-system> (14.11.2024).

36. US Rejects EU-Led Interim Appeal Arbitration Arrangement // TWN Info Service on WTO and Trade Issues. 10 June 2020. URL: <https://www.twn.my/title2/wto.info/2020/ti200608.htm> (14.11.2024).

37. Mohan M. P., Raj V. Appellate Body Crisis at the World Trade Organization: View from India. *Journal of World Trade*, 2021, Vol. 55, No. 5. URL: <https://doi.org/10.54648/trad2021035> (13.02.2024).

38. Балдина С., Андрейко Е. В., Сорокина Е. А., Тишина Е. В. Членство в ВТО и его влияние на экономическое развитие стран-членов. *Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития*, 2013. URL: [<https://cyberleninka.ru/article/jiel/jgab024>]. (13.02.2024).

39. Bartels L., Bickel F., Motoc I-V. WTO Dispute Settlement Update: Frozen Fries Put the MPIA to the Test. *Freshfields Bruckhaus Deringer*, 2 May 2023. URL: <https://riskandcompliance.freshfields.com/post/102idx0/wto-dispute-settlement-update-frozen-fries-put-the-mpia-to-the-test> (13.02.2024).

40. Rudjimin M. The Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA): A Perspective on Developing Countries' Interests. *LinkedIn*, 10 July 2023. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/multi-party-interim-appeal-arbitration-arrangement-mpia-m-rudjimin> (13.02.2024).

41. Kugler K., Morgan G. MPIA: A Viable Temporary Alternative? *Afronomicslaw*. URL: <https://www.afronomicslaw.org/category/analysis/mpia-viable-temporary-alternative> (13.02.2024).

42. Ahmed MSA et al. MPIA as Solution of Appellate Body Dilemma: An Overview of the Advantages of New Mechanism of WTO Dispute Settlement. *International Journal of Scientific Research and Management (IJSRM)*, 2024, Vol. 12, No. 5, p. 473.

43. Office of the United States Trade Representative (USTR). Report on the Appellate Body of the World Trade Organization // USTR. 2020. 13. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Report_on_the_Appellate_Body_of_the_World_Trade_Organization.pdf (20.06.2024).

44. United States Trade Representative. U.S. Letter on WTO Dispute Settlement // World Trade Law. URL: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=misc/USletterJune5.pdf&mode=download> (14.11.2024).

45. Singh Jaswant S. Arbitration in the WTO: Changing Regimes Under the New Multi-party Interim Appeal Arbitration Arrangement. *Kluwer Arbitration Blog*, 2020. URL: <https://arbitrationblog.kluwarbitration.com/2020/05/14/arbitration-in-the-wto-changing-regimes-under-the-new-multi-party-interim-appeal-arbitration-arrangement/> (13.02.2024).

46. Panels established to review EU complaints regarding Chinese trade measures. *World Trade Organization*, 2023. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news23_e/dsb_27jan23_e.htm (13.02.2024).

47. Disputes by member. *World Trade Organization*, 2024. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispu_by_country_e.htm (13.02.2024).

48. WTO to examine Kazakhstan's hidden trade restrictions in struggle over goods flows from China to Russia. *AKIpress*. URL: <https://m.akipress.com/news:636674> (13.02.2024).

49. Kyrgyz Republic Trade Barriers. *Trade.gov*. URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/kyrgyz-republic-trade-barriers> (13.02.2024).

50. Kazakhstan and Kyrgyzstan on Verge of Trade War // *Orda.kz*. 2024. URL: <https://en.orda.kz/kazakhstan-and-kyrgyzstan-on-verge-of-trade-war-3210/> (13.02.2024).

51. Kazakhstan-Kyrgyzstan Trade Issues // *ICE*. 2024. URL: <https://www.ice.it/it/news/notizie-dal-mondo/259224> (13.02.2024).

52. Kazakhstan Responds to Kyrgyzstan's Claims to WTO // *Inform.kz*. 2024. URL: https://en.inform.kz/news/kazakhstan-responds-to-kyrgyzstan-s-claims-to-wto_a3622212/ (13.02.2024).

53. World Trade Organization. Dispute Settlement Reform: Facilitator Urges Practicality and Flexibility as Talks Intensify // WTO. 22 November 2024. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news24_e/refrm_22nov24_e.htm (22.11.2024).

54. World Trade Organization. Dispute Settlement Reform: Reports from Co-convenors and Facilitator on Progress // WTO. 11 October 2024. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news24_e/dsr_11oct24_e.htm (11.10.2024).

55. Council of the European Union. WTO Appellate Body, 20 May 2019 // Council of the EU. 2019. 9506/19.

56. World Trade Organization. Dispute Settlement – DS591: Colombia - Anti-Dumping Duties on Frozen Fries from Belgium, Germany and the Netherlands // WTO. 21 December 2022. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds591_e.htm (14.11.2024).

57. Interim appeal arrangement for WTO disputes becomes effective. Directorate-General for Trade, European Commission, 30 April 2020. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/multi-party-interim-appeal-arbitration-arrangement-mpia-m-rudjimin/> (13.02.2024).

58. Kazakhstan: dispute settlement news archive. World Trade Organization, 2023. URL: https://www.wto.org/english/news_e/archive_e/country_subj_arc_e.htm?country1=KAZ&subject1=DISP (3.02.2024).

59. Kuno A. Japan's Joining MPIA an Outside Chance to Boost Momentum for WTO Reform. East Asia Forum, 14 May 2023.

60. Kazakhstan Ratifies Agreement with Kyrgyz Republic on Checkpoints // Akorda.kz. 2024. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glavoy-gosudarstva-podpisan-zakon-respubliki-kazahstan-o-ratifikacii-soglasheniya-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-kazahstan-i-kabinetom-ministrov-kyrgyzskoy-respubliki-punktov-propuska-karasu-i-ak-tilek-1883942> (13.02.2024).

61. Kazakhstan Ministry of Foreign Affairs News // Gov.kz. 2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/916369?lang=en> (13.02.2024).

62. Menshikova A. M. Position of Joe Biden's Administration on the World Trade Organization // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92(S6). P. S529–S533. URL: <https://doi.org/10.1134/s1019331622120061> (13.02.2024).

63. Chang J., Shen W., Yu J. Explaining Kazakhstan's Accession to and Compliance with WTO, from a Neorealism and a Neoliberalism Approach // Atlantis Press. 24 December 2021. URL: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.211220.139> (13.02.2024).

64. Economic and Trade Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China: adopted 15 January 2020 and entered into force 14 February 2020 // United States Trade Representative. 2020.

65. Reflections on the Phase One Agreement // The China Business Review. 20 January 2022. URL: <https://www.chinabusinessreview.com/reflections-on-the-phase-one-agreement/> (13.02.2024).

Для цитирования и библиографии: Sayenko L. P. Advantages, Risks, and Prospects of Kazakhstan's Accession to the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA) // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 20-34. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_20

Материал поступил в редакцию 10.02.2025

TECHNOLOGIES RESHAPING WARFARE: ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND U.S. MILITARY DOCTRINE

A.M. KHASSANAY,

Master of Laws, Lecturer of the Department of “Constitutional, International Law and Customs Affairs”, Konayev University (Republic of Kazakhstan, Almaty)

e-mail: alikhan.massatuly@gmail.com

G.T. BAISSALOVA,

Candidate of legal sciences, Professor of the Department of “Constitutional, International Law and Customs Affairs”, Konayev University (Republic of Kazakhstan, Almaty)

e-mail: gulzira_06041967@mail.ru

M.T. BEISSENBAYEVA,

Candidate of legal sciences, Associate professor of the Department of “Law”, Kazakh National Agrarian Research University (Republic of Kazakhstan, Almaty)

e-mail: manshuk.beisenbaeva@mail.ru

This study undertakes an analysis of the legal and ethical dimensions surrounding the utilization of artificial intelligence (AI) in military technologies, with a specific focus on autonomous weapon systems. Given the accelerating pace of AI development and its concomitant integration into the defense sector, the formulation of international legal norms governing the deployment of these technologies has become a matter of paramount importance. Particular attention is directed towards the existing discrepancies in the conceptualization of autonomous weapon systems between the United States and other international actors, including the People’s Republic of China. This analysis identifies key challenges pertaining to the legal regulation of autonomous weapons, their compatibility with established principles of international humanitarian law (IHL), and the multifaceted issues arising from the integration of AI into contemporary military operations. Furthermore, this study examines various U.S. initiatives and declaratory pronouncements aimed at establishing standards for the safe and ethical application of artificial intelligence within the military sphere.¹ Finally, emphasis is placed upon the exigency of continued global dialogue and enhanced interstate cooperation to ensure the preservation of international security and the mitigation of potential threats to global stability.

Keywords: United States, military doctrines, international humanitarian law (IHL), artificial intelligence (AI), autonomous weapon systems (AWS).

Introduction

Artificial intelligence and autonomous weapons systems are becoming integral components of modern military technologies, offering new opportunities to enhance defense capabilities and security. In recent decades, the United States has been actively integrating AI into the military sphere, with a particular focus on autonomous systems such as unmanned aerial vehicles (UAVs) and combat robots. These technologies not only improve strike accuracy but also reduce risks to military personnel and integrate new strategic approaches at all levels - from tactical to strategic.

The foundation of the modern US military doctrine is the concept of network-centric warfare, where AI helps analyze large volumes of data and optimize the decision-making process. This facilitates faster response to threats, increased strike accuracy, and more effective coordination of actions in complex combat situations. Autonomous weapons systems capable of operating without human intervention are becoming an important element of military strategy, marking a potential revolution in warfare. These technologies are changing traditional approaches to warfare, transforming methods of conducting combat operations and managing armed forces, requiring a revision of existing doctrines and practices.

However, the introduction of autonomous weapons systems poses significant legal and ethical challenges to the international community. Such systems, making decisions without human involvement, may violate fundamental principles of international humanitarian law, such as the principle of distinction (between civilian objects and military objectives) and the principle of proportionality (in the use of force). To avoid unintended escalations and ensure compliance with humanitarian norms, the United States is actively participating in international discussions to develop legal standards governing the use of AI for military purposes.

To this end, the United States is developing and adopting relevant legislation regulating the use of autonomous systems, including bans on the use of lethal autonomous systems without human involvement. This reflects a desire to ensure safety and compliance with international humanitarian norms. For example, the US Congress regularly introduces legislative initiatives aimed at controlling the use of such technologies, taking into account obligations to respect human rights in armed conflict. These measures are necessary to ensure the ethical use of AI in military operations, prevent violations of the law, and ensure proper control over autonomous systems.

Differences in approaches to autonomous weapons between countries, including the United States and China, create additional challenges in developing a unified international standard. In an environment of global instability and technological competition, the need for international cooperation to create legal mechanisms that ensure the safe and ethical use of AI in the military sphere, while maintaining a balance between innovation and adherence to humanitarian principles, is growing stronger.

Thus, the development of AI and autonomous weapons systems in the United States represents not only a significant step in enhancing the combat capabilities of the armed forces but also the beginning of a new technological revolution in warfare. However, this revolution requires a comprehensive approach to legal regulation and the creation of international standards that will ensure the safe use of these technologies without violating fundamental humanitarian principles.

Methods and Materials

This research employed a multifaceted methodological approach, combining functional and logical analysis with deductive and inductive reasoning. This methodological framework enabled a comprehensive examination of the integration of artificial intelligence into military applications and its subsequent impact on international security.

To analyze US normative instruments, such as directives and strategies, as well as international initiatives, a formal-legal and dogmatic approach was adopted. This approach allowed for a rigorous examination of the legal frameworks governing the development and deployment of AI in the military domain.

The hermeneutic method was utilized to interpret the principles of international humanitarian law and ethical norms applicable to autonomous weapons systems and AI in warfare. This interpretive approach facilitated a nuanced understanding of the ethical implications of these technologies.

Results and discussion

Artificial intelligence (AI) is one of the most rapidly developing technologies, presenting both significant opportunities and serious legal challenges. Its impact on warfare is currently a subject of intense debate, seen as a potential revolution that could reshape armies and the conduct of war. Despite substantial efforts and initiatives, including those proposed by the United States regarding military AI, significant discrepancies remain regarding the extent to which AI can fundamentally transform the military sphere. Some theorists posit that AI has the potential for a radical revolution in warfare, while others

contend that its role, though significant, is limited within the framework of existing military strategies and technologies.

A more in-depth analysis requires consideration of not only technological but also legal aspects. This will facilitate an objective assessment of AI's true potential to alter the nature of military operations and strategies. In the context of the United States, despite efforts to regulate and promote the responsible use of AI, contradictions persist regarding its application in autonomous weapons systems and other key military technologies.

The United States has been at the forefront of developing artificial intelligence (AI) technologies, with a particular emphasis on their military applications. According to J. Johnson, annual funding for military AI research is projected to increase by 14.75% until 2025, underscoring the strategic imperative for the US to maintain technological dominance in this domain [1]. E. Kania observes that AI is already being extensively integrated into various military applications, including intelligence, logistics, cyber operations, and weapons management. The deployment of AI in military systems encompasses a wide range of technologies, such as unmanned aerial vehicles, missile defense systems, and partially autonomous weapons systems capable of independently targeting and engaging threats while remaining under human oversight [2].

As noted by R. Steff, automated weapon systems often possess a degree of autonomy, enabling them to autonomously identify targets and initiate engagement. Nevertheless, these systems remain under human control, with operators setting the overarching operational parameters. The implications of this level of autonomy for legal accountability constitute a significant area of inquiry [3].

J. Haner underscores the fact that, despite the widespread adoption of AI-enabled military technologies, the legal status of such systems remains ambiguous and necessitates further legal scrutiny [4]. The emergence of autonomous weapons systems, among other AI-driven military applications, presents a significant challenge to existing legal frameworks. As the US strives to maintain technological superiority in this domain amidst growing geopolitical competition, it must do so within the confines of international law.

R. Waltzman emphasizes the potential benefits of AI when used responsibly, particularly in the defense sector, where it can enhance strategic and operational capabilities [4]. However, critics argue that the current regulatory framework is ill-equipped to keep pace with the rapid advancements in AI and autonomous systems. This aligns with Collingridge's dilemma, which highlights the challenges of regulating technologies whose consequences are often only fully understood after their development [5].

A case in point of this belated regulation is the situation with autonomous vehicles in the United States. Despite the rapid advancement and deployment of self-driving cars, federal legislation has been unable to keep pace. State-level regulations vary significantly, and there is still no unified federal law governing the use of autonomous vehicles. This legal uncertainty hinders mass adoption of the technology and discourages investment.

On the other hand, Porter's hypothesis suggests that stringent regulatory requirements can act as a catalyst for innovation, prompting companies to seek more efficient solutions [6].

A similar parallel can be drawn to the environmental regulations enacted in the United States during the 1970s [7]. The imposition of stringent emissions standards compelled automobile manufacturers to develop new technologies to improve fuel efficiency and reduce emissions, leading to the creation of cleaner engines and accelerating the transition to hybrid and electric vehicles. The introduction of these standards not only mitigated environmental damage but also stimulated technological advancements in the automotive industry.

Analogously, the United States is making significant efforts to integrate artificial intelligence and machine learning into its military strategy, positioning this as a critical element in global competition, particularly against China, which is viewed as the primary strategic competitor. As outlined in the 2022 National Security Strategy, China seeks to reshape the international order and achieve technological and economic dominance [8]. In response, the US has committed to maintaining technological leadership, including in the realm of military AI, which has become an integral component of its military doctrine.

Amidst global instability and the rapid development of artificial intelligence (AI) technologies, international discussions on the military application of AI have largely focused on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS). Since 2013, the UN Group of Governmental Experts has been actively

engaged in discussing the legal and ethical aspects of using such systems, making it a significant element of the international legal agenda.

In 2022, the UN adopted a resolution calling upon Member States, including the United States, to submit their official positions on the use of lethal autonomous systems. This step reflects the international community's growing concern regarding the potential for autonomous weapon systems to violate the norms of international humanitarian law (IHL), particularly the principles of proportionality and distinction. The UN emphasizes the need to establish clear legal frameworks capable of regulating the use of autonomous systems in armed conflicts, in order to prevent their use for arbitrary attacks and to minimize risks to the civilian population.

The United States, being a leading actor in the development of autonomous technologies, has responded to international demands with corresponding domestic initiatives.

The 2017 National Security Strategy identified AI as a transformative technology that could fundamentally alter the character of warfare and influence the global standing of the United States [9]. Subsequently, the 2018 National Defense Strategy highlighted AI as a technology capable of significantly transforming the conduct of warfare, providing new means of deterring potential adversaries. This strategy emphasizes the development of autonomous weapons systems (AWS) and lethal autonomous weapons systems (LAWS), which, unlike traditional systems, can autonomously identify, select, and engage targets without human intervention. Examples of such systems include the Phalanx and Aegis defense systems, as well as combat drones and autonomous maritime systems capable of making fire control decisions independently [10].

The advent of these technologies poses novel challenges to the existing legal and ethical frameworks governing the use of weapons, demanding a re-evaluation of international humanitarian law. The rapid pace of technological advancement must be considered when regulating the use of weapons, as it can significantly alter the character of warfare and potentially undermine existing international agreements. In response to these challenges, the United States has been proactive in developing strategies to harness the potential of AI, both domestically and in the military sphere, through a variety of legislative and institutional measures. To solidify its leadership in AI, particularly in the military domain, the United States established the Joint Artificial Intelligence Center (JAIC) in 2018. The JAIC is tasked with conducting AI research for national defense, fostering collaborations, and developing ethical guidelines for AI applications in the military. A primary objective of the JAIC is to ensure its activities strike a balance between innovation and ethical standards. This is crucial in the context of military operations, where the uncontrolled or improper use of AI could lead to unpredictable consequences, including violations of international humanitarian law. Furthermore, the strategic emphasis on collaboration with the private sector underscores the US recognition of the necessity to develop technologies in partnership with leading technology companies, thereby enabling innovation and maintaining a high level of competitiveness [11].

Furthermore, the American AI Initiative, launched in 2019, outlines a comprehensive strategy for AI development and deployment. This initiative encompasses a broad spectrum of activities, including technological advancements, research enhancement, ethical considerations, regulatory frameworks, and international cooperation. The goal is to ensure that the United States remains at the forefront of AI innovation and application [12].

In April of the same year, a concrete legislative bill was introduced - the Growth of Artificial Intelligence Through Research Act (GrAITR), supporting research and development in the field of artificial intelligence in the United States, with a focus on its application in national security and defense, through federal agencies such as the National Science Foundation (NSF) and the U.S. Department of Defense, thereby stimulating innovation and strengthening the United States' position in such strategic areas as security, healthcare, transportation, and education. In addition, GrAITR emphasizes the need to ensure the ethical use of AI. In this regard, Sec. 301, Article 2 (c) of the bill imposes requirements on federal agencies to develop measures to prevent abuses related to AI, including through increasing the transparency of autonomous systems and protecting human rights [13].

Further attention to the legal regulation of AI in the defense sphere is also evidenced by the creation in 2021 of the Subcommittee on Cybersecurity, Innovative Technologies, and Information Systems within

the House Armed Services Committee. The Subcommittee was formed to oversee the U.S. Department of Defense's AI policy and ensure compliance with legal and ethical standards when using such technologies in military operations.

The proliferation of artificial intelligence and the ensuing global instability have brought lethal autonomous weapons systems (LAWS) to the forefront of international discussions. Since 2013, a UN Group of Governmental Experts has been exploring the implications of LAWS, culminating in a 2022 resolution calling for member states to articulate their positions.

Specifically, the United States emphasizes compliance with the principles of proportionality and distinction in the application of autonomous technologies in combat operations, which, in turn, serves as a justification for the use of such systems in the context of modern warfare. However, despite these statements, the US continues to develop and deploy new autonomous systems to counter China's growing military capabilities and technological advancements, which raises concerns within the international community.

Particularly, the United States has adopted a «Third Offset Strategy». This strategy seeks to restore strategic balance through the integration of advanced technologies, including autonomous weapons systems, while adhering to principles of proportionality and distinction. By leveraging AI, the United States aims to neutralize China's technological advantages and maintain its global technological leadership. However, this approach involves a reassessment of human control over autonomous weapons, expanding their potential applications in warfare. While AI-powered autonomous systems offer the promise of reduced casualties and enhanced operational effectiveness, the relaxation of controls raises concerns about global security and the potential for a new arms race [14].

China, for its part, is also actively developing AI technologies, including autonomous weapon systems, and positions itself as advocating for the necessity of international agreements to control the application of such technologies, emphasizing the importance of adhering to international norms, including humanitarian principles. The role of the International Committee of the Red Cross (ICRC) in these discussions is equally significant. The ICRC actively supports UN efforts to create legal frameworks for the use of lethal autonomous systems, stressing that such technologies must be used exclusively in compliance with international humanitarian law (IHL). The organization expresses deep concern regarding the application of autonomous weapon systems, pointing to the risks associated with the loss of human control and potential errors in decision-making in combat situations. The ICRC insists that these systems must be strictly regulated and their use remain under full human control to prevent arbitrary attacks and minimize harm to the civilian population. Moreover, the organization underscores the need for international mechanisms to ensure accountability for the use of such technologies, as well as for investigating incidents related to their application.

In response to these challenges, the United States has established a new framework for the utilization of AI in military technologies. Specifically, Department of Defense Directive 3000.09 not only rescinds previously existing restrictions but also permits the expanded deployment of autonomous systems in combat operations, reflecting the U.S. pursuit of bolstering its strategic capabilities amidst escalating competition [15]. In accordance with the Directive, each employment of an Autonomous Weapon System (AWS) must adhere to a series of key principles of international humanitarian law (IHL), including Protocols I and II Additional to the Geneva Conventions of 1949. A central requirement of the Directive is the assurance of «human control» over autonomous systems, guaranteeing that decisions regarding the use of force are made by human personnel, not by the system itself. This aligns with the provisions of Article 57 of Additional Protocol I to the Geneva Conventions of 1977 [16], which mandates that military operations conform to the principles of distinction (between combatant targets and civilian objects) and proportionality (the use of force must be proportionate to the military necessity). Furthermore, Article 36 of Protocol I requires that all new weapons, including autonomous systems, undergo legal review for compliance with international law prior to their deployment. According to the Directive, autonomous systems must be designed to preclude their employment in contexts that could be construed as perfidy. This corresponds to the prohibition on perfidious acts, as stipulated in Article 37 of Protocol I, where perfidy is defined as acts intended to deceive an adversary into believing they are entitled to, or are obliged to accord, protection under the rules of international law applicable in armed conflict, with intent to betray

that confidence [17]. For instance, in the context of autonomous systems, this could entail the use of false signals or the simulation of surrender.

It is also crucial to consider the provision of Article 1(2) of Additional Protocol I, which stipulates that in cases not covered by this Protocol or other international agreements, civilians and combatants remain under the protection and authority of the principles of international law derived from established custom, from the principles of humanity and from the dictates of public conscience. This Martens Clause underscores the necessity of considering humanity and public conscience when employing weapons, including autonomous systems, which should preclude their use in contexts that violate these principles. In this instance, the Martens Clause serves as a universal principle obligating states to adhere to humanitarian norms, even in situations where specific types of weaponry or methods of warfare are not explicitly regulated by existing international agreements [18]. This clause operates as a «boundary» rule, guiding states toward compliance with humanitarian norms, irrespective of whether specific situations or weapons have been addressed by international treaties. Consequently, it addresses the importance of considering moral, ethical, and legal standards in circumstances where novel technologies or methods of warfare may engender legal lacunae or ambiguities in the application of existing norms.

Thus, this Directive integrates key principles of international humanitarian law aimed at ensuring the humane and lawful use of autonomous weapon systems, which is essential for preventing their deployment for perfidious purposes and establishing accountability for their actions. However, the absence of proactive engagement with other states in promoting analogous approaches has circumscribed the potential for greater progress in the field of AI regulation.

The employment of weapon systems incorporating artificial intelligence must be rigorously assessed in light of these principles. Should such weaponry contravene the principles of humanity, jeopardize civilian populations, or fail to comport with the dictates of public conscience, its use would be deemed incompatible with international humanitarian law. Maintaining a balance between technological capabilities and legal and ethical obligations is essential to forestalling potential breaches of humanitarian standards.

Commencing in 2020, the United States initiated efforts to expand platforms for the exchange of expertise concerning the military application of AI, culminating in the establishment of the AI Partnership for Defense. However, participation in this partnership remains circumscribed to 16 states, thereby underscoring the necessity for more extensive international cooperation to attain consensus on regulatory frameworks. In February 2023, the United States promulgated a Political Declaration on Responsible Military Use of Artificial Intelligence and Autonomous Systems, which was subsequently presented at the Responsible AI in the Military Domain (REAIM) summit held in the Netherlands. Initially acceded to by 31 states, the signatory count had risen to 49 by November 2023, encompassing prominent global actors such as the United States, the United Kingdom, and Singapore, as well as developing states such as Malawi, *inter alia* [19].

The Declaration's objective is to establish international norms governing the secure and ethical utilization of AI within military domains. Foundational principles encompass ensuring the reliability and transparency of AI systems, precluding bias, and preserving human control over critical decision-making processes. Specific emphasis is accorded to the mitigation of potential risks, such as unintended escalations or operational malfunctions in autonomous systems.

The United States proposed Declaration on military AI endeavors to establish a basis for international norms and enhance inter-state trust, particularly in the context of nuclear capabilities. The attainment of these objectives requires sustained international discourse and the further elaboration of standards and mechanisms for cooperation, with due consideration for the continuously evolving technological landscape.

While the Declaration lacks binding legal effect, it establishes a framework for future state action and deliberations, serving as a platform for the further promotion of cooperation and the exchange of expertise within this field. The formal adoption of the Declaration through signature is anticipated in 2024.

Notwithstanding the inherent potential of this initiative, several notable challenges remain concerning the implementation of the norms and practices enshrined within the Declaration. Their realization

necessitates the harmonization of disparate interests and the surmounting of technical and political impediments. Furthermore, despite U.S. efforts in the regulation of military AI, divergent conceptualizations of autonomous weapon systems continue to exert a significant influence on international discourse, thereby hindering the attainment of a common understanding and consensus.

These discrepancies are contingent upon the varying perceptions of such systems among states: the U.S. often views them as instruments for augmenting military power and national security, whereas other states, such as China, may perceive them as threats to national security and foreign policy objectives.

It is pertinent to observe that the U.S. Department of Defense's framework fails to adequately address emergent machine learning capabilities, which consequently engenders concerns regarding the predictability and transparency of machine behavior, as well as matters of safety and accountability. The development of intricate and unpredictable military systems raises questions concerning their compliance with the principles enshrined in the Geneva Conventions on international humanitarian law [17]. Therefore, the definition proffered by the U.S. Department of Defense for missile detection systems presents difficulties in accommodating recent advancements in firepower and the complex behaviors exhibited by autonomous systems. Such a definition may constitute an impediment to the advancement of national capabilities in the development of such systems.

In recent years, the United States has assumed a leading role in the integration of artificial intelligence within the military domain, thereby instigating a significant transformation in weapons technologies and approaches to the conduct of warfare. The incorporation of AI into military operations has resulted in a substantial enhancement of the U.S. military's operational effectiveness, as demonstrated by a number of tangible innovations.

Commencing in 1948, the U.S. has pursued the development of autonomous weapon systems incorporating AI and machine learning methodologies. This approach serves to optimize operational capabilities and encompasses computer-based applications for intelligence collection. A notable example is the Aegis ballistic missile defense system, which was introduced in 1983 [20].

Artificial intelligence (AI) has been effectively implemented across a diverse range of military functions, including personnel management, intelligence gathering, logistical operations, communications, and operational planning. By way of illustration, the Dynamic Analysis and Replanning Tool (DART) constitutes an early instantiation of AI utilization within the military context, facilitating the development of deployment plans for troops and materiel during the 1990–1991 timeframe [21].

Subsequent to advancements in AI technologies during the 2000s, the Joint Assistant for Deployment and Execution (JADE), a more advanced instrument designed for force deployment planning and the resolution of logistical challenges, was developed under the auspices of the U.S. Air Force Research Laboratory (AFRL) and DARPA. The primary function of JADE is the generation of preliminary force deployment plan. The United States is also engaged in the expansion of its inventory of AI-enabled autonomous unmanned aerial vehicles (UAVs), including, inter alia, the X47-B, MQ-25, «Loyal Wingman,» «Flocking,» and «Swarming» systems [22].

Current trends indicate a more pronounced utilization of AI in the sphere of technical intelligence as opposed to the development of fully autonomous weapon systems. Project Maven provides a salient example of the implementation of image recognition technology within the context of intelligence operations, whereby AI undertakes the filtering and prioritization of incoming data streams [22]. These unmanned aerial vehicles (UAVs) have been subject to continuous development and refinement through their operational deployment in various military conflicts, including operations conducted in Iraq and Afghanistan [23].

By virtue of advancements in science and technology, contemporary unmanned aerial vehicles (UAVs) have achieved enhanced mobility, operational effectiveness, and the capacity to execute a comprehensive spectrum of missions. Moreover, AI finds active deployment in the realm of cyber operations, whereby AI-based systems possess the capacity to effectively defend military networks against hostile incursions or to initiate cyberattacks themselves. This constitutes an element of an emergent strategy predicated on the utilization of technology for the conduct of “non-kinetic” warfare, which is acquiring increasing salience in contemporary armed conflicts.

Consequently, the integration of artificial intelligence within U.S. military affairs represents not

merely a technological innovation but also a fundamental paradigm shift in approaches to the conduct of warfare. AI technologies facilitate the more precise, rapid, and secure execution of military operations, which, in turn, enables a substantial enhancement of military combat effectiveness and a concomitant acceleration of response times to emerging threats.

Notwithstanding the progress achieved in the development of autonomous weapon systems, discrepancies in approaches and definitions among states constitute impediments to the formation of unified international standards. It is therefore imperative to pursue continued international discourse and to formulate robust legal frameworks that ensure the safe, responsible, and ethical utilization of AI for military purposes, with a view to the development and codification of norms within international humanitarian law.

Conclusion

The development of artificial intelligence and autonomous weapon systems represents a significant advancement in ensuring national defense capabilities, while simultaneously posing a considerable challenge to the international legal framework. The United States, in its pursuit of maintaining technological supremacy, is actively integrating AI into the military sphere, with a particular emphasis on incorporating autonomous weapon systems into its military doctrine. However, the implementation of such technologies necessitates rigorous legal scrutiny, as autonomous systems capable of making decisions without human intervention raise profound questions concerning traditional principles of international humanitarian law, such as the principles of distinction and proportionality, as well as issues of accountability for the actions of these systems.

The ambiguity surrounding the legal status of autonomous systems and the divergence in regulatory approaches among states significantly complicate the process of establishing global standards for their application. While the United States views autonomous systems as a means of enhancing military effectiveness and security, other states, such as China, may perceive them as a threat to their national security. These discrepancies in perception create further complexities in the formation of international agreements aimed at developing unified legal frameworks for the utilization of AI for military purposes.

To address these challenges, resolutions and declarations aimed at restricting the use of lethal autonomous weapon systems have been adopted, reflecting the U.S. aspiration to establish a legal basis capable of preventing unintended escalations of conflict and ensuring accountability for the actions of autonomous systems. These efforts also contribute to international norm-setting in the field of regulating military AI, with an emphasis on adherence to the norms of international humanitarian law.

Furthermore, AI possesses substantial transformative potential, extending beyond autonomous weaponry to impact all levels of warfare. At the strategic level, AI facilitates the analysis of big data, the prediction of adversary actions, and the optimization of military strategies. At the operational level, it enhances troop coordination and improves the efficiency of task execution, while at the tactical level, it contributes to the precision of operations. This has the potential to engender a full-scale revolution in military affairs, altering the modalities of warfare and the management of armed forces.

Therefore, artificial intelligence in the military domain holds considerable potential for the transformation of military strategies and tactics. However, for its effective and safe utilization, it is imperative to develop robust international standards that ensure adherence to humanitarian norms and establish accountability for the use of AI in armed conflicts.

А.М. Хасанай, м.ю.н., Преподаватель кафедры «Конституционного, международного права и таможенного дела», Университет Кунаева, (Республика Казахстан, г. Алматы); Г.Т. Байсалова, к.ю.н., Профессор кафедры «Конституционного, международного права и таможенного дела», Университет Кунаева, (Республика Казахстан, г. Алматы); М.Т. Бейсенбаева, к.ю.н., Ассоциированный профессор кафедры «Право» Казахский национальный аграрный исследовательский университет, (Республика Казахстан, г. Алматы): Технологии, меняющие войну: искусственный интеллект и военная доктрина США.

Данная работа посвящена анализу правовых и этических аспектов использования искусственного интеллекта (ИИ) в военных технологиях, таких как автономные системы вооружений. В

условиях активного развития ИИ и его применения в оборонной сфере, возникает необходимость в разработке международных норм, регулирующих использование этих технологий. Особое внимание уделяется различиям в подходах к определению автономных систем оружия, которые существуют между США и другими государствами, включая Китай. Выявлены проблемы правового регулирования автономных вооружений, их соответствие международному гуманитарному праву и вызовы, связанные с внедрением ИИ в военные операции. Проведён анализ инициатив США и деклараций, направленных на разработку стандартов для безопасного и этичного применения искусственного интеллекта в военной сфере. Особое внимание уделено необходимости продолжения глобального диалога и углубленного сотрудничества между государствами для обеспечения международной безопасности и предотвращения угроз глобальной стабильности.

Ключевые слова: США, стратегические доктрины, международное гуманитарное право, искусственный интеллект (ИИ), автономные системы вооружения (АСВ).

А.М. Хасанай, з.ғ.м., «Конституциялық, халықаралық құқық және кеден ісі» кафедрасының оқытушысы, Қонаев Университеті, (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.); Г.Т. Байсалова, з.ғ.к., «Конституциялық, халықаралық құқық және кеден ісі» кафедрасының профессоры, Қонаев Университеті, (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.); М.Т. Бейсенбаева, з.ғ.к., «Құқық» кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті, (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.): Соғысты өзгертетін технологиялар: жасанды интеллект және АҚШ әскери доктринасы.

Бұл жұмыс жасанды интеллекттің (ЖИ) әскери технологияларда, мысалы, автономды қару-жарақ жүйелерінде қолданылуының құқықтық және этикалық аспектілерін талдауға арналған. ЖИ-нің белсенді дамуы және оның қорғаныс саласында қолданылуы жағдайында осы технологияларды қолдануды реттейтін халықаралық нормаларды әзірлеу қажеттілігі туындайды. АҚШ пен Қытайды қоса алғанда, басқа мемлекеттер арасында бар автономды қару жүйелерінің анықтамасына қатысты тәсілдердегі айырмашылықтарға ерекше назар аударылады. Автономды қару жүйелерін құқықтық реттеу мәселелері, олардың халықаралық гуманитарлық құқыққа сәйкестігі және ЖИ-ді әскери операцияларға енгізуге байланысты қиындықтар анықталды. Әскери салада жасанды интеллекттің қауіпсіз және этикалық қолданылуына арналған стандарттарды әзірлеуге бағытталған АҚШ бастамалары мен декларацияларына талдау жүргізілді. Халықаралық қауіпсіздікті қамтамасыз ету және жаһандық тұрақтылыққа төнетін қауіптердің алдын алу үшін мемлекеттер арасындағы жаһандық диалогты жалғастыру және тереңдетілген ынтымақтастық қажеттілігіне ерекше назар аударылады.

Түйінді сөздер: АҚШ, стратегиялық доктриналар, халықаралық гуманитарлық құқық (ХГК), жасанды интеллект (ЖИ), автономды қару жүйелері (АҚЖ).

References:

1. Johnson J. Artificial intelligence: a threat to strategic stability // Strategic studies quarterly. – 2020. Vol. 14. №. 1. pp. 16-39. URL: <https://doras.dcu.ie/25503/> (10.02.2023).
2. Kania E. B. In military-civil fusion, China is learning lessons from the United States and starting to innovate // The Strategy Bridge. 2019. 27. URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2019/8/27/in-military-civil-fusion-china-is-learning-lessons-from-the-united-states-and-starting-to-innovate> (10.02.2023).
3. Steff R., Abbasi K. Artificial intelligence and the military balance of power: Interrogating the US–China confrontation // Emerging technologies and international security. – Routledge, 2020. – pp. 65-82. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9780367808846-6/artificial-intelligence-military-balance-power-reuben-steff-khusrow-abbasi> (01.03.2023).
4. Haner J., Garcia D. The artificial intelligence arms race: Trends and world leaders in autonomous weapons development // Global Policy. – 2019. – Vol. 10. №. 3. pp. 331-337. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1758-5899.12713> (01.05.2023).
5. Collingridge D. The social control of technology. 1982. URL: <https://archive.org/details/social-controloft0000coll/page/n9/mode/2up> (10.02.2023).
6. Porter M. E., Linde C. Toward a new conception of the environment-competitiveness relationship

// Journal of economic perspectives. 1995. Vol. 9. №. 4. pp. 97-118. URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.9.4.97> (10.02.2023).

7. Gibbons J. H., Gwin H., Chandler W. The efficacy of federal environmental legislation: the TVA experience with endangered species and clean air // Utah L. Rev. – 1979. P. 701. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/utahlr1979&div=47&id=&page=> (10.02.2023).

8. Biden J. R. Biden-Harris White House National Security Strategy, October 2022 // Collections. 2022. pp. 10-12. URL: <https://repository.library.georgetown.edu/bitstream/handle/10822/1081864/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf?sequence=1> (10.02.2023).

9. Weaver J. M. The 2017 national security strategy of the United States // Journal of Strategic Security. 2018. Vol. 11. №. 1. pp. 62-71. URL: <https://www.jstor.org/stable/26466906> (10.02.2023).

10. Mattis J. Summary of the 2018 national defense strategy of the United States of America // Department of Defense Washington United States. 2018. pp. 1-12. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/citations/AD1045785> (10.02.2023).

11. Doubleday J. Joint AI Center seeking technologies for major cyberspace initiative // Inside the Air Force. 2019. Vol. 30. №. 27. pp. 7-8. URL: <https://insidedefense.com/daily-news/joint-ai-center-seeking-technologies-major-cyberspace-initiative> (10.02.2023).

12. Tunnard A. American AI Initiative will likely have a salient impact on campus // UWIRE Text. 2019. P. 1. URL: <https://go.gale.com/ps/i.do?p=AONE&sw=w&issn=&v=2.1&it=r&id=GALE%7CAS75632090&sid=googleScholar&linkaccess=abs&userGroupName=anon~e0dc29d7&aty=open-web-entry> (10.02.2023).

13. H.R.2202 - GrAITR Act 116th Congress (2019-2020). URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2202> (10.02.2023).

14. Gentile G. P. et al. A History of the Third Offset, 2014-2018. – Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2021. P. 103. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA454-1.html (10.05.2023).

15. USDOD Directive 3000.09. (2023). URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/25/2003149928/-1/-1/0/DOD-DIRECTIVE-3000.09-AUTONOMY-IN-WEAPON-SYSTEMS.PDF> (01.07.2023).

16. Protocol A. to the Geneva Conventions, 1977.

17. International Committee of the Red Cross. Protocols additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949. – International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/protocol-additional-geneva-conventions-12-august-1949-and>

18. Ticehurst R. The Martens Clause and the laws of armed conflict // International Review of the Red Cross (1961-1997). 1997. Vol. 37. №. 317. pp. 125-134. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-review-of-the-red-cross-1961-1997/article/abs/martens-clause-and-the-laws-of-armed-conflict/19E402694542E42DD1EDA333027E490B> (10.02.2023).

19. Lauren Kahn. How the United States Can Set International Norms for Military Use of AI 2024. LAWFARE. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/how-the-united-states-can-set-international-norms-for-military-use-of-ai>

20. Qiu K. et al. Research on the development and application of unmanned aerial vehicles // Artificial Intelligence in China: Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence in China. Springer Singapore, 2020. pp. 523-530. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-15-0187-6_62 (07.03.2023).

21. Xiaoning Z. Analysis of military application of UAV swarm technology // 2020 3rd International Conference on Unmanned Systems (ICUS). – IEEE, 2020. pp. 1200-1204. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/9274974> (17.02.2023).

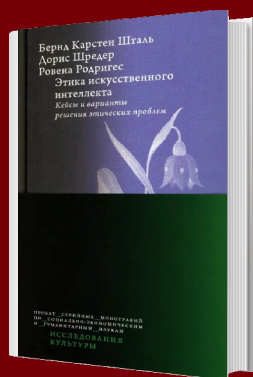
22. Fazekas F. Application of Artificial Intelligence in Military Operations Planning // ACADEMIC AND APPLIED RESEARCH IN MILITARY AND PUBLIC MANAGEMENT SCIENCE: AN INTERNATIONAL JOURNAL OF SECURITY, STRATEGY, DEFENCE STUDIES, MILITARY TECHNOLOGY AND PUBLIC MANAGEMENT. – 2022. – Vol. 21. – №. 2. – pp. 41-54. URL: https://real.mtak.hu/154294/1/03_fazekas_41-54_AARMS_2022_2.pdf (22.04.2023).

23. Francis D. How a New Army of Robots Can Cut the Defense Budget. The Fiscal Times. 2013.

URL: <https://www.thefiscaltimes.com/Articles/2013/04/02/How-a-New-Army-of-Robots-Can-Cut-the-Defense-Budget>

Для цитирования и библиографии: Khassanay A.M., Baissalova G.T., Beissenbayeva M.T. Technologies reshaping warfare: artificial intelligence and u.s. military doctrine // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 35-45. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_35

Материал поступил в редакцию 11.01.2025

НОВЫЕ КНИГИ

Бернд Карстен Шталь, Дорис Шредер, Ровена Родригес. Этика искусственного интеллекта. Кейсы и варианты решения этических проблем. М., НИУ ВШЭ, 2024. 200 с.

ISBN 978-5-7598-2981-2

Принято считать, что потенциальные выгоды от применения искусственного интеллекта (ИИ) велики: от операционных улучшений, таких как снижение числа человеческих ошибок, до использования роботов в опасных ситуациях. В то же время все понимают, что применение ИИ сопряжено со множеством этических проблем — от предвзятости в работе алгоритмов и цифрового разрыва до проблем здоровья и безопасности. В книге рассматриваются реальные кейсы этических проблем, которые ставит перед нами искусственный интеллект, и варианты их решения.

Разбор кейсов — один из лучших способов изучения этических дилемм и понимания связанных с ними сложностей и точек зрения заинтересованных в работе ИИ сторон.

С учетом всеобъемлющего характера этики искусственного интеллекта в академических, политических, философских и медийных дебатах книга будет полезна широкой аудитории, включая исследователей, представляющих самые различные дисциплины, а также политиков, сотрудников неправительственных организаций, преподавателей и образованную общественность.

CONSTITUTION'S SUPREMACY PRINCIPLE AND ITS CERTAIN CHARACTERISTICS

T. V. CHEKHOVYCH,

Doctor in Jurisprudence, associate professor,

Teaching Professor of Law School of Maqsut Narikbayev University (Republic of Kazakhstan, Astana)

e-mail: t_chehovich@kazguu.kz

The article is focused on analyzing certain elements of the Constitution's supremacy principle. The author attempts to answer the question about the system of subjects to whom the mentioned principle is applied, as well as to distinguish it from rule of law and rule-of-law principle.

Based on the results of studying the first of these issues, it has been concluded that the Constitution's supremacy principle should be extended to absolutely all participants of public relations (subjects of public authority, politicians and private individuals). The state and society need a regulatory model of acceptable behavior that would unite everyone (private and public subjects) into a single system.

The author has concluded that rule of law is focused on the fact that the most important public relations related to constitutional rights, freedoms of a person and avcitizen, as well as the competence and powers of public authorities should be exclusively established by law (Act of Parliament).

In terms of establishing the content of the Constitution's supremacy principle, the author has noted that there is currently a problem of its practical application, since executive authorities cannot evade the requirements of laws and by-laws due to their unconstitutionality. The author of the article has suggested own solution to this problem.

The last part of the article is focused on analyzing the content of the rule-of-law principle. According to the author, this principle is decisive, including for the Constitution. The «constitutionality» of the Constitution is ensured through the rule-of-law principle.

Key words: Constitution, Constitution's supremacy principle, law, regulatory legal act, rule of law, rule-of-law principle, Constitutional Court, parliament, politicians, executive authorities.

Introduction

The importance of the Constitution is basically difficult to overestimate. But it becomes more important the more often it is directly applied. The formulated thesis has acquired particular significance in Kazakhstan since the Constitutional Court has begun to operate (January 1, 2023). The Constitutional Court adopted more than 50 regulatory resolutions over the past two years, each of them was obviously accompanied by an active interpretation and application of the relevant constitutional norms. The Court assessed the compliance of certain legal norms with the provisions of the Constitution in most of these resolutions by implementing the *Constitution's supremacy principle*. In this regard, one can argue that this principle is the basic ground for the Constitutional Court's operation, which requires a detailed analysis of its content.

Discussion

The beginning of this work was laid by the author of this article in the previous publication, where, in particular, it was noted that the first step in the direction of establishing the content of the Constitution's supremacy principle should be the answer to the question about the system of those acts, in relation to which

the Constitution has priority. It was concluded that both regulatory legal acts and legal acts of individual application should correspond to the Basic Law. Along with this, attention was also focused on the existing uncertainty in terms of the system of regulatory legal acts, which, in our opinion, should be corrected by making appropriate amendments to the Law of the Republic of Kazakhstan «On Legal Acts» [18].

The next step in the direction of studying the mentioned principle should be answers to questions about the subjects, to whom it is applied, as well as about its content, in particular, and in comparison with other (similar in their characteristics) categories.

Materials and Methods

The article is based on the provisions of the legal doctrine, as well as regulatory legal acts of both Kazakhstan and foreign countries. Special attention was paid to the array of Regulatory Resolutions of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan. A wide range of scientific analysis methods (comparative and legal, formal and legal, dialectical, etc.) was used while processing this material.

Main Part

A) Subjects of application of the Constitution's supremacy principle

Paragraph 2 of the Article 4 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan [9] (hereinafter referred to as the Constitution), indicating that the Basic Law has the highest legal force, says nothing about who should be guided by this provision. Certain explanations on this regard were provided by the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, noting in one of its Regulatory Resolutions that the legal meaning of the highest legal force and direct effect of the Constitution throughout the country is addressed to all executors of law without any exception, including government agencies [10]. Despite the apparent clarity of this statement, there is unsolved issue in regard to subjects who should be understood as executors of law. Legal enforcement, as indicated in the doctrine, is the activity of state authorities that ensures the implementation of law norms contained in laws and other regulatory legal acts by issuing acts of legal enforcement. Accordingly, citizens cannot be subjects of legal enforcement [15, p. 94, 95]. Does it mean that private individuals (individuals and legal entities of private law) may not apply (may ignore) the Constitution's supremacy principle? The level of problematic nature of this issue may be further aggravated by specific situations, for example, those related to the development of local rule-making acts by private individuals. This problem will be no less important for private law relations arising as a result, for example, of concluding civil contracts. In the latter case, it is worth paying attention to the fact that the Civil Code (the Art. 3) [4] binds only civil legislation to the Constitution, without saying anything about the extent how this provision is applicable to the sphere of free expression of will by private individuals.

The issue on the extent how subjects of political activity, who, taking into account their status, are also not involved in legal enforcement (if we are talking about purely political decisions / actions), are bound by this principle also seems interesting and important along with the specified above. Should they be bound by the provision on the supremacy of the Constitution? In our opinion, this question should certainly be answered in the affirmative way. It is obvious that political activity, being an integral part of democratic processes, cannot be completely removed from the scope of law. And even if we take into account the fact that political activities in most cases are outside the scope of legal regulation, it does not make it possible to ignore the Constitution, which lays down the foundations, first of all, of the constitutional system. And it would be very strange, on the one hand, and very dangerous, on the other, if politicians were exempted from any regulatory standards (restrictions). It is difficult to imagine a politician, who being an element of a democratic and legal state, supports, for example, disregard of the constitutional provision on the inviolability of human dignity or the elimination of check-and-balance system, by justifying this as the freedom of political activity.

Having formulated an intermediate conclusion, it should be emphasized that, in our opinion, the Constitution's supremacy principle must be extended to absolutely all participants in public relations that are manifested in the state. The state and society need a regulatory model of admissible behavior that unites everyone (private and public subjects) into a single system. In order to consolidate society around the achievement of the purposes outlined, first of all, in the Preamble to the Constitution, it is necessary that its norms become an unconditional guideline for each and every one.

B) Correlation between the Constitution's supremacy principle and related terms

It is also important to achieve understanding in the issue of correlation between assonant categories, namely: the supremacy of the Constitution, rule of law and rule-of-law. Analysis of publications focused on constitutional and legal issues demonstrates that there is still no necessary level of consistency and specificity in this issue. For example, A.K. Kanatov, after the conducted analysis of the Regulatory Resolutions of the Constitutional Court, writes: «... the rule-of-law principle is prejudicially (conceptually, automatically) included in the system of principles of constitutionality of regulatory legal acts, which is the basis for the requirement of formal certainty, clarity and consistency of legal regulation, mutual consistency of subject-related norms, including those of different sectoral affiliation (regulatory Resolutions of the Constitutional Court of 22 February 2023 No. 3, of 18 May 2023 No. 14-NP, of 31 August 2023 No. 27-NP and others)». After that, apparently searching for a manifestation of this principle in the Constitution, he cites its Art. 4 and Art. 8, and then claims that «... a more profound definition of the rule-of-law principles was in the «World Justice Project», primarily through the creation of the Rule of Law Index» (emphasis added – T.Ch.) [7]. Perhaps we did not catch something in the reasoning of A.K. Kanatov, but we perceive it like all the above-mentioned principles, in his opinion, mean the same thing, being used as synonymous categories. There is no reason to think otherwise, since his article does not contain indications that the principle of the supremacy of the Constitution, the rule of law and the rule-of-law principle have different substantive content.

The literature also contains attempts of unacceptable simplification of the content of certain of the named principles along with the named approach. O.V. Onishchenko's conclusion that the supremacy of the Constitution is a natural and indisputable thing, and therefore there is no need to justify and prove this supremacy, seems unexpected [13, p. 76]. We can agree with this statement only in terms of establishing the relationship between the supremacy of the Constitution and the rule of law. Indeed, everything looks clear and unambiguous. However, this conclusion cannot be automatically extended to other spheres and aspects.

Rule of Law

Let's start with something simple. *The rule of law* is a principle that determines / prescribes that all regulatory legal acts issued by public administration subjects (executive authorities, other executive agencies, local self-government agencies), by subjects with delegated powers must be consistent with the law from a substantive point of view. In this case, using the terminology of the Law of the Republic of Kazakhstan «On Legal Acts» [11], the law should be understood as: constitutional law, code, consolidated law, law, temporary resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan that has the force of law.

This principle, along with others, prescribes that it is the legislative (based on the law) regulation of social relations in society should be in priority. Such a statement follows, among other things, from the principle of separation of powers, according to which, as it is well-known, normative regulation of social relations should be carried out, first of all, by the legislative power (through laws).

Developing the above, it is also worth paying attention to several additional Articles of the Constitution, which, in our opinion, clarify the scope and limits of the application of the rule of law. First of all, we should talk about paragraph 1 of the Art. 39 of the Constitution, which establishes the rule that any restriction of constitutional rights, freedoms of a man and a citizen must be based on the law. In other words, it is exclusively the law (in no case any other regulatory legal act) that must sanction the conditions and limits of such a restriction.

The Constitution also establishes a similar rule for the procedure of exercising the state power in the Republic, which must also be based on laws (paragraph 4 of the Art. 3). Unfortunately, currently we do not have any official explanations of the content of this requirement (made by the Constitutional Court), which makes unresolved the issue regarding the line between legislative and subordinate regulation of the activities of, first of all, executive authorities (executive agencies). As we know, the current legal status of some executive agencies has received legislative regulation (for example, the National Bank of the Republic of Kazakhstan, national security agencies, etc.), while other subjects of the mentioned type (for example, the State security service of the Republic of Kazakhstan) act on the basis of by-laws. Thus, there is still no unity in the country in understanding the above-cited constitutional provision, which obviously should

be corrected. In our opinion, a single and basic rule should be applied in this part: all public authorities, and first of all, executive agencies, must exclusively function on the basis of the law. It is the law, i.e. the Act of Parliament, that should establish the list of powers of the relevant subjects, and first of all those that may be associated with the restriction of constitutional rights and freedoms. Subordinate regulatory legal acts, obviously, can only establish procedures for the implementation of powers initially enshrined in the law. Otherwise, conditions allowing executive agencies to independently (for themselves) establish the scope of their competence and powers will be created. Such an approach is unacceptable in a democratic and legal state. The Constitution of Kazakhstan in this part seems extremely specific – «State power in the Republic is united, is exercised on the basis of the Constitution and laws...».

The rule of law is also manifested in part of defining the boundaries of the competence of the Parliament. It is necessary to pay attention to paragraph 3 of the Art. 61 of the Constitution of Kazakhstan, which lists the areas (issues) when «the Parliament has the right to issue laws». This constitutional norm seems extremely important, since it lays down the necessary boundaries between legislative and subordinate regulation of public relations. In other words, the rule of law, in this part, prescribes that the most important public relations should be exclusively regulated by the law (Act of Parliament). However, in this part, the Constitution, in our opinion, has lack of some clarity. Thus, if we closely look at the wording of paragraph 3 of the Art. 61, we can make a well-founded conclusion that the current version of this paragraph does not lead to an unambiguous conclusion that only the Parliament is vested with the relevant powers. In this part, the Constitution uses the phrase «the Parliament has the right to issue...», which is used along with such a formulation as «The exclusive jurisdiction of the Senate includes...» (paragraph 1 of the Art. 55 of the Constitution). In our opinion, it would be appropriate to use the latter wording when setting out paragraph 3 of the Art. 61 of the Constitution.

Drawing an intermediate conclusion, we can emphasize that the rule of law guides us by the fact that the most important social relations related to constitutional rights, freedoms of a man and a citizen, as well as the competence and powers of public authorities must be established by the law (Act of Parliament), which has legal priority in regard to all subordinate regulatory acts. Moreover, it is important to understand that such a priority must be ensured not only within the framework of one sphere of relations (for example, all regulatory legal acts of the government on environmental issues must comply with the Environmental Code), but also in all other spheres. In other words, any subordinate regulatory legal act must comply with any law adopted in the state.

Constitution's supremacy principle

The Constitution's supremacy principle, in our opinion, should be at the next level of analysis. In this part, we can agree with those authors who believe that the supremacy of the written Constitution in relation to other types of regulatory legal acts is based on the difference of the procedure for its revision from the usual legislative procedure. Based on the impossibility of amending the Constitution by ordinary law, thus, scholars come to the conclusion about the Constitution's strictness, its supremacy over laws and its dominant position in the legal system, which, in fact, should be based on the Constitution [17, p. 173].

This principle from a substantive point of view guides the subjects of law-making activity to the fact that all national regulatory legal acts (both laws and by-laws); all international acts [8, p. 30]; political decisions [19, pp. 17-18], on the one hand, must be consistent with the Constitution, and, on the other hand, must not be applied if there is a discrepancy between them and the provisions of the Constitution. Due to such an understanding of this principle, the consolidation of all sources of law around common (basic) constitutional values and norms is ensured, and the stability (predictability) of legal precedents is guaranteed.

However, formulated above theoretical concept of the Constitution's supremacy principle faces serious difficulties in practice that have not received their final resolution yet.

First of all, it should be noted that this principle, if we talk about its practical application, is immediately burdened by the effect of the *presumption of constitutionality of regulatory legal acts*. The specified presumption obliges courts and other state authorities, including the Constitutional Court, to apply laws and other legal acts, if such laws and acts have not been recognized as unconstitutional [12]. In other words, we are talking about the fact that there is no and cannot be an «automatic» application of

the Constitution's supremacy principle with respect to other regulatory legal acts. Its application, in fact, must be «agreed» by the constitutional control agency or another subject that has been granted the right to assess the compliance of a particular regulatory legal act with the Constitution. In the latter case, we are talking, for example, about administrative courts or courts of general jurisdiction that are authorized to verify the legality, and in fact, the constitutionality of by-laws. It is the reason why administrative courts are sometimes called quasi-constitutional.

Such an approach, excluding the application of the Constitution's supremacy principle by any subject, on the one hand, certainly makes sense. Since the denial of the presumption of the constitutionality of laws and other legal acts is a direct threat to the stability of the constitutional system, because any state authority, before the Constitutional Court makes a corresponding decision, may refuse to implement laws referring their unconstitutionality, and the courts will not apply them in the administration of justice [2]. However, on the other hand, this presumption turns the Constitution's supremacy principle to a greater extent into theoretical construction with a very limited scope of application. If we develop the latter idea, then we can agree with those authors who believe that this principle can only be unambiguously applied when there is a direct and unambiguous inconsistency between the norm of the law or by-law and the norm of the Constitution [2]. However, there will be a few number of such situations. It will be extremely difficult for an executor of law in the overwhelming majority of cases to «take responsibility» and «evade» from the requirement of the law by referring to its unconstitutionality. Thus, despite its «unconstitutionality» the act, in fact, will remain in force; it will be both applied and may become the basis for the adoption of acts with lower legal force [17, p. 172]. The problematic nature of such a situation, in our opinion, is obvious.

In this regard, it is encouraging that the legislator in Kazakhstan does offer a certain solution for such situations. In this case, we are talking about the possibility of the court, which exists in all procedural codes, to suspend proceedings on a case (if there are grounds to believe that the law or other regulatory legal act, which should be applied, infringes on the rights and freedoms of a man and a citizen enshrined in the Constitution) and to appeal to the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan with a motion to recognize this act as unconstitutional (Part 3 of the Art. 7 of the Administrative Procedural and Process-Related Code of the Republic of Kazakhstan) [1]. However, despite all the positive aspects of such regulation, we can observe an «old» problem there, indicating that the state is not ready to sanction the direct and immediate application of the Constitution's supremacy principle, even by the court. As we can see, the court is not authorized to answer the question of the compliance of even the lowest (weakest) regulatory legal acts with the Constitution. The legislator believed that this issue constitutes the exclusive competence of the Constitutional Court.

The similar situation with regard to the activities of executive authorities appears even more complicated. The legislator has not provided for them (with the exception of the Prime Minister) any possibility at all to raise the issue for the Constitutional Court on the inconsistency of a particular legal act with the Constitution. In other words, an «unconstitutional» regulatory legal act must always and under any circumstances be applied by the mentioned subjects in the course of their activities. It is obvious that such a conclusion looks, at least, as worrying against the background of theoretical content of the Constitution's supremacy principle. In this regard, we believe that it is necessary to provide executive authorities (by analogy with the courts) with the opportunity to raise the issue for the Constitutional Court on the unconstitutionality of regulatory legal acts. In order to consolidate all possible appeals and to eliminate unnecessary duplication, such appeals could be submitted to the Prime Minister through the Ministry of Justice.

Rule-of-law principle

According to prof. S. Golovaty rule-of-law principle undoubtedly occupies one of the central places in the existing system of «three supremacies» [3, p. 113].

First of all, it is worth noting that this principle, on the one hand, is the «youngest» among the above-mentioned principles (it has been started to be mentioned not so long ago), and, on the other hand, the least specified (at least at the level of domestic legal literature). We can use certain provisions of the article by academician Zh.S. Elyubaev as an example for the latter statement, where he writes: «There

are various approaches in theory to understand the term of «rule-of-law». Some believe that it is a legal doctrine, according to which no one can be above the law, everyone is equal before the law, no one can be punished except in accordance with the procedure established by law and only for its violation. Others define the «rule-of-law» as a stable system of legislation, state and public institutions, principles and rules of community life ensuring the implementation of four universal principles: responsibility, fairness of laws, management transparency, accessibility and impartiality of justice. There are other approaches, but their essence is limited to one thing: there should be the «supremacy of law» in the country, society, interstate relations [6]. At the same time, academician Zh.S. Elyubaev does not formulate his own, complete definition of this category, and does not explain what is meant by the «supremacy of law».

We do not find too many specifics in the issue of the correlation between the mentioned principles. For example, academician M.K. Suleimenov writes on this matter that the «rule-of-law principle, under a narrow (normative, legalistic) understanding of law, will express the rule-of-law in the whole as a set of norms, and the rule of law will reflect the hierarchy of normative legal acts, headed by the law» [16]. We do not clearly understand from this reference (under a narrow understanding of law, and, by the way, is such an understanding acceptable in the current conditions?) the difference between the rule-of-law and the rule of law. Can these two principles coexist with a normative understanding of law, where, as we know, there is no law outside the framework of official regulatory legal acts?

Besides, the large problem of all discussions on the rule-of-law topic can be summarized by the fact that the formulated approaches are hardly applicable to practice. It is obvious that the named principles should exist not only at the doctrinal level, but also determine both the development of normative regulation and the substantive aspects of legal enforcement. In other words, these principles should become the «weapon» of every lawyer, and above all, judges in their search for good and justice.

In this regard, the main reference point in understanding the rule-of-law principle for us is the Report on the rule of law adopted by the Venice Commission at its 86th plenary session (25-26 March 2011) [5], which was developed with the aim of helping interested parties to apply the mentioned principle in their activities. Along with this, we should note that some provisions of this Report can be further detailed and clarified. Thus, we are interested, in particular, in the issue of the correlation between the rule-of-law principles and the supremacy of the Constitution.

The reason for searching for an answer to the formulated question was the problem of «control» over the Constitution. The Constitution, being the central and fundamental legal act of any state, nevertheless, must itself remain «constitutional». Such a formulation may seem controversial, but this issue, nevertheless, requires its solution. It is obvious that when all democratic and legal states unite around common goals and standards in the current conditions, their constitutions are also influenced by the corresponding globalization changes. In other words, the constitution of a democratic and legal state must meet a certain set of requirements, where the central place is occupied by the rights and freedoms of a man and a citizen. In this regard, we believe that it is permissible to consider the rule-of-law principle as one of the main criteria for determining the «constitutionality» of the Constitution.

The formulated by us suggestion is consistent with the opinion of other researchers who, like us, are inclined to consider the rule-of-law as an idea going to the global, interstate level. In this regard Prof. D. Palombella, in particular, writes: «the rule-of-law presupposes the action of a certain law that would oppose power, limit it, or even serve as a counterbalance, regardless of the form and structure of power and who possesses it. ... » [14, p. 71]. This idea is further developed by Prof. M. Troper, who reasonably asserts that «there is a certain set of principles that make up «constitutionality legality», which is located even over the constitution and the constitution must comply with that set of principles. Constitutional provisions, in particular amendments that contradict these principles, are subject to cancellation by the Constitutional Court. This concept reflects the ideology of natural law, since it elevates the compliance with supra-legal principles to the quality of a condition for the validity of positive norms» [17, p. 177, 178].

Conclusions

The effectiveness of constitutional proceedings certainly depends not only on the relevant Law of the Republic of Kazakhstan «On the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan». It is also important that the provisions of this Law are in systemic relationships with other regulatory legal acts,

as well as the provisions of the legal doctrine. Without this, it will be impossible to ensure, in particular, the implementation of the principles of constitutional proceedings, the content of which is revealed, first of all, in scientific literature. According to the conducted study, there is still no unity of views among the scientific community in terms of understanding the specified principles. Such theoretical underdevelopment will inevitably negatively affect the functioning of the Constitutional Court, which needs doctrinal support for its activities more than other courts. The main objective in terms of revealing the content of the named principles should be reduced to such elaboration that should determine their clear boundaries, as well as offer working mechanisms for using the latter both in the sphere of constitutional proceedings and in other areas of legal enforcement activity.

Т.В. Чехович, з.ғ.д., доцент, Maqсут Narikbayev University Жоғары құқық мектебінің Teaching Professor-ы (Қазақстан Республикасы, Астана): Конституция үстемдігі қағидасы және оны жеке сипаттамалары.

Мақала Конституция үстемдігі қағидасының жекелеген элементтерін талдауға арналған. Автор аталған қағида қолданылатын субъектілер жүйесі туралы сұраққа жауап беруге, және оны заң үстемдігі қағидасы мен құқық үстемдігі қағидасынан ажыратуға тырысады.

Аталған мәселелердің біріншісін зерттеу нәтижелері бойынша Конституция үстемдігі қағидасы қоғамдық қатынастардың барлық қатысушыларына (жария билік субъектілеріне, саясаткерлер мен жеке тұлғаларға) бірдей таралуы керек деген қорытынды жасалды. Мемлекет пен қоғамға барлығын (жеке және жария субъектілерді) бірыңғай жүйеге біріктіретін, жарамды мінез-құлықтың нормативтік моделі қажет.

Автор заң үстемдігі қағидасы адамның және азаматтың конституциялық құқықтарына, бостандықтарына, сондай-ақ мемлекеттік органдардың құзыреттері мен уәкілеттіктеріне қатысты ең маңызды қоғамдық қатынастарды тек заңмен (парламент актісімен) белгілеу керек деген қорытындыға келді.

Конституция үстемдігі қағидасының мазмұнын белгілеу бөлігінде автор бүгінгі күні оны іс жүзінде қолданудың проблемасы бар екенін көрсетеді, себебі атқарушылық типтегі органдар заңдар мен заңға тәуелді актілердің талаптарын орындаудан олардың Конституцияға қайшы келуіне байланысты жалтара алмайды. Мақалада осы мәселенің авторлық шешімі ұсынылған.

Мақаланың соңғы бөлімі құқық үстемдігі қағидасының мазмұнын талдауға арналған. Автордың пікірінше, бұл қағида Конституция үшін де шешуші болып табылады. Құқық үстемдігі арқылы Конституцияның «конституциялығы» қамтамасыз етіледі.

Кілт сөздер: Конституция, Конституция үстемдігі қағидасы, заң, заңға тәуелді нормативтік құқықтық акт, заң үстемдігі қағидасы, құқық үстемдігі қағидасы, Конституциялық Сот, парламент, саясаткерлер, атқарушылық типтегі билік органдары.

Т.В. Чехович, д.ю.н., доцент, Teaching Professor Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (Республика Қазақстан, Астана): Принцип верховенства Конституции и его отдельные характеристики.

Статья посвящена анализу отдельных элементов принципа верховенства Конституции. Автор делает попытку ответить на вопрос о системе субъектов, на которых распространяется свое действие названный принцип, а также провести его отграничение от принципа верховенства закона и принципа верховенства права.

По результатам исследования первого из названных вопросов сделан вывод, что принцип верховенства Конституции должен быть распространён абсолютно на всех участников общественных отношений (субъектов публичной власти, политиков и частных лиц). Государству и обществу необходима, связывающая всех (частных и публичных субъектов) в единую систему, нормативная модель допустимого поведения.

Автором сделан вывод, что принцип верховенства закона ориентирует на то, что наиболее важные общественные отношения, которые касаются конституционных прав, свобод человека и гражданина, а также компетенции и полномочий органов публичной власти должны устанавливаться исключительно законом (актом парламента).

В части установления содержания принципа верховенства Конституции автор указывает, что на сегодняшний день существует проблема его практического применения, поскольку органы исполнительского типа не могут уклониться от выполнения требований законов и подзаконных актов по причине их неконституционности. В статье предлагается авторское решение данной проблемы.

Последняя часть статьи посвящена анализу содержания принципа верховенства права. По мнению автора, данный принцип является определяющим, в том числе, и для Конституции. Посредством верховенства права обеспечивается «конституционность» Конституции.

Ключевые слова: Конституция, принцип верховенства Конституции, закон, подзаконный нормативный правовой акт, принцип верховенства закона, принцип верховенства права, Конституционный Суд, парламент, политики, органы власти исполнительского типа.

References:

1. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Administrativnyj procedurno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazakhstan]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350#z630> (24.11.24)

2. Водяніков О. Пряма дія Конституції і розмежування юрисдикції між судами системи судострою і Конституційним Судом України [Vodiannikov O. Priama diia Konstytutsii i rozmezhuvannia yurysdyksii mizh sudany systemy sudoustroiu i Konstytutsiinym Sudom Ukrainy]. URL: <https://constitutionalist.com.ua/vodiannikov-o-priama-diia-konstytutsii-i-rozmezhuvannia-iurysdyksii-mizh-sudany-systemy-sudoustroiu-i-konstytutsijnym-sudom-ukrainy/> (24.11.24).

3. Головатий С. «Верховенство закону» versus «верховенство права»: філологічна помилка, професійна недбалість чи науковий догматизм? // Вісник Академії правових наук України. 2003. № 2 (33) – 3 (34). С. 96–113. [Holovaty S. «Verkhovenstvo zakonu» versus «verkhovenstvo prava»: filolohichna pomylka, profesiina nedbalist chy naukovyi dohmatyzm? URL: Visnyk Akademii pravovykh nauk Ukrainy. 2003. № 2 (33)–3(34). S. 96–113].

4. Гражданский кодекс Республики Казахстан [Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazakhstan]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (24.11.24).

5. Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (25-26 марта 2011 года) [Doklad o verkhovenstve prava, utverzhdenyj Venecianskoj komissiej na 86-j plenarnoj sessii (25-26 marta 2011 goda)]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31150625 (25.11.24).

6. Елюбаев Ж.С. Цивилизационная безопасность и верховенство права через призму научного наследия С.С.Алексеяева и Н.А.Шайкенова [Elyubaev ZH.S. Civilizacionnaya bezopasnost' i verkhovenstvo prava cherez prizmu nauchnogo naslediya S.S.Alekseeva i N.A.Shajkenova]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32428677&searchId=&pos=5;-109#pos=5;-109 (27.11.24).

7. Канатов А.К. «Золотое сечение» конституционного производства [Kanatov A.K. «Zolotoe sechenie» konstitucionnogo proizvodstva]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33059768&searchId=&pos=6;-109#pos=6;-109 (27.11.24).

8. Козюбра М. І. Принципи верховенства права і верховенства Конституції України: співвідношення // Конституційне будівництво в Україні: теорія та практика. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 1–3 червня 2000 р.– Ужгород: «Закарпаття», 2000. С. 27-34. [Koziubra M. I. Prynscypu verkhovenstva prava i verkhovenstva Konstytutsii Ukrainy: spivvidnoshennia // Konstytutsiine budivnytstvo v Ukraini: teoriia ta praktyka. Materialy mizhnarodnoi naukovopraktychnoi konferentsii 1–3 chervnia 2000 r.– Uzhhorod: «Zakarpattia», 2000. S. 27-34].

9. Конституция Республики Казахстан [Konstituciya Respubliki Kazakhstan]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (24.11.24).

10. Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 8 апреля 2023 года № 7 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан Конституционного закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам административной реформы в Республике Казахстан» и Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам административной реформы в Республи-

ке Казахстан» [Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 8 aprelya 2023 goda № 7 «O rassmotrenii na sootvetstvie Konstitucii Respubliki Kazakhstan Konstitucionnogo zakona Respubliki Kazakhstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye konstitucionnye zakony Respubliki Kazakhstan po voprosam administrativnoj reformy v Respublike KazakhstaN» i Zakona Respubliki Kazakhstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam administrativnoj reformy v Respublike Kazakhstan»]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/documents/details/453756?lang=ru> (24.11.24).

11. О правовых актах : Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗПК [О pravovyh aktakh : Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 aprelya 2016 goda № 480-V ZRK]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (24.11.24).

12. Окрема думка судді Конституційного Суду України Лемака В.В. стосовно Рішення Конституційного Суду України від 28 серпня 2020 року № 9-р/2020. [Okrema dumka suddi Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy Lemaka V.V. stosovno Rishennia Konstytutsiinoho Sudu Ukrainy vid 28 serpnia 2020 roku № 9-r/2020.]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/na09d710-20#n2> (25.11.24).

13. Оніщенко О. В. Юридичне верховенство Конституції України // Наукові записки НаУКМА. 2007. Том 64. Юридичні науки. С. 76-78. [Onishchenko O. V. Yurydychne verkhovenstvo Konstytutsii Ukrainy // Naukovi zapysky NaUKMA. 2007. Tom 64. Yurydychni nauky. S. 76-78].

14. Паломбелла Д. Верховенство права за рамками государства: неудачи, ожидаемые достижения и теория // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2 (75). С. 70-85. [Palombella D. Verkhovstvo prava za ramkami gosudarstva: neudachi, ozhidaemye dostizheniya i teoriya // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2010. № 2 (75). S. 70-85].

15. Скоморохова А. Н. Правоприменение: понятие, виды, стадии / А. Н. Скоморохова // Философия права и права человека : сборник научных статей. - Екатеринбург : Макс-Инфо, 2015. С. 94-96. [Skomorokhova A. N. Pravoprimerenie: ponyatie, vidy, stadii / A. N. Skomorokhova // Filosofiya prava i prava cheloveka : sbornik nauchnykh statej. Ekaterinburg: Maks-Info, 2015. S. 94-96].

16. Сулейменов М.К. Роль С. С. Алексеева и Н. А. Шайкенова в формировании казахстанской и российской правовых систем [Sulejmenov M.K. Rol' S. S. Alekseeva i N. A. Shajkenova v formirovanii kazakhstanskoj i rossijskoj pravovykh sistem]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38535802&searchId=&pos=6;-114#pos=6;-114 (27.11.24).

17. Тропер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53). С. 171-181. [Troper M. Problema tolkovaniya i teoriya verkhovenstva konstitucii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2005. № 4 (53). S. 171-181].

18. Чехович Т.В. Отдельные аспекты содержания принципа верховенства Конституции Республики Казахстан // Zanger. 2024. № 4. С. 22-24 [Chekhovych T.V. Otdel'nye aspekty sodержaniya principa verkhovenstva Konstitucii Respubliki Kazakhstan // Zanger. 2024. № 4. S. 22-24].

19. Юзьков Л. П. Верховенство Конституції і конституційність законів // Правова система України: теорія і практика. Тези доповідей і наукових повідомлень науково-практичної конференції. Київ, 7–8 жовтня 1993 року. К., 1993. С. 17-18 [Yuzkov L. P. Verkhovstvo Konstytutsii i konstytutsiinist zakoniv // Pravova systema Ukrainy: teoriia i praktyka. Tezy dopovidei i naukovykh povidomlen naukovo-praktychnoi konferentsii. Kyiv, 7–8 zhovtnia 1993 roku. K., 1993. S. 17-18].

Для цитирования и библиографии: Chekhovych T. V. Constitution's Supremacy Principle and Its Certain Characteristics // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 46-54. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_46

ИНСТИТУТ РОТАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

А.А. ОРАЗБАЕВА,

к.ю.н., профессор Департамента публичного права Высшей школы права Maqsut Narikbayev University
(г. Астана, Республика Казахстан).
e-mail: a_orazbayeva@kazguu.kz

Актуальность исследования заключается в том, что в условиях современных вызовов, повышенного внимания общества и усиления требований к эффективности государственного управления, увеличивается потребность в высококвалифицированных и адаптивных кадрах на государственной службе. Институт ротации государственных служащих, позволяющий развивать широкий спектр компетенций и управленческих навыков, является важным инструментом для роста профессионализма и мобильности госслужащих. *Предметом исследования* является институт ротации государственных служащих как инструмента совершенствования их профессионального потенциала. Исследование фокусируется на изучении казахстанской и германской практик ротации, ее влиянии на развитие кадрового потенциала и эффективности государственного управления, а также выявлении специфики законодательных и организационных подходов. *Цель исследования* – выявление сравнительно-правовых аспектов применения института ротации государственных служащих.

Ключевые слова: государственный служащий, государственное управление, ротация, управленческие компетенции, профессионализм государственной службы, противодействие коррупции, Республика Казахстан, ФРГ, Германия, нормативные правовые акты.

Введение

Процесс ротации государственных служащих Казахстана регулируется статьей 41 Закона Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» [1] и Указом Президента Республики Казахстан №152, которым утверждены правила и сроки проведения ротации, категории и должности государственных служащих, подлежащих ротации [2]. Действующие нормы показывают, что институт ротации государственных служащих является одним из ключевых практических инструментов, который направлен на повышение эффективности и профессионализма государственной службы. Как и любой регламентированный процесс на госслужбе, ротация имеет основную цель – обеспечить эффективное использование профессионального потенциала служащих при прохождении ими государственной службы.

Институт ротации подразумевает определенную периодичность должностных перемещений политических и административных государственных служащих внутри государственного аппарата или между иными государственными органами с целью расширения профессиональных знаний и опыта служащих, улучшения их компетенций, а также повышения качества управления. В последнее десятилетие ротация стала важной составляющей государственной политики не только в Казахстане, но и в ряде других стран. Как пишет П.Н. Кобец, изучая организацию ротации кадров за рубежом, опыт проведения ротации государственных служащих в Германии оценивается отечественными исследователями как наиболее удачный [3, с. 42]. В данном контексте важно рассмотреть

сравнительно-правовые аспекты института ротации, выявить его роль в профессиональном развитии госслужащих и оценить действующие практики на основе национального и международного опыта.

Материалы и методы

Для подготовки данной статьи были использованы нормативные правовые акты Республики Казахстан и Федеративной Республики Германии, научные публикации в области государственного управления, а также данные Обзора Организации Объединенных Наций и Институционального обзора современной государственной службы. Методологической основой научной статьи являются формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Основные положения

В статье 41 Закона РК «О государственной службе РК» даны два определения понятию ротации [1], каждое из которых имеет общую основу и предполагает должностные перемещения на вакантные или временно вакантные государственные должности либо между государственными служащими. Определение понятия и порядок проведения данного процесса основано на классификации государственных должностей государственных служащих на политические и административные корпусов «А», «Б» [4]. Следует отметить, что институт ротации политических государственных служащих введен с 1 января 2021 года [5]. В это же время была введена новая схема ротации - межрегиональная – «регион – регион», представляющая собой должностное перемещение руководителей управлений местных исполнительных органов (до 2021 года ротационный процесс реализовывался только в пределах одного акимата). Соответственно, чтобы не допустить «командного перемещения» в акиматах данную ротацию координирует уполномоченный орган в лице Агентства РК по делам государственной службы. В целом, ротация проводится по одной из следующих схем: 1) межуровневая («центр – регион», «регион – центр»); 2) межрегиональная («регион – регион»); 3) межсекторальная («центр – центр»); 4) внутрирегиональная (в пределах региона).

Учитывая действующий механизм института ротации, важно заметить, что ротация государственных служащих, как способ борьбы с коррупцией признана на международном уровне, тем самым международно-правовые документы еще больше расширяют цели применения ротации. К примеру, в Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 года предусмотрена возможность использования ротации в отношении служащих, деятельность которых подвержена коррупционным рискам. Аналогичный метод ротации используется в Германии в отношении тех служащих, деятельность которых подвержена особому риску коррупции [6]. В данном контексте подчеркивается значимость института ротации, поэтому логичным считаем обозначить все цели ротации: повышение эффективности деятельности государственных органов, развитие административно-территориальных единиц; профилактика коррупционных правонарушений; эффективное использование профессионального потенциала и управленческого опыта государственных служащих; профессиональное развитие и совершенствование управленческих компетенций государственных служащих [2].

Относительно новой нормой представляется и введение добровольной ротации административных госслужащих корпуса «Б», которая предусматривает профессиональное развитие служащих исполнительского звена и приобретения ими новых компетенций. Стоит отметить, что данная форма ротации применима в отношении служащих, корпуса «Б», не менее четырех последних лет занимающих руководящие должности, в том числе работающими в разных государственных органах. Кроме того, из перечня государственных должностей корпуса «Б», между которыми допускается проведение ротации по взаимному согласию государственных служащих исключен ряд руководящих должностей [7]. Однозначным условием для запуска данного процесса считается взаимное согласие служащих и соответствующих уполномоченных лиц. Вместе с тем, право отказа от ротации предоставлено служащим, которым осталось три и менее лет до достижения пенсионного возраста.

Основой деятельности государственных служащих в Германии является Федеральный закон о чиновнике (ФЗоЧ) в редакции 1971 года. По этому закону чиновниками считаются следующие лица: чиновники государственного аппарата, судьи, преподаватели школ и высших учебных заведений, военнослужащие, работники почты, железнодорожной службы, государственных банков. Табель о рангах предусматривает 16 групп чиновников: А1-А5 – низшие чины (вспомогательно-технические); А6-А9 – средние чины (правительственные секретари, обер-секретари, гаупт- секретари); А10-А13 – высшие чины 1 ступени (правительственные инспекторы, регирунгс-атаманы); А14-А16 – высшие чины 2 ступени (высшие правительственные советники). Особую группу составляют политические и почетные чиновники. Политические чиновники – это наиболее близкие сотрудники к политической программе правительства или отдельного чиновника, они приходят и уходят с поста вместе с правительством. Почетные чиновники – это лица, имеющие гражданскую профессию, которых назначают на почетную должность без оплаты и права претендовать на особое социальное обеспечение. К ним относятся присяжные, выборные консулы [8, с. 115].

Как было отмечено выше, опыт проведения ротации государственных служащих в Германии наиболее успешный. Исследование действующих законодательных норм относительно регулирования процесса ротации показывает, что Федеральный закон о чиновнике не содержит определения ротации как таковой.

Вместе с тем, институт ротации достаточно широко используется в текстах научных статей и других исследований вопросов публичной (государственной) службы. Считаем, что основанием для оперирования данным термином выступает его закрепление во многих немецких подзаконных актах федерального правительства и земель.

По мнению Мурашкиной А.С. термином «ротация» охватывается весь спектр возможных передвижений работника (служащего) на протяжении их трудовой (служебной) деятельности с любыми целями. Автором приводятся примеры правовых инструментов из закона ФРГ «О статусе федеральных государственных служащих» (*Bundesbeamtengesetz*), в котором предусмотрены три основные правовые формы ротации, а именно *Abordnung*, *Versetzung* и *Zuweisung* (параграфы 27 – 29) [9, с. 86].

Отмечается немецкое исследование под названием «*Personalrotation in der Praxis: Konzepte – Konflikte – Konsequenzen*» («Ротация на практике»), где предложено выделять национальную и межнациональную ротацию, внешнюю и внутреннюю вертикальную ротацию. Так, внешняя вертикальная ротация осуществляется как в рамках одного управленческого уровня, так и со сменой управленческого уровня. Такая ротация осуществляется в частных предприятиях, в научных учреждениях, а также в международных или наднациональные (т.е. созданные в рамках Европейского Союза) организации. В свою очередь, внутренняя вертикальная ротация может осуществляться на выше- или нижестоящие должности [там же, с. 87].

Анализируя действующие немецкие нормативные акты и классификацию должностей, кроме наемных работников и сотрудников, где ротация производится крайне редко, можно прийти к выводу, что суть и основная цель ротационного процесса заключаются в предотвращении коррупции на должностях, которые более подвержены коррупционным рискам.

Так, немецкие исследователи института ротации признают ротацию на гражданской службе весьма эффективным антикоррупционным механизмом, что подтверждается регулятивными нормами немецкого служебного права, закрепленными, в частности, в Директиве Федерального правительства Германии о предотвращении коррупции в федеральной администрации от 30.07.2004, а также в рекомендациях по ее применению [9, с. 88].

В Директиве по предупреждению коррупции в федеральной администрации (ДПК) обозначены ключевые компоненты стратегии федеральной администрации в области предупреждения коррупции и которая требует, в частности, от каждого федерального административного органа и других органов разработать эффективные внутренние меры по предупреждению коррупции и назначить соответствующего координатора. Кроме того, в 1995 году была принята Антикоррупционная стратегия Постоянной конференции министров внутренних дел федеральных земель (КМВД), закрепляющая основные направления усилий по предупреждению коррупции на уровне федеральных земель. Согласно требованиям ДПК, при ротации лиц, занимающих должности,

уязвимые с точки зрения коррупции, должны использоваться специально оговоренные процедуры [10, с. 3]. Так, на основании пункта 4.2 Директивы о предотвращении коррупции срок замещения должности не должен превышать пяти лет. В то же время срок службы служащего, замещающего должность с высоким уровнем коррупциогенности, в Германии может быть продлен. В Германии «Концепция предупреждения и борьбы с коррупцией» 1999 года, к слову, привела к укреплению или созданию большого количества самых разнообразных антикоррупционных органов [11].

Несмотря на регулятивные нормы, определяющие ротацию как инструмент противодействия коррупции на определенных должностях, стоит заявить и иные цели ротации. Важную роль ротация играет в повышении уровня и качества деятельности не только государственного органа, где выполняются должностные полномочия самим служащим, но всего государственного аппарата.

Существуют мнения немецких исследователей касательно задач реализации института ротации, согласно которым, во-первых, ротация способствует обучению без отрыва от работы, расширению профессионального горизонта и повышению шансов подняться по карьерной лестнице, во-вторых, ротация содействует личностному развитию, проявлению креативных кадров, расширение кругозора [9, с. 91].

Специфика федеративного устройства Германии подразумевает, что механизм ротации действует на земельном и федеративном уровнях, то есть ротация используется во всех федеральных землях, но с учетом определенных особенностей порядка ее проведения. Поэтому говорить о единообразном подходе и регулировании ротации на уровне земель говорить не приходится.

Обсуждение

В Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024 – 2029 годы выделен отдельный пункт 5 раздела, по которому планируется проработка вопроса расширения круга должностей, подлежащих ротации, в целях эффективного использования потенциала государственных служащих и профилактики коррупционных правонарушений [6].

Отметим, что институт ротации не является новым на государственной службе, функционирует с момента принятия специального закона. Вместе с тем, механизма ротации требует совершенствования, исходя из обозначенных выше целей ротации. Определенные мероприятия в виде внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты уже выполнены и реализуются.

В Законе РК «О государственной службе» упоминается, что государственный служащий может занять должность в порядке перевода, но сам порядок перевода регулируется подзаконным актом. Пожалуй, это один из процессов на государственной службе, дефиниция которого изложена в наименовании самого акта «Правила занятия вакантных или временно вакантных административных государственных должностей корпуса «Б» без проведения конкурса». На основании положений утвержденных правил перевод может осуществляться следующим образом:

1) на административные государственные должности корпуса «Б» Администрации Президента РК, аппаратов палат Парламента и Правительства РК, а также из данных государственных органов в другие госорганы;

1-1) с политической госдолжности Администрации Президента РК, аппаратов палат Парламента и Правительства РК на административные государственные должности корпуса «Б» по согласованию с уполномоченным органом по делам государственной службы;

2) внутри государственных органов, указанных в подпункте 1);

3) внутри государственного органа на должность одной категории;

4) внутри государственного органа на должность вышестоящей категории при условии, что государственный служащий занимал должности следующей нижестоящей категории не менее двух последних лет в данном государственном органе;

5) внутри государственного органа на должность следующей вышестоящей категории при получении служащим корпуса «Б» в течение четырех кварталов подряд результатов оценки деятельности со значением «выполняет функциональные обязанности эффективно» [12].

Данный процесс осуществляется с применением ряда условий, направленных на повышение эффективности управления и обеспечение качественного кадрового состава.

В контексте данной статьи стоит рассмотреть еще одно определение, как прикомандирование, под которым понимается занятие государственными служащими государственных должностей в других государственных органах, заграничных учреждениях Республики Казахстан и иных организациях с сохранением прежнего места работы (государственной должности) в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан [1]. По сути, занятие государственной должности в другом государственном органе напоминает процесс должностного перемещения, но при рассмотрении порядка, сроков и условий прикомандирования, складывается понимание, что общего признака, объединяющего с ротацией и переводом не имеется. Во-первых, цель - выполнение задач, поставленных перед государственными органами; во-вторых, условия: за прикомандированными государственными служащими сохраняются прежнее место работы (государственная должность), а также права, гарантии, льготы, компенсации, надбавки, выплаты, пенсионное обеспечение и социальная защита. При прикомандировании государственного служащего к организациям заработная плата и иные выплаты, осуществляются за счет средств направляющего государственного органа и исчисляются исходя из должностных окладов по последней должности в направляющем государственном органе. В-третьих, срок прикомандирования государственного служащего к государственным органам, организациям не должен превышать трех лет. Указанный срок может быть продлен направляющим государственным органом не более чем на один год при согласии принимающего государственного органа или организации, а также прикомандированного государственного служащего [13].

Применяемые в Германии правовые инструменты ротации: *Abordnung*, *Versetzung* и *Zuweisung*, в переводе означающие откомандирование, перевод и назначение схожи, на первый взгляд, с ротацией, переводом и прикомандированием. Вместе с тем, в Казахстане данные институты существенно различаются между собой, имея каждый самостоятельный правовой и организационный подходы. При этом взаимно поддерживают друг друга, что способствует созданию более гибкой и эффективной системы, несмотря на различия в их функционировании, создавая эффективную и подотчетную систему, способную адекватно реагировать на изменения в управленческом процессе и обеспечивать качественное и справедливое управление на всех уровнях. Такой подход позволяет компенсировать возможные недостатки, обеспечивая комплексное и сбалансированное решение различных общественных и правовых задач.

Несмотря на положительные стороны при реализации института ротации можно определить и несколько неблагоприятных проявлений: во-первых, периодичность смены должностей может привести к утрате накопленных знаний и опыта в определенной области, что может снизить эффективность работы государственного служащего. Немаловажно учесть возможные трудности с профессиональной адаптацией служащего, в том числе при переезде в другой населенный пункт, что тоже является риском снижения мотивации сотрудника, потери им интереса и, как следствие, увольнение с занимаемой государственной должности; во-вторых, возможное нарушение преемственности работы, особенно это ощутимо в важных долгосрочных проектах, что может повлиять на стабильность и качество выполнения поставленных задач. В случае, если ротлируемый служащий не видит в ротации реальных перспектив для карьеры, это может вызвать недовольство, как с его стороны, так и со стороны его коллег.

Примечательно, что государственные служащие Германии, особенно занимающие высокие позиции в ведомственной иерархии должностей, являются специалистами широкого профиля, которые имеют опыт работы по различным направлениям и которые способны быстро справляться с новыми задачами. Опыт, полученный ими на ранее занимаемых должностях, позволяет таким служащим находить связи и закономерности между различными областями знаний. По этой причине зачастую в планы развития государственных служащих в качестве условия продвижения по карьерной лестнице (и повышения уровня вознаграждения) включается положение о необходимости замещения определенного количества должностей на предыдущем уровне [13, с. 92].

Заключение

Вышеизложенное дает основание утверждать, что институт ротации государственных служащих является важным инструментом повышения эффективности государственного управления и

развития профессионального потенциала служащих. Как показал сравнительно-правовой анализ, Казахстан и Германия используют различные подходы к ротации, что обусловлено историческими, культурными и организационными различиями в устройствах государственных служб этих стран. В Казахстане ротация направлена, прежде всего, на профилактику коррупции, повышение профессионализма и адаптивности служащих, а также улучшение качества государственного управления на всех уровнях.

Институт ротации позволяет не только повышать квалификацию государственных служащих, но и улучшать координацию и коммуникацию между различными государственными органами. Важным аспектом является также развитие управленческих навыков государственных служащих, способность принимать решения в условиях неопределенности.

Применение института ротации в Германии, несмотря на отсутствие четкой дефиниции в законодательных актах, эффективно используется для предотвращения коррупции и развития кадров. Немецкая модель ротации, включающая разнообразие форм перевода и назначения, как внешнюю, так и внутреннюю вертикальную ротацию, демонстрирует высокую гибкость и способствует обучению и карьере государственных служащих.

Для Германии характерно тесное взаимопроникновение и переплетение политической и административной сфер. Это нашло свое отражение и в законе о государственной службе, согласно которому чиновники имеют право участвовать в деятельности политических партий и добиваться парламентской карьеры [8, с. 115].

В Казахстане, несмотря на успешные шаги в правовом регулировании ротации, необходимо продолжать совершенствование этого механизма. Для повышения эффективности ротации следует учесть возможные риски, такие как утрата профессиональных знаний, трудности с адаптацией и возможное снижение мотивации служащих. Важно, чтобы ротация не нарушала преемственность работы и стабильность в долгосрочных проектах, что требует внимательного подхода к срокам и условиям проведения ротации.

Государственная служба во всем мире переживает увлекательный и, в то же время, сложный период перемен. Современное правительство зависит, в значительной степени, от эффективности работы уполномоченного органа в сфере государственной службы и самих государственных служащих. Государственная служба призвана служить обществу и напрямую влияет на качество жизни граждан [14, с. 3].

Таким образом, дальнейшее совершенствование института ротации в Казахстане, с учетом международного опыта и специфики национальных реалий, будет способствовать улучшению качества государственного управления и подготовке высококвалифицированных кадров, готовых эффективно работать в изменяющихся условиях.

А.А. Оразбаева, заң ғылымдарының кандидаты, Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебінің Жария құқық департаментінің профессоры (Астана, Қазақстан Республикасы): Мемлекеттік қызметшілердің кәсіби деңгейін арттыру құралы ретінде ротация институты: салыстырмалы-құқықтық аспектілер.

Зерттеудің өзектілігі қазіргі заманғы сын-қатерлер, қоғамның мемлекеттік басқару тиімділігіне деген назарын күшейтуі және талаптардың артуы жағдайында мемлекеттік қызметтегі жоғары білікті және бейімделгіш кадрларға деген сұраныстың артуымен түсіндіріледі. Мемлекеттік қызметшілердің кең ауқымды құзыреттері мен басқарушылық дағдыларын дамытуға мүмкіндік беретін ротация институты олардың кәсібилігі мен мобильділігін арттырудың маңызды құралы болып табылады. *Зерттеудің пәні* ретінде мемлекеттік қызметшілердің кәсіби әлеуетін жетілдіру құралы ретінде ротация институты қарастырылады. Зерттеу Қазақстан мен Германиядағы ротация тәжірибесін, оның кадрлық әлеуетті дамытуға және мемлекеттік басқарудың тиімділігіне әсерін, сондай-ақ заңнамалық және ұйымдастырушылық тәсілдердің ерекшеліктерін зерделеуге бағытталған. *Зерттеудің мақсаты* – мемлекеттік қызметшілердің ротация институтын қолданудың салыстырмалы-құқықтық аспектілерін анықтау.

Кілт сөздер: мемлекеттік қызметші, мемлекеттік басқару, ротация, басқарушылық құзыреттер, мемлекеттік қызметтің кәсібилігі, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл, Қазақстан Республикасы, ФРГ, Германия, нормативтік құқықтық актілер.

A.A. Orazbayeva, PhD in Law, Professor at the Department of Public Law, Higher School of Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan): The Institution of Rotation as a Tool for Enhancing the Professional Level of Civil Servants: Comparative Legal Aspects.

The relevance of the research lies in the fact that, under modern challenges, increased public scrutiny, and heightened demands for the efficiency of public administration, the need for highly qualified and adaptable personnel in the civil service is growing. The institution of civil servant rotation, which allows for the development of a broad range of competencies and managerial skills, is an important tool for enhancing professionalism and mobility among civil servants. The subject of the research is the institution of civil servant rotation as a tool for improving their professional potential. The study focuses on examining Kazakhstani and German practices of rotation, its impact on the development of human resources, the effectiveness of public administration, and identifying the specifics of legislative and organizational approaches. The aim of the research is to identify the comparative legal aspects of applying the institution of civil servant rotation.

Keywords: civil servant, public administration, rotation, managerial competencies, professionalism of the civil service, anti-corruption, Republic of Kazakhstan, FRG, Germany, normative legal acts.

Список литературы:

1. Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416>
2. Правила и сроки проведения ротации, категории и должности государственных служащих, подлежащих ротации, утвержденные Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000152>
3. Кобец П.Н. Международное опыт предупреждения и пресечения коррупции в государственном аппарате и возможности его использования в отечественной законодательной практике // Международное публичное и частное право. 2008. № 5. С. 42-46.
4. Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 150 «Об утверждении Реестра должностей политических и административных государственных служащих». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000150>
5. Указ Президента Республики Казахстан от 13 ноября 2020 года № 447 «О внесении изменений и дополнений в указы Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152 «О некоторых вопросах прохождения государственной службы» и от 22 июля 2019 года № 74 «О некоторых вопросах Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и Агентства Республики Казахстан по противодействию коррупции (Антикоррупционной службы)»». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000447>
6. Указ Президента Республики Казахстан от 17 июля 2024 года № 602 «Об утверждении Концепции развития государственной службы Республики Казахстан на 2024 – 2029 годы». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000602>
7. Указ Президента Республики Казахстан от 30 октября 2024 года № 687 «О внесении изменений и дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152 «О некоторых вопросах прохождения государственной службы»». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31939058&show_di=1
8. Муцалов С.И. Государственная служба в Германии// Международный научный журнал «Инновационная Наука». 2016. № 11-3. С. 115-117. URL: <file:///C:/Users/User/Desktop/gosudarstvennaya-sluzhba-v-germanii.pdf>
9. Мурашкина А.С. Институт ротации государственных гражданских служащих/ Дисс.на соиск. уч. степени к.ю.н. На правах рукописи. 2021. 249 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2021/1132/diss-Murashkina-1132.pdf>

10. Группа по обзору хода осуществления. Одиннадцатая сессия. Вена, 8–10 июня 2020 года. Пункт 4 предварительной повестки дня. Ход осуществления Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Резюме. General 15 January 2020. SAC/COSP/IRG/II/2/1/Add.14*/ URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v20/002/18/pdf/v2000218.pdf>

11. Рахметов С.М. Опыт по борьбе с коррупцией в некоторых странах Европы. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31153159&pos=6;-106#pos=6;-106

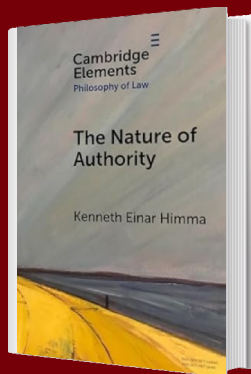
12. Правила занятия вакантных или временно вакантных административных государственных должностей корпуса «Б» в порядке перевода без проведения конкурса, утвержденные Указом Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 152. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000152>

13. Правила прикомандирования государственных служащих к государственным органам, международным и иным организациям, утвержденные постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 ноября 2017 года № 755. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000755#z117>

14. ACSH (2023). Институциональный обзор современной госслужбы: роль, функции, и глобальные тенденции. Астана: Астанинский хаб государственной службы. 68 с. URL: https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/

Для цитирования и библиографии: Оразбаева А.А. Институт ротации как инструмент повышения профессионального уровня государственных служащих: сравнительно-правовые аспекты // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 55-62. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_55

Материал поступил в редакцию 8.12.2025

НОВЫЕ КНИГИ

Kenneth Einar Himma. The Nature of Authority (Elements in Philosophy of Law) New Edition. Cambridge University Press, 2025. 76 p.

ISBN-10 1009255819

The Nature of Authority provides a comprehensive theory of the nature of authoritative guidance. It argues that the following claims exhaust the constitutive properties of authoritative tellings: authoritative tellings (1) tell subjects what to do; (2) give rise to reasons to comply; (3) are issued by personal beings and govern the behavior of personal beings; (4) are issued by rationally competent beings and govern the behavior of rationally competent beings; (5) are issued under a claim of right that counts as plausible in virtue of being grounded in a system to

which subjects acquiesce as governing their behavior; (6) are issued by beings with the power to impose their will on subjects with respect to what they do; (7) create obligations to comply; and (8) are backed by a threat of detriment that is reasonably contrived to deter enough noncompliance to enable the system to minimally achieve its ends.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ БАЛА ҚҰҚЫҚТАРЫ ЖӨНІНДЕГІ УӘКІЛ: ҚҰҚЫҚТЫҚ ШЫНАЙЫЛЫҚ, СЫН-ҚАТЕРЛЕР ЖӘНЕ ДАМУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Д.Д. АБДУАЗИМОВА,

«Халықаралық құқық» мамандығының магистранты Maqsut Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы)

E-mail: d_abduazimova@kazguu.kz

Бұл мақала Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкілдің рөлі мен қызметіне бағытталған зерттеу болып табылады. Онда бала құқықтары жөніндегі омбудсменнің құқықтық мәртебесі талданып, уәкілдер тап болатын негізгі сын-қатерлер анықталады және осы институттың даму перспективалары ұсынылады. Автор уәкілдердің қызметіндегі оң тұстарды да, назар аударуды қажет ететін мәселелерді де айқындайды. Бұл мақала мүдделі тараптардың кең ауқымы үшін қызықты болып табылады және Қазақстандағы бала құқықтарын қорғау жүйесін түсіну мен жетілдіруге маңызды үлес қосады.

Зерттеу пәні – Қазақстандағы бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтының құқықтық негіздері мен қызмет ету тетіктері.

Зерттеудің мақсаты – Омбудсмен институтының тиімділігін арттыру үшін оның құқықтық мәртебесін талдау және жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу. Зерттеу барысында жүйелік-құқықтық талдау, салыстырмалы құқықтық зерттеу әдістері және халықаралық тәжірибені сараптау қолданылды.

Негізгі жаңалығы – Норвегия тәжірибесін ескере отырып, Қазақстанда омбудсмен институтын халықаралық стандарттарға сәйкестендіру қажеттігін негіздеу. Қазақстандағы омбудсмен институты құқықтық және институционалдық сын-қатерлер тап болуда, сондықтан оның тәуелсіздігін күшейту және заңнамалық өкілеттіктерін кеңейту ұсынылады. Бұл шаралар балалардың құқықтарын қорғау жүйесінің тиімділігін арттыруға және оны халықаралық стандарттарға сәйкестендіруге ықпал етеді.

Қорытындылар: Қазақстандағы Бала құқықтары жөніндегі Уәкіл институты Тәуелсіздік пен шектеулі өкілеттіктерді қоса алғанда, құқықтық және институционалдық сын-қатерлерге тап болады. Оның тиімділігін арттыру үшін автономияны нығайту, заңнамалық мүмкіндіктерді кеңейту және халықаралық тәжірибені енгізу қажет.

Түйінді сөздер: бала құқықтары жөніндегі омбудсмен, заңнама, сын-тегеуріндер, даму перспективалары.

Кіріспе

Бала құқықтары жөніндегі уәкіл институты балалардың құқықтарын қорғауда маңызды рөл атқарады. Халықаралық тәжірибеде омбудсмендер тәуелсіз мониторинг жүргізіп, құқық қорғау тетіктерінің тиімділігін арттыруға ықпал етеді. Олардың қызметі ұлттық заңдармен қатар Париж қағидаттары сияқты халықаралық стандарттармен реттеледі. Қазақстанда бұл институт 2016 жылы «Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары туралы» заңға өзгерістер енгізу арқылы құрылды. Алайда, оны реттейтін нормативтік-құқықтық база әлі де жетілдіруді қажет етеді.

Қазіргі уақытта Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл бірнеше негізгі мәселелермен бетпе-бет келуде. Бұл – шектеулі өкілеттіктер, институционалдық тәуелсіздіктің болмауы және қаржыландырудың жеткіліксіздігі. Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, омбудсменнің тиімді қызмет етуі үшін оның құқықтық мәртебесі нақты айқындалып, қаржылық және әкімшілік дербестігі қамтамасыз етілуі тиіс. Қазақстанда бұл механизмдер толық дамымаған, бұл өз кезегінде уәкілдің мандатын іске асыруда қиындықтар туғызады.

Шетелдік тәжірибені, әсіресе Норвегия моделін талдау, тәуелсіздік, кең өкілеттіктер және жеткілікті ресурстар балалар омбудсмендеріне өз міндеттерін тиімді атқаруға мүмкіндік беретінін көрсетеді. ENOC (The European Network of Ombudspersons for Children) балалардың құқықтарын қорғау саласындағы бірыңғай тәсілдерді әзірлейтін ұлттық институттарды біріктіреді. Алайда, Қазақстан әзірге институционалдық тиімділік тұрғысынан бұл деңгейге жете қойған жоқ. Бұл елдегі заңнаманы қайта қарауды және жаңа механизмдерді енгізуді талап етеді.

Осы зерттеу Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкілдің құқықтық мәртебесін талдауға, негізгі құқықтық сын-қатерлерді анықтауға және оларды еңсеру бойынша ұсынымдар әзірлеуге бағытталған. Жұмыста халықаралық тәжірибеге салыстырмалы талдау жүргізіліп, Қазақстандағы омбудсмен институтын жетілдіру шаралары ұсынылады.

Негізгі бөлім

Балалар омбудсменінің қызметінің тиімді нәтижелеріне қол жеткізу үшін ұлттық құқық қорғау органдарының тәуелсіздігін және тиімділігін қамтамасыз ететін халықаралық стандарттарды енгізу қажет. 1993 жылы БҰҰ Бас Ассамблеясы Париж қағидаттарын бекітті, олар ұлттық құқық қорғау органдарының (ҰҚҰ) мақсаттарын, құрылымын, мәртебесін және функцияларын анықтайды. Бұл қағидаттар автономдылықты, қаржылық тұрақтылықты және адам құқықтарын, соның ішінде бала құқықтарын қорғау жөніндегі кең мандатты қарастырады [5]. Алайда, Париж қағидаттарының кеңінен танылғанына қарамастан, оларды ұлттық заңнамаға енгізу біркелкі жүзеге асырылмай келеді. Мысалы, Қазақстанда Бала құқықтары жөніндегі уәкілдің өкілеттіктері шектеулі және ол халықаралық талаптарға толық сәйкес келмейді. Мемлекеттер Париж қағидаттарын орындамағаны үшін заңды жауапкершілікке тартылмайтындықтан, олардың ұлттық деңгейде міндетті түрде орындалуы төмен дәрежеде қалып отыр.

Халықаралық құқық аясында стандарттардың орындалуын бақылау және есептілік механизмдері әзірленген. Атап айтқанда, БҰҰ-ның Бала құқықтары жөніндегі комитеті Бала құқықтары туралы конвенцияның орындалуын жүйелі түрде бағалап, оған мүше мемлекеттерден балалардың құқықтарын қорғау саласында қол жеткізілген даму туралы тұрақты есептер ұсынуды талап етеді. Егер сәйкессіздіктер анықталса, комитет ұсынымдар шығарады және ұлттық құқық қорғау органдарымен қосымша консультациялар жүргізуі мүмкін.

Сонымен қатар, БҰҰ-ның Адам құқықтары жөніндегі кеңесінің Әмбебап кезеңдік шолуы мемлекеттердің халықаралық міндеттемелерді, соның ішінде Париж қағидаттары белгіленген стандарттарды қаншалықты сақтайтынын талдайды. Дегенмен, бұл стандарттардың заңды міндетті күші болмағандықтан, олардың орындалуы тиімділігі шектеулі болып отыр, өйткені БҰҰ ұсынымдары мемлекеттер үшін міндетті сипатқа ие емес.

ҚР балалар омбудсмені институтын құру қажеттілігі

Қазақстанда бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтын құру бала құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық міндеттемелерді орындаудың маңызды қадамы болды. БҰҰ-ның Бала құқықтары туралы конвенциясын ратификациялау арқылы Қазақстан өз ұлттық заңнамасын халықаралық стандарттарға сәйкес келтіруге және олардың орындалуын тиімді бақылауды қамтамасыз етуге міндеттенді. Алайда қабылданған шараларға қарамастан, елдегі бала құқықтарын қорғау жүйесі бірқатар институционалдық және құқықтық мәселелерге тап болып, қойылған мақсаттарға қол жеткізуді қиындатып отыр.

Қазіргі жағдайды талдау көрсеткендей, бұл саладағы негізгі қиындықтар қолданыстағы тетіктердің жеткіліксіз тиімділігімен байланысты, бұл халықаралық және ұлттық мониторингтік ұйымдардың деректерімен расталады.

Біріншіден, кәмелетке толмағандарға қатысты қылмыстардың жоғары деңгейі өзекті мәселелердің бірі болып қала береді. Соңғы жылдары Қазақстанда балалар омбудсменіне ең көп өтініштер саны қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысты болды (61 жағдай), бұл 2020 жылғы үрдіске сәйкес келеді, ал 2021 жылы басты назар қорғаншылық және қамқоршылық мәселелері бойынша сот талқылауларына аударылды [2, б. 8]. Олардың айтарлықтай бөлігі физикалық, психологиялық және сексуалдық зорлық-зомбылықпен байланысты, бұл қолданыстағы алдын алу және қорғау шараларының жеткіліксіздігін көрсетеді.

Екіншіден, жетім балалар мен ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларды қорғау тетіктері тиімсіз. Интернаттық мекемелер тәрбиеленушілерінің сапалы білім алуы мен медициналық қызметтерге қолжетімділігі шектеулі, бұл олардың табысты әлеуметтік бейімделу мүмкіндіктерін төмендетеді. Сонымен қатар, мемлекеттік балалар үйлерінің шамадан тыс жүктелуі мен қаржыландырудың жеткіліксіздігі кәметке толмағандардың құқықтарының бұзылуына әкелетін қосымша қауіптер тудырады [2, б. 20-22].

Үшіншіден, медициналық және білім беру қызметтеріне шектеулі қолжетімділік әсіресе Қазақстанның шалғай өңірлерінде айқын байқалады. Жүргізілген реформаларға қарамастан, педиатриялық және психиатриялық көмекті қоса алғанда, арнайы медициналық қызметтердің қолжетімділігіне қатысты кедергілер сақталуда. Білім беру саласында инклюзия мәселесі әлі күнге дейін толық шешімін тапқан жоқ, бұл ерекше қажеттіліктері бар балалардың білім беру қызметтеріне тең қолжетімділігін қиындатады [2, б. 30-32].

Сонымен қатар, балалар мен олардың ата-аналары арасындағы құқықтық сауаттылықтың төмендігі жағдайды одан әрі ушықтырады. Бала құқықтарын қорғау механизмдері туралы жеткілікті ақпараттың болмауы көптеген құқық бұзушылықтардың назардан тыс қалуына әкеледі, ал бұл саладағы әрекетсіздік жүйелі проблемалардың қайталануына ықпал етеді. Балалардың құқықтарын тиімді қорғау үшін қоғамды кеңінен тарту және кәметке толмағандар мен олардың заңды өкілдері арасында құқықтық ағарту жұмыстарын жүргізу қажет.

Халықаралық құқық қорғау ұйымдары бұл мәселелерге бірнеше рет назар аударып, Қазақстанға тәуелсіз ұлттық институт құру арқылы бала құқықтарын қорғау жүйесін күшейтуді ұсынды. Атап айтқанда, Қазақстанның «Балаларды қорғау» ҰЕҰ жұмыс тобы «Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл туралы» заң жобасының тұжырымдамалық негізінде кәметке толмағандардың құқықтарын қорғау саласындағы институционалдық бақылауды күшейту қажеттігін атап өтті.

БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі кеңесінің Әмбебап кезеңдік шолуының жұмысы мен БҰҰ-ның Бала құқықтары жөніндегі комитетінің 2003 және 2015 жылдардағы қорытынды ескертулерінде заңнаманы орындауды тиімді бақылайтын дербес құқық қорғау тетігін құру қажеттілігі баса көрсетілген [3, 4].

2. Балалар омбудсменінің қызметі туралы заңнаманы талдау

Аталған институттың құрылуына негіз болған ұсыныстардың нәтижесінде Қазақстан Республикасы Президентінің 2016 жылы Жарлығы қабылданып, елімізде Бала құқықтары жөніндегі уәкіл институты енгізілді. Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл институтын құқықтық реттеу кәметке толмағандардың құқықтарын қорғауды қамтамасыз етуде маңызды рөл атқарады. Алайда, заңнамада осы институттың орны айқындалғанымен, оның құқықтық мәртебесі мен өкілеттіктері шектеулі болып отыр. «Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары туралы» Заңның 7-1 және 7-2-баптарына жасалған талдау бала құқықтарын тиімді қорғау үшін заңнамалық базаны қайта қарау қажеттігін көрсетеді.

Негізгі мәселелердің бірі – уәкілдің мәртебесі. 7-1-бапқа сәйкес, Бала құқықтары жөніндегі уәкіл Қазақстан Республикасының Президенті тарапынан тағайындалады және өз қызметін қоғамдық негізде жүзеге асырады. Бұл уәкілдің мүмкіндіктерін айтарлықтай шектейді, өйткені мемлекеттік қызметші мәртебесінің болмауы және әкімшілік аппаратының жоқтығы оның қызметін саяси ықпалға және қаржылық ресурстарға тәуелді етеді. Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, көптеген елдерде омбудсменге баланың құқықтарын тиімді қорғауға мүмкіндік беретін заңнамалық өкілеттіктер беріледі, ал Қазақстанда бұл институт негізінен кеңес беру сипатында ғана қалып отыр.

Бұдан бөлек, омбудсмен шешімдерінің орындалу механизмінің болмауы тағы бір үкен мәселе болып табылады. «Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары туралы» Заңның 7-2-бабы бойынша омбудсмен азаматтардың шағымдарын қарауға, Үкіметке ұсыныстар енгізуге және мемлекеттік органдарға қол жеткізуге құқылы. Дегенмен, заң мемлекеттік органдарды омбудсменнің нұсқауларын орындауға міндеттейтін нормаларды қарастырмайды, бұл оның ұсыныстарын орындауды ерікті сипатта қалдырады. Шетелдік тәжірибе көрсеткендей, омбудсменнің шешімдері міндетті түрде орындалмаса, оның қызметінің тиімділігі айтарлықтай төмендейді. Мысалы, Швецияда және Финляндияда омбудсмен мемлекеттік органдарға нақты заңдық нұсқаулар бере алады, ал

Қазақстанда мұндай тетік жоқ. Сонымен қатар, омбудсменнің шешімдерін елемегені үшін ешқандай санкциялық механизм қарастырылмаған, бұл оның беделіне және құқық қорғау мүмкіндіктеріне нұқсан келтіреді.

Тағы бір маңызды мәселе – омбудсменнің заңнамалық бастамашылық құқығының шектелуі. Қазіргі таңда ол тек ұсыныстар мен ұсынымдар жасай алады, бірақ заңнаманы өзгерту бойынша ресми бастамашылық ету құқығына ие емес. Ал Швецияның бала құқықтары жөніндегі омбудсмені балалардың құқықтарын қорғау саласындағы заңдарға өзгерістер енгізуге бастамашылық жасай алады, бұл оның тиімділігін едәуір арттырады [2]. Қазақстанда бұл функция мемлекеттік органдардың құзыретінде қалып отыр, сондықтан омбудсмен құқықтық саясатты қалыптастыруға шектеулі әсер етеді.

Жоғарыда аталған мәселелерді ескере отырып, «Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары туралы» Заңның 7-1 және 7-2-баптарын қайта қарау қажет. Бұл бала құқықтары жөніндегі уәкілдің қызметін жетілдіру және оның тәуелсіздігін қамтамасыз ету үшін маңызды қадам болады. Осы мақсатта омбудсменнің құқықтық мәртебесін нақтылау, оның шешімдерінің міндетті түрде орындалуын қамтамасыз ету, сондай-ақ заңнамалық бастамашылық құқығын беру қажет. Бұл шаралар Қазақстандағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл институтын халықаралық стандарттарға сәйкестендіріп, оны шынайы құқық қорғау құралына айналдыруға мүмкіндік береді.

3. Бала құқықтары жөніндегі уәкіл институтының құқықтық қиындықтары

Қазақстан Республикасында бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтының дамуы әлі де қалыптасу кезеңінде тұр. Осы институттың тиімді қызмет атқаруы үшін оның құқықтық мәртебесін нақтылау, институционалдық тәуелсіздігін қамтамасыз ету және өкілеттіктерін кеңейту қажеттілігі туындап отыр. Қазақстанда омбудсмен қоғамдық негізде жұмыс істейді, ал бұл оның әкімшілік және қаржылық дербестігін әлсіретеді. Өкілеттіктердің нақты айқындалмауы мен уәкілдік институтының толыққанды құрылауы оның қызметінің тиімділігін төмендетуде.

Бірінші кезекте, уәкілдің заңдық мәртебесінің нақтыланбауы оның құқықтық негізінің әлсіз екенін көрсетеді. Париж қағидаттарына сәйкес, ұлттық құқық қорғау органдары толықтай тәуелсіз болуға тиіс. Қазақстанда бала құқықтары жөніндегі уәкілді Президент тағайындайды және қажет болған жағдайда оны қызметінен босата алады. Бұл механизм омбудсменнің тәуелсіздігіне күмән келтіріп, оны саяси ықпалға ұшыратуы мүмкін.

Екіншіден, уәкілдің әкімшілік және қаржылық дербестігі жеткіліксіз. Қазіргі таңда бала құқықтары жөніндегі омбудсменнің жеке бюджеті жоқ, оның аппараты толық қалыптаспаған, ал аймақтық өкілдіктері жетілдірілмеген. Мұндай жағдайда уәкілдің қызметі тиісті деңгейде орындалмайды, әсіресе, еліміздің шалғай аймақтарында балалардың құқықтарын қорғау бойынша жедел шаралар қабылдауда қиындықтар туындайды.

Үшіншіден, уәкілдің ұсынымдарының заңдық міндетті күші жоқ. Қолданыстағы заңнамаға сәйкес, ол мемлекеттік органдарға ұсыныстар енгізуге құқылы, алайда бұл ұсыныстардың орындалуын талап ету мүмкіндігі шектеулі. Нәтижесінде мемлекеттік органдар омбудсменнің ұсыныстарын елемеге немесе орындамауға құқылы болып қала береді. Халықаралық тәжірибе көрсеткендей, уәкілдің шешімдерін орындау міндетті болған жағдайда ғана оның қызметі тиімді болады.

Төртіншіден, аймақтық уәкілдер институтының әлсіздігі. Қазақстанда аймақтық омбудсмендер жергілікті атқарушы органдардың шешімімен тағайындалады, бұл олардың тәуелсіздігіне күмән келтіреді. Париж қағидаттары ұлттық құқық қорғау институттарын тағайындау және бақылау жүйесінің ашық әрі әділ болуын талап етеді. Алайда, Қазақстанда бұл механизм әлі де жетілдіруді қажет етеді.

Бұл мәселелерді шешу үшін Қазақстан Республикасының заңнамасын жетілдіру қажет. Бірінші қадам ретінде омбудсменнің мәртебесін конституциялық деңгейде бекіту ұсынылады. Бұл оған құқық қорғау саласындағы шешімдерге ықпал етуге және мемлекеттік органдардың міндетті түрде орындауға тиіс ұсынымдар енгізуге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, бала құқықтары жөніндегі уәкілдің қаржылық дербестігін қамтамасыз ету үшін оның жеке бюджеті қарастырылуы тиіс. Бұл уәкілдің әкімшілік ресурстарға қолжетімділігін арттырып, аймақтық өкілдіктердің жұмысын жақсартуға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, уәкілдің өкілеттіктерін кеңейту маңызды қадам болмақ. Бүгінгі таңда Қазақстанда омбудсмен заңнамалық бастама көтеруге құқылы емес, бұл оның қызметін шектейді.

Халықаралық тәжірибеде, әсіресе Финляндия мен Швецияда, бала құқықтары жөніндегі уәкілдер заң шығару процесіне тікелей қатыса алады және балалардың құқықтарын қорғауға бағытталған жаңа заңнамалық актілерді ұсынуға құқылы.

Осыған байланысты Қазақстанда да бала құқықтары жөніндегі уәкілдің құқықтық өкілеттігін күшейту арқылы оның мемлекеттік органдарға әсер ету мүмкіндігін арттыру қажет. Бұл халықаралық стандарттарға сай келетін және балалардың құқықтарын қорғауға бағытталған тиімді құқықтық механизмдердің бірі болмақ.

БҰҰ Адам құқықтары жөніндегі кеңесінің Әмбебап кезеңдік шолуындағы ұсыныстар және БҰҰ-ның Бала құқықтары жөніндегі комитетінің 2003 және 2015 жылдардағы қорытынды ескертулері Қазақстанда бала құқықтарын қорғау саласындағы дербес құқық қорғау тетігін жетілдіру қажеттілігін көрсетеді. Осыған байланысты, Қазақстанда бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтын күшейтуге бағытталған заңнамалық реформаларды жүзеге асырудың маңызы зор.

4. Норвегия тәжірибесі: халықаралық стандарттарды тиімді іске асыру үлгісі

Норвегия – бала құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық стандарттарды толығымен жүзеге асыратын елдердің бірі. Бұл үдерісте шешуші рөл атқарған маңызды қадамдардың бірі – 1981 жылы «Varneombudsloven» арнайы заңының қабылдануы, ол бала құқықтары жөніндегі омбудсменнің автономиясы мен тиімді қызмет атқаруын қамтамасыз ететін нақты құқықтық механизмдерді бекітті [6]. Норвегия – әлемде бірінші болып бала құқықтары жөніндегі омбудсмен лауазымын енгізген мемлекет, бұл оның институционалдық деңгейде бала құқықтарын қорғау қағидаттарына адалдығын көрсетеді [3].

Халықаралық стандарттарды табысты енгізудің негізгі факторларының бірі – омбудсменнің толық тәуелсіздігі. Норвегия заңнамасына сәйкес, ол шешімдерді қабылдау кезінде толық автономияға ие, бұл оған мемлекеттік органдар мен ұйымдардың қызметіне объективті баға беруге мүмкіндік береді. Сонымен қатар, омбудсмен әкімшілік әрекеттерді тергеп-тексеруге, сынға алуға және оларды қоғамға жария етуге құқылы, бұл жүйелік проблемаларды анықтауға және бала құқықтарын қорғау деңгейін арттыруға ықпал етеді. Мұндай ашықтық пен тәуелсіз сараптамалық бағалау мүмкіндігі бұл институтқа қоғам тарапынан жоғары сенім тудырады [3, б. 235].

Қаржылық тәуелсіздік те омбудсменнің тиімді қызмет етуінің маңызды факторы болып табылады. Норвегияда оның қызметі парламент бекітетін мемлекеттік бюджеттегі жеке бап арқылы қаржыландырылады. Мысалы, 2023 жылы балалардың құқықтары бойынша электрондық оқыту бағдарламасын әзірлеуге 696 000 норвегиялық крон бөлінді. Сонымен қатар, балалар мен жастардың біздің қызметімізге қатысуына қатысты жоба үшін 38 000 крон кеңес беру қызметтеріне жұмсалды. Бұдан бөлек, 15 000 крон коммуникация саласындағы қызметтерді, атап айтқанда, беделді зерттеу жүргізуге жұмсалды [5].

Норвегиядағы балалар омбудсменін тағайындау үдерісі ресми түрде жоғары тәуелсіздікке ие болғанымен, оның күшті және даулы тұстары да бар. Омбудсмен Король мен Үкімет Кеңесінің шешімімен ашық конкурс негізінде тағайындалады, бұл рәсімнің ашықтығын қамтамасыз етіп, жабық саяси топтардың ықпалын болдырмайды. Алты жылдық мерзімнің қайталанбайтыны саяси қысым қаупін азайтады, бірақ сонымен бірге тиімді бастамаларды жалғастыру мүмкіндігін шектейді. Мемлекеттік органдардан тәуелсіздігіне қарамастан, соңғы шешім үкіметтің қолында, бұл процестің объективтілігіне әсер етуі мүмкін. Сонымен қатар, Норвегия тарихында омбудсменнің кәсіби құзыреттілігіне емес, медиялық танымалдылығына негізделіп тағайындалған жағдайлар болған. Осылайша, бұл механизм демократиялық стандарттарға сәйкес келсе де, қоғамдық бақылаудың болмауы және ықтимал саяси әсер ету мүмкіндігі тәуекел ретінде қала береді [3].

Омбудсменнің кең ауқымды заңнамалық құзыреті – Норвегия тәжірибесінің тағы бір маңызды артықшылығы. «Бала істері жөніндегі омбудсмен туралы» заңның 3-бабына сәйкес, омбудсмен үкіметтен бала жағдайын жақсарту үшін нақты шаралар қабылдауды талап ете алады. Бұл механизм омбудсменге құқық қорғау саласындағы проблемаларды тек тіркеп қана қоймай, сонымен қатар заңнаманы жетілдіру процесіне белсенді қатысуға мүмкіндік береді. Оның қызметінің айқын мысалдары – балаларды қорғау туралы заңға өзгерістер енгізу арқылы тәуекел тобындағы балалардың денсаулығын кешенді бағалау жүйесін құру және иммиграция туралы заңға балаларды қамауда

ұстауға тыйым салу жөніндегі түзетулер енгізу. 2021 жылы Норвегияның бала құқықтары жөніндегі омбудсмені балаларды қорғауға қатысты 30-дан астам заңнамалық өзгерістер ұсынды, оның 20-сы парламентте қаралып, қабылданды [3, 4].

Осылайша, Норвегиядағы бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтының моделі халықаралық стандарттарды тиімді енгізудің айқын мысалы болып табылады. Тәуелсіздік, тұрақты қаржыландыру, ашық тағайындау процесі және кең заңнамалық өкілеттіктер бұл институтқа тек бала құқықтарының сақталуын бақылап қана қоймай, сонымен қатар ұлттық саясатты қалыптастыруға белсенді қатысуға мүмкіндік береді. Бұл тәжірибе бала құқықтарын қорғау жүйесін халықаралық стандарттарға сәйкес жетілдіруге ұмтылған басқа елдер үшін пайдалы бола алады.

5. Қазақстандағы балалар омбудсмені институтының даму перспективалары

Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институты балалардың құқықтарын қорғау және олардың заңды мүдделерін қамтамасыз ету мақсатында құрылған салыстырмалы түрде жаңа құқық қорғау механизмі болып табылады. Алайда, оның қалыптасу кезеңінде бірқатар құқықтық және институционалдық қиындықтар анықталды, оларды жүйелі түрде шешу қажет. Осыған байланысты болашақта омбудсменнің құқықтық мәртебесін нығайтуға және оның тиімділігін арттыруға бағытталған заңнамалық бастамалар қабылданады деп күтілуде.

Негізгі реформалардың бірі бала құқықтары жөніндегі уәкілдің қызметін жан-жақты реттейтін жеке заң жобасын әзірлеу болуы тиіс. Уәкілдің құқықтық мәртебесі әлі де ашық күйінде қалып отырып және болашақта оған конституциялық-құқықтық мәртебе беру мәселесі қарастырылуы мүмкін. Қазақстан Республикасының Негізгі заңына тиісті норманы енгізу омбудсменге Конституциялық сотқа жүгіну құқығын беріп, бала құқықтарын қорғауды реттейтін заңнамалық актілердің конституциялылығын даулау мүмкіндігін қамтамасыз етеді. Мұндай практика қазіргі уақытта Польшада сәтті қолданылып келеді, онда бала құқықтары жөніндегі уәкілдің конституциялық мәртебесі оның өкілеттіктерін айтарлықтай кеңейтіп, елдің құқықтық жүйесіне ықпал ету мүмкіндігін арттырды.

Омбудсмен институтының шынайы тәуелсіздігін қамтамасыз ету үшін оның толық автономиясы мен қол сұғылмаушылығы кепілдендірілуі тиіс. Қазақстандағы «Балаларды қорғау» ҰЕҰ жұмыс тобы әзірлеген «Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл туралы» заң тұжырымдамасында бірнеше негізгі қағидаттар ұсынылған. Олардың қатарында: омбудсменді мемлекеттік органдар жүйесінен шығару, оған толық дербестік беру, қызметтік міндеттерін орындау кезінде қол сұғылмаушылық кепілдігін қамтамасыз ету, сондай-ақ республикалық бюджет есебінен тұрақты қаржыландыру бар. Бұл шаралар омбудсменді қажетті инфрақұрылыммен қамтамасыз етуге, оның ішінде қызметтік кеңселер, көлік және байланыс құралдарымен жабдықтауға мүмкіндік береді. Бұл ұсыныстар халықаралық құқық қорғау институттарының тәуелсіздігін қамтамасыз ету стандарттарына толық сәйкес келеді.

Балалар омбудсменін тағайындау процедурасына ерекше назар аудару қажет. Париж қағидаттары құқық қорғау органдарының ашық және тәуелсіз іріктеу механизмі арқылы тағайындалуын талап етеді. Осыған байланысты болашақ заң жобасында тағайындау процесі, оның ішінде үміткерлерге қойылатын талаптар, іріктеу рәсімі және лауазымнан босату негіздері егжей-тегжейлі жазылуы тиіс. Омбудсменді Мәжіліс депутаттарының көпшілік дауыспен бекіту моделі неғұрлым объективті және демократиялық әдіс бола алады. Бұл тәжірибе Норвегияда сәтті қолданылып келеді, онда омбудсменнің тәуелсіздігін нығайту мақсатында оны парламент мақұлдайды.

Бала құқықтары жөніндегі уәкіл институтын дамытудың тағы бір маңызды бағыты оның заңнамалық өкілеттіктерін кеңейту болып табылады. Қазіргі уақытта ол тек заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар енгізе алады, бірақ заңнамаға өзгерістер енгізуді талап ету құқығына ие емес. Омбудсменнің тиімділігін арттыру үшін оған заңнамалық бастамашылық құқығы берілуі тиіс, сондай-ақ үкіметтен балалардың жағдайын жақсартуға бағытталған нақты шараларды талап ету құзыреті қарастырылуы қажет. Оның негізгі функциялары БҰҰ-ның Бала құқықтары туралы конвенциясына сәйкестігін заңнамалық тұрғыдан бақылау, БҰҰ Бала құқықтары жөніндегі комитетінің қорытынды ұсынымдарын талдау, сондай-ақ балаларды қорғауға қатысты басқа да халықаралық құқықтық актілерді ескеріп, өзгерістер енгізуді ұсыну болуы тиіс.

Ұзақ мерзімді перспективада Қазақстан Республикасында бала құқықтары жөніндегі уәкіл институтының маңызы арта бермек, өйткені балалар ел халқының үштен бір бөлігін құрайды. Олардың құқықтары мен мүдделерінің сақталуын қадағалайтын тәуелсіз құқық қорғау органы демократиялық қоғамның ажырамас бөлігі болып табылады. Балаларға қатысты құқық бұзушылықтардың көбеюі бұл мәселенің маңыздылығын одан әрі арттырады. Қазақстан Республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкілдің 2022 жылғы есебінде балаларға қатысты қатыгездік көрсету, әлеуметтік кепілдіктерді бұзу және білім алуға қолжетімділіктің шектелуі бойынша өтініштер санының артқаны атап өтілген. Бұл көрсеткіштер қолданыстағы жүйені реформалау және бала құқықтарын қорғаудың құқықтық механизмдерін жетілдіру қажеттігін көрсетеді [2].

Осылайша, Қазақстандағы бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтын одан әрі дамыту үшін кешенді реформалар қажет. Жеке заңды қабылдау, конституциялық мәртебесін бекіту, толық тәуелсіздігін қамтамасыз ету, тағайындау рәсімінің ашықтығын арттыру және заңнамалық өкілеттіктерін кеңейту – бұл институттың тиімділігін арттыруға мүмкіндік беретін негізгі шаралар. Осы реформаларды жүзеге асыру ұлттық құқық қорғау тетіктерінің халықаралық стандарттарға сәйкестігін қамтамасыз етіп, балалардың құқықтарын қорғауды жаңа деңгейге көтереді.

Қорытынды

Қорыта келе, Қазақстан Республикасында бала құқықтары жөніндегі омбудсмен институтының қалыптасуы мен дамуы бірқатар құқықтық және институционалдық сын-қатерлермен қатар жүруде. Қолданыстағы заңнамалық база омбудсменнің қызметін толыққанды қамтамасыз етуге жеткіліксіз, бұл оның тәуелсіздігі, өкілеттігі және қаржыландыруына қатысты мәселелерді туындатады. Бала құқықтары жөніндегі омбудсменнің мәртебесін күшейту, оның шешімдерінің міндеттілігін қамтамасыз ету, аймақтық өкілдіктердің қызметін реттеу және заңнамалық бастамашылық құқығын беру – осы институттың тиімділігін арттырудың негізгі бағыттары болып табылады.

Халықаралық тәжірибе, әсіресе Норвегия моделі, балалардың құқықтарын қорғау жүйесін жетілдіруде тиімді тетіктерді ұсынады. Тәуелсіздік, тұрақты қаржыландыру, ашық тағайындау процесі және кең заңнамалық өкілеттіктер – Қазақстандағы омбудсмен институтын дамыту үшін маңызды факторлар.

Осыған байланысты, бала құқықтары жөніндегі уәкілдің құқықтық мәртебесін конституциялық деңгейде бекіту, оның қызметін қаржылық және әкімшілік жағынан нығайту, сондай-ақ мемлекеттік органдардың оның ұсыныстарын орындауын міндетті ету – алдағы реформалардың негізгі басымдықтары болуы тиіс. Бұл шаралар ұлттық құқық қорғау тетіктерінің халықаралық стандарттарға сәйкестігін қамтамасыз етіп, балалардың құқықтарын қорғауды жаңа сапалық деңгейге көтереді.

D.D. Abduazimova Master's student of the specialty International law Maqsut Narikbayev University (Republic of Kazakhstan, Astana): Commissioner for Children's Rights in the Republic of Kazakhstan: legal reality, challenges and development prospects.

This article presents a study focused on the role and activities of the Commissioner for Children's Rights in the Republic of Kazakhstan. It analyzes the legal status of the children's ombudsman, identifies key challenges faced by the institution, and suggests perspectives for its development. The author highlights both the positive aspects of the ombudsman's work and the issues requiring attention. This article is of interest to a wide range of stakeholders and makes an important contribution to understanding and improving the child rights protection system in Kazakhstan.

Research subject – legal foundations and operational mechanisms of the children's ombudsman institution in Kazakhstan.

Research objective – to analyze the legal status of the ombudsman and develop recommendations for its improvement to enhance institutional effectiveness. The study employs methods of systematic legal analysis, comparative law, and international expertise.

Scientific novelty – justification of the need to align the children's ombudsman institution in Kazakhstan with international standards, considering the experience of Norway. Given the legal and institutional challenges faced by this body, it is proposed to strengthen its independence and expand its legislative

powers. These measures will improve the effectiveness of the child rights protection system and bring it into compliance with international standards.

Conclusions: The institution of the Commissioner for Children’s Rights in Kazakhstan faces legal and institutional challenges, including insufficient independence and limited powers. To increase its effectiveness, it is necessary to consolidate autonomy, expand legislative capabilities and introduce international experience.

Keywords: children’s ombudsman, legislation, challenges, development perspectives.

Д.А. Абдуазимова магистрант специальности «Международное право» Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана): Уполномоченный по правам ребенка в Республике Казахстан: правовая реальность, вызовы и перспективы развития

Данная статья представляет собой исследование, посвященное роли и деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан. В ней анализируется правовой статус детского омбудсмена, выявляются основные вызовы, с которыми сталкиваются уполномоченные, и предлагаются перспективы развития данного института. Автор определяет как положительные аспекты в деятельности омбудсмена, так и проблемы, требующие внимания. Данная статья представляет интерес для широкого круга заинтересованных сторон и вносит важный вклад в понимание и совершенствование системы защиты прав детей в Казахстане.

Предмет исследования – правовые основы и механизмы функционирования института детского омбудсмена в Казахстане.

Цель исследования – анализ правового статуса омбудсмена и разработка предложений по его совершенствованию для повышения эффективности института. В исследовании использованы методы системно-правового анализа, сравнительного правоведения и международной экспертизы.

Научная новизна – обоснование необходимости приведения института омбудсмена в Казахстане в соответствие с международными стандартами с учетом опыта Норвегии. В связи с правовыми и институциональными трудностями, с которыми сталкивается данный институт, предлагается усиление его независимости и расширение законодательных полномочий. Эти меры позволят повысить эффективность системы защиты прав детей и привести ее в соответствие с международными стандартами.

Выводы: Институт Уполномоченного по правам ребенка в Казахстане сталкивается с правовыми и институциональными вызовами, включая недостаточную независимость и ограниченные полномочия. Для повышения его эффективности необходимы закрепление автономии, расширение законодательных возможностей и внедрение международного опыта.

Ключевые слова: детский омбудсмен, законодательство, вызовы, перспективы развития.

**Қолданылған әдебиеттер:
Нормативтік құқықтық актілер:**

1. Қазақстан Республикасындағы баланың құқықтары туралы. URL: https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z020000345_ (11.11.2024).
2. Конвенция о правах ребенка – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы. (n.d.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (09.12.2024).
3. Комитет по правам ребенка ООН. Заключительные замечания: Казахстан, 2003 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O0600000010> (09.12.2024).
4. Заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Казахстана. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O1500000003> (09.12.2024).
5. Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы] – Конвенции и соглашения – Декларации, конвенции, соглашения и другие правовые материалы. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (09.12.2024).
6. Lov om barneombud [barneombudsloven]. (1981, March 6). Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1981-03-06-5> (09.12.2024).

Ғылыми және оқу материалдары:

1. ОО «Қазақстанское Международное бюро по правам человека и соблюдению законности» Рабочая группа НПО Казахстана «По защите прав детей». Концепция проекта Закона Республики Казахстан «Об Уполномоченном по правам ребенка» .file:///C:/Users/User/Downloads/konzeptia-proekta-detskiy-ombudsman_compressed.pdf

2. Отчёт о деятельности за 2022 год Уполномоченного по правам ребёнка в Республике Казахстан // <https://aruzhansain.kz/wp-content/uploads/2023/03/otchet-upr-2022.pdf>

3. Koren, M. A Children's Ombudsman in Sweden // *Int'l J. Child. Rts.* 1995. Vol. 3. P.101

4. Melton, G. B. Lessons from Norway: The Children's Ombudsman as a Voice for Children // *Case W. Res. J. Int'l L.* 1991. Vol. 23. P. 197.

5. Thomas, N. (2011). The role and impact of independent children's rights institutions in the UK and Europe. *Journal of social welfare and family law*, 33(3), 279-288.

6. Shura, R., & Gran, B. (2022). The European Network of Ombudspersons for Children: Key Influences in Children's Rights Promotion. In *The Roles of Independent Children's Rights Institutions in Advancing Human Rights of Children* (Vol. 28, pp. 165-181). Emerald Publishing Limited.

Басқа ресурстар:

1. Årsrapport og årsrekneskap 2023. URL: <https://www.barneombudet.no/vart-arbeid/arsrapporter/arsrapport-2023> (08.01.2025).

2. Endringer i barnevernloven om tverrfaglig helsekartlegging av barn i barnevernet. URL: <https://www.barneombudet.no/vart-arbeid/hoyringssvar/endringer-i-barnevernloven-om-tverrfaglig-helsekartlegging-av-barn-i-barnevernet> (09.01.2025).

3. Notat til høring om endringer i utlendingsloven (tvangsmidler). URL: <https://www.barneombudet.no/vart-arbeid/innspill-til-stortinget/notat-til-horing-om-endringer-i-utlendingsloven-tvangsmidler> (08.01.2025).

4. Vi passer på barn og unges rettigheter. URL: <https://www.barneombudet.no/om-barneombudet> (08.01.2025).

Для цитирования и библиографии: Абдуазимова Д.Д. Қазақстан республикасындағы бала құқықтары жөніндегі уәкіл: құқықтық шынайылық, қиындықтар және даму перспективалары // *Право и государство*. № 1(106), 2025. – С. 63-71. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_63

Материал поступил в редакцию 13.01.2025

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д.Б. ТЕБАЕВ,

к.ю.н., Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан)
 e-mail: tebdidar@gmail.com

В статье автором рассмотрены выборы Президента Республики Казахстан (*далее – РК*) с момента учреждения поста и по настоящее время (выборы 1990, 1991, 1999, 2005, 2011, 2015, 2019 и 2022 гг.), а также результаты референдума по продлению его полномочий. Проанализированы некоторые правовые акты РК. Кроме этого, дана оценка решению Конституционного Совета РК. Помимо этого, высказаны замечания и рекомендации по институту выборов Президента РК. Автор поднимает вопрос об отсутствии опыта проведения очередных выборов Президента Республики Казахстан.

Целью работы является выявление проблем функционирования института выборов главы государства и выработка рекомендаций. Выборы Главы государства являются одним из важнейших институтов демократического государства. Для формирования стабильной политической системы требуется прогнозируемая электоральная политика государства. Проведение внеочередных выборов Президента, по всей видимости, решает вопрос временного характера, но не способствует формированию и стабильному функционированию института выборов главы государства.

Предметом исследования являются правовые акты Республики Казахстан, сформулированные в них правовые нормы и практика их реализации, программные документы. В ходе исследования использованы общенаучные методы и специальные методы юридической науки (формально-догматический, сравнительно-правовой методы, метод толкования).

Автор констатирует факт отсутствия практики очередных выборов Президента Республики Казахстан. С момента учреждения поста Президента Казахской Советской Социалистической Республики (*далее – КазССР*) и по настоящее время выборы проходили раньше положенного срока. Помимо этого, некоторые положения нормативного постановления Конституционного Совета РК носят неясный характер. Это вызывает определенные противоречия норм Конституции и других правовых актов. Анализ данных Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан показал, что за весь вышеуказанный избирательный период наблюдается в целом достаточно высокая явка избирателей. При этом, за первого Президента Республики в период 1990-2015 годы голосовало большее количество избирателей, результаты голосования за второго Президента Республики не столь внушительные (в целом, уровень поддержки избирателями достаточно высокий).

Ключевые слова: Президент Республики Казахстан, глава государства, выборы, Конституция, референдум.

Введение

В литературе посвящено большое количество научных трудов вопросам становления и развития конституционно-правового статуса главы государства. Значимыми являются работы О.Е. Кутафина, М.В. Баглая, О.О. Базиной, В.Е. Чиркина, коллективные монографии под редакцией А.М. Осавелюка и под редакцией А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной. Помимо этого, имеется ряд индивидуальных исследований, затрагивающих конституционно-правовой статус и институт президента

(Г.В. Дёгтева, Н.С. Ибраева, В.И. Кайнова, А.В. Нечкина, В.Н. Суворова и др.). обстоятельные исследования правового положения Президента Республики Казахстан проведены Б.А. Майлыбаевым, В.А. Малиновским и Б.А. Мухамеджановым. В то же время в работах многих авторов отсутствует ретроспективный анализ функционирования института выборов президента. Более того, подобный анализ по институту выборов главы государства весьма редко встречается в трудах казахстанских авторов. Актуальность формирования института очередных выборов главы государства обусловлена, в первую очередь, занимаемым положением Президента в системе органов государственной власти (конституционная реформа оказала существенное влияние на институт Президента Республики, однако Глава государства сохранил за собой ключевые полномочия в государственном управлении).

На современном этапе выборы являются одним из ключевых демократических институтов. Институт президентских выборов не является исключением. В Республике Казахстан институт выборов главы государства относительно новый. Это связано с введением указанного поста лишь в 90-е годы XX века. В настоящее время в Республике Казахстан сформирована нормативная правовая база и своя избирательная система, функционируют соответствующие государственные органы. В то же время, некоторые институты избирательной системы развиты в недостаточной степени, наблюдается нестабильность выборного законодательства.

Основная часть

После введения поста Президента Союза Советских Социалистических Республик 20 апреля 1990 года был учреждён пост Президента КазССР. Первый Президент КазССР был избран Верховным Советом (безальтернативные выборы, в законе было предписано об избрании первого Президента Казахской ССР «Верховным Советом Казахской ССР сроком на шесть лет» [1]). Согласно данным Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан (далее – ЦИК РК) за первого Президента Республики проголосовало 317 депутатов или 88,1% от общего числа депутатов, 18 депутатов проголосовали против [2].

Следующие выборы Президента Республики состоялись не через шесть лет, а уже менее чем через два года. Правовым основанием являлись Закон «О выборах Президента Казахской ССР» от 16 октября 1991 года №894-ХІІ и Постановление Верховного Совета КазССР «О назначении выборов Президента КазССР» от 16 октября 1991 года № 893а-ХІІ. В законе было указано, что Президент избирается гражданами Республики сроком на 5 лет. Претендент на высший пост Республики должен был соответствовать возрастным рамкам (от 35 лет до 65 лет), быть гражданином Республики, постоянно проживать на ее территории не менее 10 лет и владеть казахским и русским языками. Кандидаты в Президенты Республики могли выдвигаться не только общественными объединениями, включая политические партии и профсоюзы, но и коллективами различных организаций (в том числе коллективы учебных организаций), местными собраниями граждан, обладающих избирательным правом, а также депутатами Верховного Совета Республики.

Вторые президентские выборы были проведены 1 декабря 1991 года. По итогам которых повторно на безальтернативной основе (первый раз – в 1990 году) был избран первый Президент Республики, за него проголосовало 8 681 276 избирателей, что составило 98,78% голосов избирателей. При этом в голосовании приняло участие 88,23% (8 788 726 из 9 961 242) граждан Республики, имеющих право голоса. По информации ЦИК РК были другие претенденты, но не были зарегистрированы кандидатами в Президенты по разным причинам (один претендент взял самоотвод, второй не смог набрать нужное количество голосов для выдвижения в кандидаты Президента Республики (необходимо было собрать не менее 100 тысяч голосов) [2]). Примечательно, что в день принесения присяги избранного Президента Верховный Совет Республики принял решение переименовать КазССР в Республику Казахстан [3]. Поэтому избранный Глава государства вступил в должность как Президент Республики Казахстан (избирался на пост Президент КазССР). По всей видимости это было связано с событиями 8 декабря 1991 года (подписание так называемых Беловежских соглашений).

После распада СССР Верховным Советом Республики 28 января 1993 года была принята первая Конституция РК. Согласно Конституции РК, был принят Кодекс «О выборах в Республи-

ке Казахстан». По первой Конституции РК и вышеуказанному кодексу Президент был обязан в совершенстве владеть государственным языком, «а также не иметь духовного звания и не являться служителем какого-либо культа» [4]. Помимо этого, была предусмотрена возможность самовыдвижения на пост главы государства.

Одновременно с этим, указанные правовые акты не нашли свою практическую реализацию в силу политических событий в этот период. Так, с 1993 по 1995 годы в Республике произошла череда политических кризисов. В декабре 1993 года было принято решение о роспуске высшего законодательного органа РК [5] и Президент был наделен правом принимать акты, имеющие силу закона [6], в марте 1995 году после выборов Верховный Совет РК был распущен в очередной раз.

В марте 1995 года Президент издал Указ, имеющий силу Конституционного закона «О республиканском референдуме» [7]. На основании этого Указа в соответствии с пунктом 7 статьи 78 Конституции РК 1993 года и статьи 3 Закона Республики Казахстан «О временном делегировании Президенту РК и главам местных администраций дополнительных полномочий» было принято решение о проведении первого республиканского референдума о продлении полномочий Президента еще более чем на 5 лет (до 1 декабря 2000 года) [8]. В первом в истории Республики Казахстан референдуме приняло участие 91,21% (8 309 637 из 9 110 156) избирателей, из которых 95,46% (7 932 834) проголосовало за продление полномочий первого Президента Республики Казахстан [2].

В этот же год был проведен второй в истории современного Казахстана республиканский референдум, по итогам которого принята вторая и ныне действующая Конституция РК. В голосовании участвовало 90,58% (8 091 715 из 8 933 516) граждан, обладающих избирательным правом. За принятие новой Конституции проголосовало 89,14% (7 212 773) избирателей [2]. В действующую Конституцию РК в части выборов главы государства были внесены некоторые новшества (по сравнению с предыдущими правовыми актами). Например, порядок выборов определяется конституционным законом, был увеличен ценз оседлости (не менее 15 лет проживать в Казахстане). Из-за отсутствия высшего законодательного органа РК Президентом были изданы ряд указов, имеющих силу конституционного закона (например, «О Президенте», «О выборах в Республике Казахстан»), которые стали основой выборного законодательства в отношении высшей должности РК.

Очередные внеочередные и третьи по счету президентские выборы прошли в 1999 году. Перед проведением внеочередных выборов Президента в 1998 году в Конституцию РК были внесены первые изменения и дополнения, которые в том числе затрагивали вопросы президентских выборов. Например, был изменен возрастной ценз (исключен верхний возрастной ценз, а нижний был поднят («не моложе сорока лет»)), увеличен срок пребывания в должности (с 5 до 7 лет), исключен пункт 4 статьи 41 Конституции о внеочередных выборах. Кроме того, в выборном законодательстве был исключен пункт «не иметь не погашенной в установленном законом порядке судимости» [9].

На выборы 1999 года были выдвинуты уже 8 кандидатов в Президенты, в то же время кандидатами в Президенты ЦИКом РК было зарегистрировано 4 претендента. В голосовании приняло участие 87% (7 328 970 из 8 419 283) граждан, обладающих правом голоса. По итогам голосования с большим преимуществом победил первый Президент РК, за которого проголосовало более 79,78% (5 846 817) избирателей. У других кандидатов в Президенты были следующие результаты: второе место – 11,7% (857 386); третье место – 4,61% (337 794); четвертое место – 0,76% (55 708) [2].

В 2004 году в законодательстве о выборах Главы государства был исключен пункт «не являться служителем какого-либо культа» [10].

В 2005 году Конституционный Совет Республики вынес Постановление, по которому «Дата выборов является приоритетной по отношению ко всем иным датам, связанным с выборным процессом, в том числе и вступлением Президента Республики в должность» [11], и определил провести президентские выборы в декабре 2005 года. В то же время де-факто это были внеочередные выборы Президента, так как по Конституции Президент избирался на семь лет. В декабре 2005 года президентский срок не насчитывал семилетнего порога (предыдущие выборы прошли в 1999 году). Однако Конституционный Совет Республики пошел по иному пути.

Уже в сентября 2005 года Президент издал указ [12], в котором были даны поручения по надлежащему проведению выборов Президента. Согласно Конституции РК, в сентябре 2005 было также вынесено Постановление Мажилиса Парламента РК, в котором датой проведения выборов Прези-

дента объявлялось 4 декабря 2005 года [13]. По итогам всех процедур ЦИК РК зарегистрировал 5 кандидатов в Президенты. В голосовании приняло участие 76,78% (6 871 571 из 8 949 199) граждан, обладающих правом голоса. По итогам голосования с еще большим преимуществом победил первый Президент Республики Казахстан, за которого проголосовало 91,15% (6 147 517) избирателей. У других кандидатов в Президенты были следующие результаты: второе место – 6,61% (445 934); третье место – 1,61% (108 730); четвертое место – 0,34% (23 252), пятое место – 0,28% (18 834) [2].

В 2007 году в Конституцию РК внесли изменения и дополнения, которые в том числе затрагивали и институт выборов главы государства. Например, был сокращен президентский срок с семи до пяти лет и изменен ценз оседлости [14]. Помимо этого, внесены поправки относительно первого Президента РК (ранее был принят закон о первом Президенте РК, заложивший основу формирования института первого Президента РК, далее принимались поправки в правовые акты РК об особом статусе первого Президента РК с наделением соответствующих пожизненных полномочий. В 2022 году после конституционной реформы многие правовые акты и положения о первом Президенте РК утратили силу).

В 2011 году в очередной раз были проведены внеочередные выборы главы государства. Перед президентскими выборами 2011 года было предложено провести референдум о продлении полномочий Президента. Однако Глава государства своим указом отклонил предложение Парламента РК [15]. Более того, Конституционный Совет РК признал указанное предложение не соответствующим Конституции РК [16]. Данная ситуация разрешилась путем внесения дополнения в Конституцию РК о возможности проведения досрочных президентских выборов [17]. Так, Глава государства был наделен полномочием де-факто по-своему усмотрению проводить выборы Президента РК. Соответственно, своим указом он назначил выборы на 3 апреля 2011 года [18].

На выборах 2011 года ЦИК РК зарегистрировал трех кандидатов, в том числе и первого Президента Республики. В голосовании приняло участие 89,98% (8 279 227 из 9 200 298) граждан, имеющих право голоса. По итогам голосования со значительным преимуществом победил первый Президент Республики Казахстан, за которого проголосовало 95,55% (7 850 958) избирателей. Другие кандидаты в Президенты показали следующие показатели: второе место – 1,94% (159 036); третье место – 1,36% (111 924); четвертое место – 1,15% (94 452) [2].

В 2015 году прошли следующие внеочередные президентские выборы. Предложение о проведении выборов поступило по итогам заседания Совета Ассамблеи народа Казахстана (далее – АНК) (обращение было направлено к депутатской группе АНК). Далее Мажилис Парламента РК принял обращение к Президенту о проведении внеочередных выборов [19]. Сенат также поддержал инициативу о проведении внеочередных выборов Главы государства. Помимо этого, Председатель Сената Парламента РК обратился в Конституционный Совет РК для официального толкования норм Конституции. Конституционный Совет РК в своем Постановлении отметил об исключительном праве Президента «единолично назначать внеочередные президентские выборы» [20]. В итоге был издан Указ Президента о назначении даты выборов [21].

Согласно данным ЦИК РК [22], в голосовании приняло участие 95,21% (9 090 920 из 9 547 864) граждан, имеющих право голоса, количество зарегистрированных кандидатов составило три. По итогам голосования первый Президент Республики выиграл выборы с результатом 97,75% (8 833 250), второе место – 1,61% (145 756), третье место – 0,64% (57 718).

В 2017 году по итогам конституционной реформы к Президенту предъявляется дополнительное требование по образовательному цензу [23]. Кроме того, была принята в новой редакции статья 54 Конституционного закона Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 28 сентября 1995 года [24].

В феврале 2019 года первый Президент Республики обратился в Конституционный Совет РК для официального толкования норм Конституции по вопросу досрочного прекращения его полномочий. 19 февраля 2019 года Конституционный Совет принял нормативное постановление [25], в котором указано о наличии у Президента права по собственному желанию сложить свои полномочия («самостоятельное основание досрочного прекращения полномочий»). В итоге, 19 марта 2019 года первый Президент издал указ, в котором указано о прекращении исполнения полномочий Главы государства с 20 марта 2019 года.

После вступления в должность второй Президент РК назначил президентские выборы на 9 июня 2019 года [26] (в очередной раз внеочередные). В голосовании приняло участие 77,5% (9 274 110 из 11 960 364) граждан, имеющие право голоса. По итогам выборов второй Президент Республики выиграл с результатом 70,96% (6 539 715) избирателей, принявших участие в голосовании; второе место – 16,23% (1 495 401); третье место – 5,05% (465 714); четвертое место – 3,04% (280 451); пятое место – 1,98% (182 898); шестое место – 1,82% (167 649); седьмое место – 0,92% (84 582) [27].

В 2022 году в Казахстане проведена конституционная реформа, которая затронула многие сферы, в том числе вопросы выборов главы государства (Президент избирается один раз и на семь лет). 1 сентября 2022 года Президент в своем Послании народу Казахстана предложил провести внеочередные выборы Президента [28]. Соответственно, 21 сентября 2022 года глава государства подписал Указ о проведении внеочередных президентских выборов 20 ноября 2022 года [29]. По итогам, в голосовании приняло участие 69,26% (8 278 570 из 11 953 465) граждан, имеющих право голоса. Уверенную победу одержал второй Президент Республики с результатом 81,31% (6 456 392) голосов избирателей; второе место – 3,42% (271 641); третье место – 2,60% (206 206); четвертое место – 2,53% (200 907); пятое место – 2,22% (176 116); шестое место – 2,12% (168 731). При этом 460 484 (5,80%) избирателей, принявших участие в голосовании, проголосовали против всех [30].

Заключение

Исходя из вышеуказанного, можно сделать ряд выводов. Во-первых, в Республике Казахстан с момента учреждения поста Президента и по настоящее время проведено восемь президентских выборов. Фактически все выборы были внеочередными. По всей видимости, можно констатировать об отсутствии практики очередных выборов главы государства. Поэтому предлагается законодательно закрепить положения, когда Президент имеет право назначать внеочередные выборы. Указанное нововведение позволит сформировать правовую культуру по вопросу избирательных процессов и устойчивую систему правоотношений преемственности институтов государственной власти (из современной истории транзит власти не всегда проходил мирным путем).

Во-вторых, если смотреть весь опыт избирательных процессов, то наблюдается высокая явка на президентские выборы и на референдум по продлению полномочий (1991 г. – более 88%, 1995 г. – более 91%, 1999 г. – 87%, 2005 г. – 76%, 2011 г. – более 89%, 2015 г. – 95%, 2019 г. – 77,5%, 2022 г. – 69,26%). При этом в последние годы доля участия граждан в выборах снижается. Первый Президент всегда уверенно выигрывал выборы с внушительным результатом (1990 г. – 88%, 1991 г. – 98%, 1995 г. – 95%, 2005 г. – 91,15%, 2011 г. – 95,55%, 2015 г. – 97,75%), только в 1999 году набрал немногим более 79% голосов избирателей. Второй Президент не существенно уступает первому Президенту по результатам на выборах (2019 г. – 77,5%, 2022 г. – 81,31%).

В то же время все указанные результаты голосования свидетельствуют фактически об отсутствии конкуренции в президентских выборах за всю их историю. Высокая явка на президентские выборы объясняется занимаемым местом Президента в системе органов государственной власти (активное использование административного ресурса). Рекомендуется нормативно закрепить систему ограничений использования административного ресурса в выборных процессах.

В-третьих, в ходе реформирования института Президента Республики Казахстан некоторые решения Конституционного Совета РК (в настоящее время – Конституционный Суд Республики Казахстан) в определенной степени имеют сомнительные моменты. Например, Согласно Нормативному постановлению от 15 февраля 2019 года № 1, Конституционный Совет полагает, что основой такого решения являются результаты научно-практического анализа содержания положений Конституции, с учетом последовательного реформирования Основного Закона Казахстана и зарубежного опыта.

В итоге Конституционный Совет РК постановил, что перечень оснований досрочного прекращения полномочий Президента Казахстана не является исчерпывающим (исходил из статуса и правового положения главы государства, которые подразумевает его права на подачу в отставку). Поэтому предлагается в дальнейшей работе Конституционного Суда РК исходить не из зарубежного опыта или будущих конституционных реформ, а из норм и положений Конституции и других правовых актов Республики Казахстан.

Д.Б. Тебаев, Заң ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Заңнама құқықтық және ақпарат институты (Астана қ., Қазақстан Республикасы): Қазақстан Республикасы Президентінің Сайлауы: тарих және қазіргі заман.

Мақалада автор лауазым құрылған сәттен бастап қазіргі уақытқа дейін Республика Президентінің сайлауын қарастырады (сайлау 1990, 1991, 1999, 2005, 2011, 2015, 2019 және 2022.) және өкілеттіктерін ұзарту жөніндегі референдумның нәтижелері, Қазақстан Республикасының кейбір құқықтық актілері талданып, Республика Конституциялық Кеңесінің шешімдеріне баға берілді. Бұдан басқа, Қазақстан Республикасы Президентінің сайлау институты бойынша ескертулер мен ұсынымдар айтылды. Автор Қазақстан Республикасы Президентінің кезекті сайлауын өткізу тәжірибесінің жоқтығы туралы мәселені көтереді.

Жұмыстың мақсаты Президентті сайлау институтының мәселелерін анықтау және ұсыныстар әзірлеу болып табылады. Мемлекет басшысын сайлау демократиялық мемлекеттің негізгі институттарының бірі болып табылады, тұрақты саяси жүйені қалыптастыру үшін мемлекеттің болжамды сайлау саясаты қажет. Президенттің кезектен тыс сайлауын өткізу уақытша сипаттағы мәселені шешеді, бірақ мемлекет басшысын сайлау институтының қалыптасуына және тұрақты жұмыс істеуіне ықпал етпейді.

Зерттеу пәні Қазақстан Республикасының құқықтық актілері, оларда тұжырымдалған құқықтық нормалар мен оларды іске асыру практикасы, бағдарламалық құжаттар болып табылады. Зерттеу барысында жалпы ғылыми әдістер мен заң ғылымының арнайы әдістері (формальды-догматикалық, салыстырмалы-құқықтық әдістер, түсіндіру әдісі) қолданылды.

Автор Қазақстан Республикасы Президентінің кезекті сайлауы тәжірибесінің жоқтығы туралы фактіні айтады. ҚазССР Президенті лауазымы құрылған сәттен бастап қазіргі уақытқа дейін сайлау мерзімінен бұрын өтті. Бұдан басқа, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің нормативтік қаулысының кейбір ережелері түсініксіз сипатта болады. Бұл Конституция нормалары мен басқа да құқықтық актілердің белгілі бір қайшылықтарын тудырады. Қазақстан Республикасы Орталық сайлау комиссиясының деректерін талдау жоғарыда аталған барлық сайлау кезеңінде жалпы сайлаушылардың келуінің айтарлықтай жоғары екенін көрсетті. Бұл ретте, Республиканың тұңғыш Президентіне 1990-2015 жылдар кезеңінде көптеген сайлаушылар дауыс берді, республиканың екінші Президентіне дауыс беру нәтижелері соншалықты әсерлі емес (тұтастай алғанда, сайлаушылардың қолдау деңгейі айтарлықтай жоғары).

Түйінді сөздер: Қазақстан Республикасының Президенті, Мемлекет басшысы, сайлау, Конституция, референдум.

D.B. Tebayev, Doctor of Philosophy in law, The Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana c., the Republic of Kazakhstan): Election of the President of the Republic Of Kazakhstan: History And Modernity.

In the article, the author considers the elections of the President of the Republic from the moment of establishment of the post to the present (elections of 1990, 1991, 1999, 2005, 2011, 2015, 2019 and 2022) and the results of the referendum on the extension of powers, analyzed some legal acts of the Republic of Kazakhstan, gave assessment of the decisions of the Constitutional Council of the Republic. In addition, comments and recommendations were made on the institution of elections of the President of the Republic of Kazakhstan. The author raises the question of the lack of experience in holding the next presidential elections of the Republic of Kazakhstan.

The goals of the work are to identify problems in the institution of presidential elections and develop recommendations. The election of the head of state is a crucial component of a democratic system, and the establishment of a stable political environment requires a consistent electoral policy. While holding early presidential elections may seem to address the issue of temporary nature, it does not contribute to the development and stability of the presidential election process.

The subject of the study is the legal acts of the Republic of Kazakhstan, the legal norms formulated in them and the practice of their implementation, program documents. During the study, general scientific methods and special methods of legal science (formal dogmatic, comparative legal methods, interpretation method) were used.

The author states the fact that there is no practice of regular elections of the President of the Republic of Kazakhstan. From the moment the post of President of the Kazakh SSR was established until now, elections have been held ahead of schedule. In addition, some provisions of the normative resolution of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan are unclear. This causes certain contradictions with the norms of the Constitution and other legal acts. An analysis of data from the Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan showed that for the entire above-mentioned election period, there was generally a fairly high voter turnout. At the same time, a large number of voters voted for the first President of the Republic in the period 1990-2015; the voting results for the second President of the Republic are not so impressive (in general, the level of voter support is quite high).

Key words: President of the Republic of Kazakhstan, head of state, elections, Constitution, referendum.

Список литературы:

1. Закон Казахской Советской Социалистической Республики «Об учреждении поста Президента Казахской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Казахской ССР» от 24 апреля 1990 года // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001000_ (21.02.2024).
2. ИНФОРМАЦИОННЫЙ СБОРНИК О ВЫБОРАХ И РЕСПУБЛИКАНСКИХ РЕФЕРЕНДУМАХ, СОСТОЯВШИХСЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В ПЕРИОД С 25 МАРТА 1990 ГОДА ПО 16 ЯНВАРЯ 2012 ГОДА I ТОМ. – Астана. 2012.
3. Закон Казахской Советской Социалистической Республики «Об изменении наименования Казахской Советской Социалистической Республики» от 10 декабря 1991 года № 1000–XII // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910003900_ (22.02.2024).
4. Кодекс Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан» от 9 декабря 1993 года // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K930004000_/17.03.1995 (23.02.2024).
5. Закон Республики Казахстан «О досрочном прекращении полномочий Верховного Совета Республики Казахстан» от 10 декабря 1993 года // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z930004300_/13.06.1995 (22.02.2024).
6. Закон Республики Казахстан «О временном делегировании Президенту Республики Казахстан и главам местных администраций дополнительных полномочий» от 10 декабря 1993 года // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z930003600_/10.12.1993 (22.02.2024).
7. Указ Президента Республики Казахстан от 25 марта 1995 г. № 2151, имеющий силу конституционного закона «О республиканском референдуме» (утратил силу) // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002151_ (22.02.2024).
8. Указ Президента Республики Казахстан «О проведении 29 апреля 1995 года республиканского референдума» от 25 марта 1995 г. № 2152 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002151_ (22.02.2024).
9. Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу Конституционного закона, «О выборах в Республике Казахстан»» от 8 мая 1998 г. № 222 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000222_#z0 (27.02.2024).
10. Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон Республики Казахстан «О выборах в Республике Казахстан»» от 14 апреля 2004 года № 545 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000545_#z0 (22.02.2024).
11. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан «Об официальном толковании пунктов 1 и 3 статьи 41 и пункта 1 статьи 94 Конституции Республики Казахстан» от 19 августа 2005 года №5 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S050000005_ (26.02.2024).

12. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по реализации избирательных прав граждан Республики Казахстан» от 9 сентября 2005 года № 1643 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U050001643_/09.09.2005 (26.02.2024).

13. Постановление Мажилиса Парламента Республики Казахстан «Об объявлении очередных выборов Президента Республики Казахстан» от 7 сентября 2005 года № 340–III // ИС Параграф: сайт. URL: https://online.zakon.kz//Document/?doc_id=30022760&show_di=1&pos=5;-88#pos=5;-88 (27.02.2024).

14. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» от 21 мая 2007 года № 254 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000254_#z0 (27.02.2024).

15. Указ Президента Республики Казахстан «Об отклонении предложения Парламента Республики Казахстан о вынесении на республиканский референдум изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» от 6 января 2011 года № 1134 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100001134> (27.02.2024).

16. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан «О проверке Закона Республики Казахстан «О внесении изменения и дополнения в Конституцию Республики Казахстан» на соответствие Конституции Республики Казахстан» от 31 января 2011 года № 2 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1100000002> (27.02.2024).

17. Закон Республики Казахстан «О внесении дополнения в Конституцию Республики Казахстан» от 2 февраля 2011 года № 403–IV // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000403#z2> (27.02.2024).

18. Указ Президента Республики Казахстан «О назначении внеочередных выборов Президента Республики Казахстан» от 4 февраля 2011 года № 1149 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100001149> (27.02.2024).

19. МАЖИЛИС ПРИНЯЛ ОБРАЩЕНИЕ К ПРЕЗИДЕНТУ РК С ПРОСЬБОЙ РАССМОТРЕТЬ ВОПРОС О НАЗНАЧЕНИИ ВНЕОЧЕРЕДНЫХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ // сайт. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/news-details/id24097/1/15> (28.02.2024).

20. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан «Об официальном толковании пункта 3–1 статьи 41 Конституции Республики Казахстан» от 24 февраля 2015 года № 2 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001018> (28.02.2024).

21. Указ Президента Республики Казахстан «О назначении внеочередных выборов Президента Республики Казахстан» от 25 февраля 2015 года № 1018 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001018> (28.02.2024).

22. Сообщение об итогах внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 26 апреля 2015 года // сайт. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/informatsiya-o-vyborakh-i-referendumakh-v-rk/informatsiya-o-proshedshikh-izbiratelnykh-kampaniyakh/itogi-vneocherednykh-vyborov-prezidenta-respubliki-kazakhstan-sostoyavshikhsya-26-aprelya-2015-goda.php> (20.03.2024).

23. Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» от 10 марта 2017 года № 51–VI // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000051#z5> (28.02.2024).

24. Конституционный закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан» от 15 июня 2017 года № 75–VI // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000075#z215> (28.02.2024).

25. Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан «Об официальном толковании пункта 3 статьи 42 Конституции Республики Казахстан» от 15 февраля 2019 года № 1 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1900000001> (28.02.2024).

26. Указ Президента Республики Казахстан «О назначении внеочередных выборов Президента Республики Казахстан» от 9 апреля 2019 года № 18 // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000018> (28.02.2024).

27. Сообщение об итогах внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 9 июня 2019 года // сайт. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=5289> (20.03.2024).

28. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года // ИПС «Әділет»: сайт. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_2 (28.02.2024).

29. Указ Президента Республики Казахстан от 21 сентября 2022 года № 1019 «О назначении внеочередных выборов Президента Республики Казахстан» // ИПС «Әділет»: сайт. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001019> (28.02.2024).

30. Сообщение об итогах внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года // сайт. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/acts/index.php?ID=8018> (20.03.2024).

References (transliterated):

1. Zakon Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki «Ob uchrezhdenii posta Prezidenta Kazahskoj SSR i vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstituciju (Osnovnoj Zakon) Kazahskoj SSR» ot 24 aprelja 1990 goda // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z900001000_ (21.02.2024).

2. INFORMACIONNYJ SBORNIK O VYBORAH I RESPUBLIKANSKIH REFERENDUMAH, SOSTOJA V SHISJA V RESPUBLIKE KAZAHSTAN V PERIOD S 25 MARTA 1990 GODA PO 16 JANVARJA 2012 GODA I TOM. – Astana. 2012.

3. Zakon Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki «Ob izmenenii naimenovanija Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki» ot 10 dekabnja 1991 goda № 1000–XII // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910003900_ (22.02.2024).

4. Kodeks Respubliki Kazahstan «O vybopah v Respublike Kazahstan» ot 9 dekabnja 1993 goda // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K930004000_/17.03.1995 (23.02.2024).

5. Zakon Respubliki Kazahstan «O dosrochnom prekrashhenii polnomochij Verhovnogo Soveta Respubliki Kazahstan» ot 10 dekabnja 1993 goda // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z930004300_/13.06.1995 (22.02.2024).

6. Zakon Respubliki Kazahstan «O vpemennom delegipovanii Ppezidentu Respubliki Kazahstan i glavam mestnyh administracij dopolnitel'nyh polnomochij» ot 10 dekabnja 1993 goda // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/Z930003600_/10.12.1993 (22.02.2024).

7. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 25 marta 1995 g. № 2151, imejushhij silu konstitucionnogo zakona «O respublikanskom referendume» (utratil silu) // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002151_ (22.02.2024).

8. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «O provedenii 29 aprelja 1995 goda respublikanskogo referenduma» ot 25 marta 1995 g. № 2152 // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002151_ (22.02.2024).

9. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan, imejushhij silu Konstitucionnogo zakona, “O vyborah v Respublike Kazahstan”» ot 8 maja 1998 g. № 222 // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000222_#z0 (27.02.2024).

10. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan “O vyborah v Respublike Kazahstan”» ot 14 aprelja 2004 goda № 545 // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000545_#z0 (22.02.2024).

11. Postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan «Ob oficial'nom tolkovanii punktov 1 i 3 stat'i 41 i punkta 1 stat'i 94 Konstitucii Respubliki Kazahstan» ot 19 avgusta 2005 goda № 5 // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S050000005_ (26.02.2024).

12. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «O merah po realizacii izbiratel'nyh prav grazhdan Respubliki Kazahstan» ot 9 sentjabnja 2005 goda № 1643 // IPS «Әділет»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U050001643_/09.09.2005 (26.02.2024).

13. Postanovlenie Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazahstan «Ob ob#javlenii ocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan» ot 7 sentjabrja 2005 goda № 340–III // IS Paragraf: sajt. URL: https://online.zakon.kz//Document/?doc_id=30022760&show_di=1&pos=5;-88#pos=5;-88 (27.02.2024).

14. Zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstituciju Respubliki Kazahstan» ot 21 maja 2007 goda № 254 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000254_#z0 (27.02.2024).

15. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «Ob otklonenii predlozhenija Parlamenta Respubliki Kazahstan o vnesenii na respublikanskij referendum izmenenij i dopolnenij v Konstituciju Respubliki Kazahstan» ot 6 janvarja 2011 goda № 1134 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100001134> (27.02.2024).

16. Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan «O proverke Zakona Respubliki Kazahstan “O vnesenii izmenenija i dopolnenija v Konstituciju Respubliki Kazahstan” na sootvetstvie Konstitucii Respubliki Kazahstan» ot 31 janvarja 2011 goda № 2 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1100000002> (27.02.2024).

17. Zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii dopolnenija v Konstituciju Respubliki Kazahstan» ot 2 fevralja 2011 goda № 403–IV // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000403#z2> (27.02.2024).

18. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «O naznachenii vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan» ot 4 fevralja 2011 goda № 1149 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100001149> (27.02.2024).

19. MAZHILIS PRINJAL OBRASHHENIE K PREZIDENTU RK S PROS’BOJ RASSMOTRET’ VOPROS O NAZNACHENII VNEOCHEREDNYH PREZIDENTSKIHX VYBOROV // sajt. URL: <https://www.parlam.kz/ru/mazhilis/news-details/id24097/1/15> (28.02.2024).

20. Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan «Ob oficial’nom tolkovanii punkta 3–1 stat’i 41 Konstitucii Respubliki Kazahstan» ot 24 fevralja 2015 goda № 2 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001018> (28.02.2024).

21. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «O naznachenii vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan» ot 25 fevralja 2015 goda № 1018 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001018> (28.02.2024).

22. Soobshhenie ob itogah vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan, sostojavshijsja 26 aprelja 2015 goda // sajt. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/informatsiya-o-vyborakh-i-referendumakh-v-rk/informatsiya-o-proshedshikh-izbiratelnykh-kampaniyakh/itogi-vneocherednykh-vyborov-prezidenta-respubliki-kazahstan-sostoyavshikhsya-26-aprelja-2015-goda.php> (20.03.2024).

23. Zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Konstituciju Respubliki Kazahstan» ot 10 marta 2017 goda № 51–VI // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000051#z5> (28.02.2024).

24. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye konstitucionnye zakony Respubliki Kazahstan» ot 15 ijunja 2017 goda № 75–VI // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000075#z215> (28.02.2024).

25. Normativnoe postanovlenie Konstitucionnogo Soveta Respubliki Kazahstan «Ob oficial’nom tolkovanii punkta 3 stat’i 42 Konstitucii Respubliki Kazahstan» ot 15 fevralja 2019 goda № 1 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S1900000001> (28.02.2024).

26. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan «O naznachenii vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan» ot 9 aprelja 2019 goda № 18 // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1900000018> (28.02.2024).

27. Soobshhenie ob itogah vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan, sostojavshijsja 9 ijunja 2019 goda // sajt. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/releases/index.php?ID=5289> (20.03.2024).

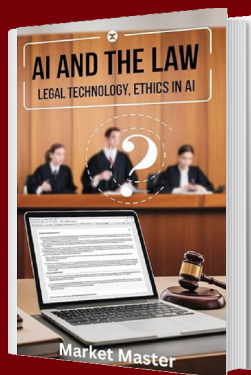
28. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym–Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana ot 1 sentjabrja 2022 goda // IPS «Әdilet»: sajt. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K22002022_2 (28.02.2024).

29. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 21 sentjabrja 2022 goda № 1019 «O naznachenii vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan» // IPS «Әdilet»: sajt. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001019> (28.02.2024).

30. Soobshhenie ob itogah vneocherednyh vyborov Prezidenta Respubliki Kazahstan, sostojavshihsja 20 nojabrja 2022 goda // sajt. URL: <https://www.election.gov.kz/rus/news/acts/index.php?ID=8018> (20.03.2024).

Для цитирования и библиографии: Тебаев Д.Б. Выборы президента Республики Казахстан: история и современность // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 72-82. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_72

Материал поступил в редакцию 24.01.2025

НОВЫЕ КНИГИ

AI and the Law: AI and the Law, Legal Technology, Ethics in AI, and Emerging Regulations: Navigating the Future of Justice and Policy . 2025. 41 p.
by Market Master (Author)

ISBN: 9785392352425

AI and the Law is no longer a concept—it's the new frontier of legal disruption. As artificial intelligence evolves, it's shaking the foundations of traditional legal systems. This essential guide explores how legal technology is transforming practice, what ethics in AI demand from lawmakers, and the fast-developing world of emerging regulations.

From courtroom automation to algorithmic bias, from intellectual property challenges to AI liability, this book lays out what every legal professional, policymaker, and technologist needs to know.

Whether you're a law student, legal scholar, or tech innovator, this book prepares you for a future where AI and the law intersect more than ever before.

DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_83

УДК 349.6

ГРНТИ 10.53.23

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ТВЕРДЫМИ БЫТОВЫМИ ОТХОДАМИ В КАЗАХСТАНЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.А. НУКУШЕВА,

автор-корреспондент, к.ю.н., профессор кафедры гражданского и трудового права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

e-mail: akuka007@mail.ru

А.Ж. АБДИЖАМИ,

к.ю.н., ассоциированный профессор, зав. кафедрой гражданского и трудового права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

e-mail: abdzhami_a@inbox.ru

Д.К. РУСТЕМБЕКОВА,

доктор PhD, ассоциированный профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан)

e-mail: dinara_226@mail.ru

Исследование посвящено анализу правовых механизмов и нормативного регулирования в сфере управления твердыми бытовыми отходами в Казахстане. Рассматриваются успехи и недостатки реализации экологической политики, включая влияние нового Экологического кодекса и региональных программ, принятых в 2024 году. Особое внимание уделено международному опыту, в частности законодательству Германии. Особое внимание было уделено международной практике, в частности законам Германии. Строгий контроль и надзор со стороны органов местного самоуправления в данном государстве способствовали внедрению эффективной практики управления отходами. Установлено, что для Казахстана полезен переход от борьбы с отходами к предотвращению их образования, что требует разработки иерархии управления, акцент на переработку и законодательного укрепления принципов циркулярной экономики.

Выявлено, что одной из ключевых проблем региональных программ является недостаточная интеграция современных подходов, таких как расширенная ответственность производителя и предотвращение образования отходов. Сделаны выводы о необходимости совершенствования инфраструктуры, пересмотра ГОСТов и внедрения образовательных программ для повышения экологической осведомленности населения. Также отмечено, что имплементация международного опыта в Казахстане может потребовать пересмотра полномочий и функций органов местного самоуправления, направленного на усиление их ответственности и эффективности. Успешная реализация этих мер будет способствовать созданию устойчивой системы управления отходами, минимизации их воздействия на окружающую среду и повышению экологической устойчивости страны.

Ключевые слова: твердые бытовые отходы (ТБО), управление отходами, управления твердыми бытовыми отходами, экологическая политика, иерархия управления отходами, устойчивое развитие, циркулярная экономика, расширенная ответственность производителя (РОП), предотвращение образования отходов, повышение экологической устойчивости, международный опыт.

Введение

Проблема твердых бытовых отходов (ТБО) остаётся острой, поскольку традиционные подходы не справляются с увеличением объемов отходов. Большая часть ТБО по-прежнему отправляется на переполненные полигоны, наносящие вред экосистемам [1, с. 40]. Глобальный опыт показывает, что эффективное управление требует переработки и повторного использования, основанных на современных законодательных инициативах и принципах замкнутой экономики. Казахстан перерабатывает лишь около 25% отходов, что значительно ниже уровня развитых стран [2]. Причинами остаются слабая законодательная база, недостаточное экологическое образование и ограниченная инфраструктура, а также отношение общества к вопросам экологии.

Казахстан предпринимает шаги для улучшения управления отходами, включая принятие Экологического кодекса, отдельный сбор мусора и поддержку перерабатывающего бизнеса. Однако для системных изменений необходима активная роль бизнеса, общества и граждан [3, с. 18]. Уровень экологической ответственности общества становится индикатором природоохранных приоритетов государства. Законодательство играет ключевую роль, снижая экологический вред и создавая экономические возможности. Реализуемые инициативы требуют дальнейшего совершенствования с учетом особенностей страны и научного обоснования.

Целью данного исследования является анализ правовых мер и механизмов управления ТБО в Казахстане, оценка их эффективности и определение перспектив развития. Особое внимание уделяется барьерам, с которыми сталкивается страна, а также изучению зарубежного опыта, в частности Германии, лидирующей в области передовых практик управления отходами. Корректировка политических приоритетов и правового регулирования рассматривается не только как способ улучшения экологической ситуации, но и как шанс для Казахстана занять ведущую позицию в Центральной Азии в вопросах устойчивого управления отходами. Современные вызовы требуют комплексных подходов, и ключевым становится вопрос о роли законодательства в успешной реализации стратегии переработки ТБО.

Материалы и методы

Документально-аналитическую основу исследования составляют международные акты в области охраны природы, декарбонизации и управления отходами (Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Парижское соглашение, Базельская конвенция, Директива 2008/98/ЕС и др.), а также правовые акты и стратегии РК («Казахстан 2030», «Казахстан-2050», Экологический кодекс), региональные документы (Решение маслихата Бурлинского района от 2024 года, Программа по управлению коммунальными отходами Города Караганды на 2024–2028 гг.), профильные акты Германии (например, Environmental Liability Act) и аналитические документы международных организаций (UNEP, European Environment Agency).

Методология исследования базируется на политико-правовом и формально-юридическом анализе. Первый метод используется для оценки имплементации политических решений РК и зарубежных стран в сфере управления ТБО, второй — для анализа законодательства и решений местных органов власти.

Результаты

Управление ТБО остаётся глобальной проблемой, несмотря на технологический прогресс и ужесточение экологического законодательства. Основные трудности связаны с ростом объемов отходов, низким уровнем переработки и недостаточной инфраструктурой. Рост отходов обусловлен увеличением населения, урбанизацией и увеличением потребления, особенно в странах с растущей экономикой, где активно используется одноразовая продукция и упаковка. По данным UNEP, ежегодно в мире образуется около 2 млрд тонн ТБО, из которых перерабатывается лишь 16% [4].

В большинстве стран мира переработка отходов остаётся одной из ключевых проблем, особенно в развивающихся регионах, где отсутствуют современные перерабатывающие заводы и недостаточно развита инфраструктура для сортировки. Низкий уровень осведомлённости населения о раздельном сборе отходов усиливает эти трудности [4]. В переполненных полигонах значительную

часть ТБО составляет органика, которая без надлежащей переработки выделяет метан и загрязняет грунтовые воды, ухудшая экологическое состояние территорий.

Регуляторные препятствия в управлении ТБО обусловлены экономическими барьерами, несогласованностью политики и социальными проблемами. Строительство мусороперерабатывающих заводов требует значительных инвестиций, а бюджеты на управление отходами в развивающихся странах остаются минимальными. Низкая экономическая мотивация делает переработку менее выгодной, чем захоронение, особенно при отсутствии глобальных стандартов управления отходами. В регионах со слабым контролем (например, в Африке) распространены нелегальные свалки [5].

Социальные проблемы также играют значительную роль: население часто игнорирует раздельный сбор мусора, а миллионы людей в бедных странах зависят от сбора отходов, подвергая своё здоровье рискам. Комплексное решение требует взаимодействия государств, бизнеса и гражданского общества. Специализированные исследования предлагают пути решения: развитие перерабатывающей инфраструктуры, экологическое образование, стимулирование раздельного сбора, запрет одноразовой продукции и увеличение инвестиций в переработку.

На практике реализация этих мер сталкивается с трудностями, включая бюрократию, контроль за инвестициями и аудит процедур. Примером является завод по переработке пластика в Аккре (Гана), созданный в рамках инициативы GRIFE. Переработка оказалась экономически невыгодной из-за низкой стоимости первичного пластика [6]. Проект зависел от внешних инвестиций и координации, но со временем столкнулся с нехваткой финансирования, слабыми усилиями местного правительства и низкой вовлечённостью населения.

Открытие завода GRIFE не стимулировало местные власти к совершенствованию правил в сфере управления ТБО. Профильное законодательство не было адаптировано под необходимость сортировки и переработки отходов. Однако, даже существующие законы, регулирующие обращение с отходами, слабо применяются. По сей день мусор выбрасывается в неположенных местах, а штрафы за нарушение экологических норм взимаются редко [7]. Подобный пример не уникален. В крупных городах ЮАР власти пытались внедрить раздельный сбор отходов, включая пластик, стекло и бумагу. Жители городов не поддерживали раздельный сбор из-за нехватки знаний и удобной инфраструктуры. Раздельный мусор не забирался вовремя, что привело к загрязнению и недовольству жителей. В конечном счете мусор, собранный раздельно, часто все равно отправлялся на свалки [8]. Эти и многие подобные примеры существуют, пожалуй, в большинстве стран мира.

Ряд вышеописанных проблем в несколько видоизмененном виде с учетом местной специфики характерен и для РК. Это – и недостаточная разработанность законодательства, и проблемы правоприменения в совокупности с отсутствием необходимой инфраструктуры в нужном объеме, а также широкой социальной и бизнес-вовлеченности. Бюро национальной статистики (далее – Бюро нацстат) отмечает, что по итогам 2023 года общий объем собранных отходов за год вырос на 8% и составил 4,1 млн тонн. Большую часть коммунальных отходов в стране составили отходы от уборки улиц: 282,5 тыс. тонн. Следом идут макулатура, картон и отходы бумаги (119,9 тыс. тонн), отходы рынков (107,2 тыс. тонн), пластмасса, пластик, полиэтилен (84,4 тыс. тонн), пищевые отходы (60,3 тыс. тонн), стеклобой (31,7 тыс. тонн), металлы (5 тыс. тонн), одежда и текстиль (1,2 тыс. тонны), электронное и электрическое оборудование (296 тонн). Прочие смешанные отходы составили 2,6 млн. тонн. Объем отсортированных отходов в 2023 году составил 1,3 млн тонн, это на 6,8 % больше в сравнении с 2022 годом [9; 10]. Анализируя данные Бюро нацстата за предыдущие 5 лет можно отметить отсутствие стабильной тенденции на улучшение ситуации с отходами, использованными повторно или переработанными. Например, в 2020 г. соотношение общего количества отходов к объему переработанных было выше чем в 2021 и 2022 (Экологические индикаторы мониторинга и оценки окружающей среды – См. Рис 1). Однако, анализируя данные за 10 лет можно отметить, что процент переработанных отходов от общего количества увеличивается. При этом общий показатель уровня отходов сохраняется на относительно стабильном уровне примерно в 2,5 млн т. в год.

Рис. 1 Экологические индикаторы мониторинга и оценки окружающей среды (2005-2022 гг.) [11].

В контексте изложенного основное внимание следует обратить именно на аспект раздельного сбора отходов (сепарации, сегрегации) как первичного инструмента эффективного управления ТБО, целесообразность которого на сегодняшний день неоспорима и, условно говоря, безальтернативна. Важность раздельного сбора и сегрегации отходов на бытовом уровне, как и в целом, признается в ряде международных документов и инициатив, направленных на улучшение управления отходами и защиту окружающей среды, среди которых Конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базельская конвенция 1989), Рамочная директива ЕС по отходам (Directive 2008/98/EC), Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Цели устойчивого развития ООН). В странах с высокоразвитой системой управления ТБО (например, Германия, Южная Корея, Швеция) раздельный сбор является основным элементом экологической политики.

По данным Министерства экологии в Казахстане, накоплено 125 млн т отходов. При этом, сортировочные пункты загружены всего лишь на 40%. Предприятия-переработчики нацелены на принятие большего объема сырья, но для этого ТБО должны пройти систему раздельного сбора, которая сейчас в Казахстане практически отсутствует [12].

На сегодняшний день предпринимаются усилия по внедрению раздельного сбора мусора, однако уровень реализации этой практики варьируется в зависимости от региона и города. В 2024 году в Казахстане в соответствии с пп. 1 п 3. ст. 365 Экологического Кодекса Республики Казахстан был утвержден ряд программ на уровне регионов и городов по управлению коммунальными отходами, предусматривающих развитие инфраструктуры для раздельного сбора отходов в общественных местах и жилых зонах [13]. Планово-стратегическую основу для имплементации данных программ составляют Стратегия Казахстана до 2030 года (в части вопросов улучшения чистоты окружающей среды и экологии), Стратегия «Казахстан-2050» (в части приоритетов по внедрению принципиально новой системы управления природными ресурсами), а также Концепция по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» 2013 г. [14, 4; 15; 16; 17]. Пока давать оценки реализации этих программ преждевременно, но практика раздельного сбора мусора до настоящего времени не была эффективно внедрена. Среди причин выделяют отсутствие стандартов в упаковке товаров, недостаточную инфраструктуру для переработки и низкую осведомленность населения [18]. Проблемой остается управление электронными и электрическими отходами (ОЭЭО). В материалах доклада, представленного на форуме по циркулярной экономике проведенном в Алматы в 2024 под эгидой Regional Alliance for Circular Electronics in Central Asia отмечается, что глубокой переработки ОЭЭО в стране не осуществляется, единичные пункты для сбора ОЭЭО от населения имеются лишь в некоторых крупных городах [19].

Что касается ситуации в городах – на сегодняшний день при участии бизнеса предпринимаются некоторые ограниченные инициативы по расширению вовлеченности населения в сепарацию

отходов. Комплексной правительственной информации о таких инициативах нет, однако некоторое представление о ситуации можно сформировать, почерпнув информацию из открытых источников. В 2024 году в Актау, Атырау и Уральске были установлены эко-боксы для раздельного сбора отходов на территории образовательных учреждений. В Актау, например, в Назарбаев Интеллектуальной школе (НИШ) за период с 2 по 20 марта 2024 года было собрано 101,4 кг макулатуры и 12,8 кг пластиковых отходов [20]. В Костанайской области имеется 266 единиц полигонов и свалок, из них соответствующих экологическим и санитарным требованиям и нормам составляет 111 единиц (41,73 %) [21]. Отсутствие предприятий по переработке и утилизации отходов вынуждает население выбрасывать неразлагаемые отходы — пластиковые бутылки, тару для еды, пакеты всех форм и др., а также все биоразлагаемые отходы в составе твердых бытовых отходов на свалку. Свалочный газ, в том числе горючий метан, образующийся в ходе разложения биоразлагаемых отходов, может приводить к пожарам на свалках [21]. Точечные инфраструктурные решения предпринимаются на уровне отдельных учреждений. Например в Назарбаев Университете в Астане с 2016 года на кампусе университета действует система раздельного сбора мусора с последующей передачей на переработку [22].

Анализ программ управления коммунальными отходами, принятых в 2024 году, показывает, что они формально закрепляют экологические цели, основываясь на положениях Экологического кодекса РК. На портале Эділет указано, что программы утверждены для 61 территории, включая 50 районов и 12 городов (например, Караганда, Костанай, Балхаш, Кызылорда) [23]. Однако программы для крупнейших городов, таких как Алматы, Шымкент, Атырау и Астана, пока остаются на стадии проектов.

Министерство информации и общественного развития отвечает за установку контейнеров, но документ не содержит информации о порядке их обслуживания, финансировании или ответственности за их ненадлежащее использование. Надежда на корректное разделение отходов возлагается на экологическую сознательность населения, однако механизмы стимулирования граждан и бизнеса не предусмотрены.

Информационно-просветительская работа обозначена лишь общей формулировкой о проведении кампаний местными органами, без указания порядка, частоты или ожидаемых результатов. Это усложняет оценку эффективности программы, как в количественном, так и в качественном измерении, указывая на необходимость доработки этих аспектов.

Таким образом, реализация данных планов в основном продолжает существующую политику управления отходами с усилением отдельных мер, таких как увеличение числа контейнеров и их разделение по двум фракциям. Однако базовый подход остаётся неизменным, что свидетельствует об отсутствии существенных изменений в отрасли. При текущей динамике образования и переработки отходов объёмы ТБО, вероятно, будут расти быстрее, чем возможности их переработки, по крайней мере в ближайшей перспективе. Подобная ситуация недопустима для развитых стран, таких как Германия, где уровень рециркуляции отходов достигает 90% [24].

В этом контексте усматривается целесообразным обратиться к опыту и практике Германии, которая является мировым лидером в эффективной сепарации отходов на бытовом уровне благодаря внедрению комплексных мер, включая законодательные инициативы, инфраструктурные решения и программы просвещения населения. Основным инструментом реализации системы раздельного сбора отходов (Duales System Deutschland, DSD), введенной в 1991 году является программа «Grüner Punkt» (Зеленая Точка). В соответствии с ней производители платят сбор за упаковку своих товаров в зависимости от ее типа и возможности переработки. Эти средства идут на организацию сбора, сортировки и переработки отходов. В результате почти 90% упаковки перерабатывается или используется повторно [25]. В стране действует развитая инфраструктура для раздельного сбора включающая контейнеры для разных видов отходов и пункты их приема. Широко задействован механизм расширенной ответственности производителей (EPR), в применении которого все сильнее заинтересован Европейский Союз. Законодательство Германии требует обязательного разделения отходов, что сопровождается действенной системой штрафов. Граждане и компании, нарушающие правила разделения, сталкиваются с высокими штрафами (в среднем – € 2,500, в отдельных случаях до € 200 000) [26; 27]. Штрафы за несоблюдение правил

раздельного сбора отходов в Германии предусмотрены как федеральным законодательством, так и региональными нормативными актами. Такого рода штрафы могут налагаться на граждан, на коммунальные службы и муниципалитеты, если они не выполняют установленные законодательством обязательства по организации системы раздельного сбора мусора. На практике коммунальные службы регулярно проверяют содержание контейнеров [28]. Если обнаруживаются систематические нарушения, на коммуну или на жителей района могут быть наложены штрафы. Фиксация нарушений возможна через видеонаблюдение на контейнерных площадках или инспекционные рейды. Национальное регулирование осуществляется в рамках соответствия Директиве ЕС по отходам (Directive 2008/98/EC), которая накладывает обязательства по раздельному сбору мусора на все страны ЕС [29]. Справедливости ради необходимо отметить, что в Германии заработная плата работников, занятых в сфере управления бытовыми отходами достаточно высокая (в среднем, в зависимости от должности и опыта – € 4000) [30] даже по европейским меркам. При этом для работников отрасли действуют системы льгот и поощрений. Порталы трудоустройства, систематизирующие информацию о работе в отрасли, отмечают существование возможностей для получения дополнительных выплат и льгот для сотрудников, особенно при работе в сложных условиях или при наличии высокой квалификации. Очевидно, у граждан ФРГ на этом фоне меняется представление о престижности работы в данной отрасли в сторону повышения.

В контексте обзора вышерассмотренных практик важно обратить внимание на вопрос маркировки товаров как отходов. Это имеет значение, поскольку вопрос отсутствия такой маркировки в РК поднимался и казахстанскими экологами [31]. В Казахстане стандарты СТ в области упаковки и маркировки продуктов питания и напитков не соответствуют современным запросам. Отсутствие четких требований к нанесению штрих-кодов на бутылки и банки затрудняет их автоматизированный сбор и переработку. Кроме того, отсутствие стандартов для упаковки продуктов питания позволяет производителям использовать различные виды пластика, включая неэкологичные и непищевые материалы, что усложняет процессы сбора и переработки таких упаковок. Например, в Германии маркировка упаковочных товаров строго регламентирована в соответствии с правилами ЕС.

Обсуждение

Применение некоторых из вышеописанных решений, например, суровых штрафов или санкций, в Казахстане выглядит затруднительным по ряду причин. Во-первых, из-за различий в экономическом и социальном уровне жизни между Казахстаном и Германией. Во-вторых, из-за возможного ментального неприятия таких мер при их резкой имплементации. Например, европейские штрафы, несоизмерные среднему доходу гражданина Казахстана (около 650 €), могут вызвать социальное напряжение и саботаж. Поэтому любое увеличение штрафов должно сопровождаться широкой информационной кампанией, обосновывающей их необходимость.

Казахстанские исследования подчеркивают потребность в системных решениях, таких как строительство современных полигонов и внедрение расширенной ответственности производителя (РОП) [32; 33; 34]. Некоторые предложения (например, в отношении строительства современных мусорных полигонов, которые должны соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям и экологическим нормативам) в свете растущей мировой приверженности расширенной ответственности производителя (РОП) выглядят на сегодняшний день нерелевантными [32, с. 49]. Другие исследования делают акцент на необходимости поиска технических решений, очевидно, отводя вопросам законодательного регулирования второстепенную роль [35, с. 655]. Другие работы как правило предлагают продолжение существующей политики, предусматривающей незначительные законодательные изменения [36, с. 97]. Тем не менее, предложений о решительном пересмотре стратегий управления ТБО обнаружить не удалось. На этом фоне интерес вызывает опыт Германии, где ответственность за управление ТБО возложена на коммуну и муниципалитеты. Перераспределение функций в Казахстане по этому примеру, с усилением роли местных органов самоуправления, может способствовать системным изменениям. Однако реализация таких инициатив требует учета исторических и социальных особенностей страны.

Действующая в Европе модель управления отходами сформировалась в результате длительной эволюции и специфики регионального управления. Аналогичная реорганизация в Казахстане

могла бы перераспределить функции на местном уровне, укрепляя коллективное восприятие ответственности за управление ТБО. Однако практическая реализация этой инициативы в условиях Казахстана остаётся открытым вопросом.

В отношении региональных программ управления коммунальными отходами, принятых в 2024 году, следует отметить, что их принятие является логичным шагом в рамках экологической политики Казахстана. Однако программы больше фокусируются на описании текущей ситуации, чем на конкретных алгоритмах решения задач.

Усилить реализацию природоохранной политики могли бы образовательные программы для школьников и студентов, которые можно закрепить на подзаконном уровне как часть стратегий «Казахстан 2030», «Казахстан-2050» и Концепции перехода к «зеленой экономике».

Точечные законодательные изменения в вопросах ТБО не дадут ожидаемого эффекта, поскольку в них сохраняются положения об утилизации на полигонах и сжигании отходов, что противоречит международным практикам, акцентированным на предотвращении образования отходов и внедрении РОП. Необходимо законодательно закрепить иерархию управления отходами, включая запрет захоронения перерабатываемых отходов и продвижение РОП [37, р. 219; 3, р. 21].

Также важен пересмотр СТ для упрощения переработки упаковки и введение налогов на захоронение отходов, чтобы стимулировать переработку. Ключевым шагом остаётся организация образовательных программ для повышения экологической осведомлённости населения.

Важность экологического просвещения обусловлена тем, что законодательные нормы сами по себе не способны изменить образ мыслей населения. Советское прошлое оставило глубокий след, сформировав подход «ничейности» ответственности за общественные блага. В СССР доминировала идея, что земля и ресурсы принадлежат государству, что породило ощущение, что за общее отвечает кто-то другой — государство или управляющие органы [36, с. 97].

Централизованное управление, приоритет производственных показателей над экологией, дефицит материальных благ и пропаганда «бесконечных ресурсов» усиливали безразличие к сохранению общественных благ. Экологические проблемы либо замалчивались, либо воспринимались как временные издержки индустриализации. После распада СССР это мышление сохранилось, и многие продолжают считать, что ответственность за окружающую среду лежит исключительно на государственных органах.

Преодоление советской ментальной парадигмы возможно через формирование личной ответственности, поддержку местных инициатив, экологическое образование и обмен опытом. Также важны развитие инфраструктуры, привлечение частного сектора, государственно-частное партнёрство, экономические стимулы и пропаганда экологичного поведения. Чем быстрее общество осознает, что окружающая среда — это общее достояние, за которое отвечает каждый, тем скорее станет возможным переход к устойчивой системе управления отходами.

Заключение

С принятием нового Экологического кодекса РК и ряда стратегических документов в сфере декарбонизации, экологической устойчивости Казахстан продолжает воплощать политические инициативы на регулятивном уровне. Страна активно демонстрирует приверженность имплементации лучшего зарубежного опыта по вопросам управления ТБО, что воплощается и в политических решениях, и в нормативном регулировании. И на нынешнем этапе важно не допустить некорректной интерпретации норм международных актов, инициатив и политико-правовых практик, чтобы избежать создания непоследовательного или неэффективного правового регулирования. В 2024 году был принят ряд программ по управлению коммунальными отходами на региональном уровне, определяющих текущее состояние, а также предусматривающих ряд планов и решений в сфере управления ТБО на местных уровнях. Принятие данных документов является последовательным решением в рамках достижения политических целей РК в сфере управления ТБО. Вместе с тем программы содержат недостатки, сигнализирующие о недостаточной амбициозности природоохранных целей. Программы содержат мало целевых индикаторов, при этом больше внимания посвящено описанию существующей ситуации, чем алгоритму их решения. Программы, принятые на исполнение задач Экологического кодекса, слабо отображают приверженность

доминирующей на сегодня концепции циркулярной экономики, расширенной ответственности производителя, идее предотвращения образования отходов. Много внимания уделено совершенствованию полигонов ТБО, что, разумеется, следует рассматривать как положительную инициативу, однако осуществляемой в рамках системной проблемы. Последняя выражается в необходимости пересмотра философии обращения с отходами – не борьбы с отходами, а предотвращения их образования. Этому пересмотру способствует принятие лучших практик. Анализ опыта Германии, находящейся в авангарде политики в сфере управления ТБО говорит о том, что достижения этой страны во многом обусловлены эффективным контролем и надзором за муниципальными образованияами, как основной (первичной) коллективной единицей управления ТБО. Высокие штрафы, налагаемые на муниципалитеты, усиливают внутреннюю ответственность граждан за соблюдение правил, стимулируя коллективный самоконтроль. Данный опыт может быть принят Казахстаном, однако, вероятно, потребует реорганизации и пересмотра функций территориальных общин в разрезе целей управления отходами по принципу распределения ответственности муниципалитетов, применимого в Германии.

Что касается других вопросов РК требует разработки и внедрение иерархии управления отходами, с акцентом на предотвращение образования отходов и их переработку, законодательное закрепление и политическое лоббирование приоритетности РОП на всех уровнях. Решения требует вопрос разработки новых стандартов по маркировке производимой упаковки, с целью упрощения ее переработки в дальнейшем. Опыт рассмотренных стран говорит о насущной важности образовательно-просветительского компонента в вопросах обращения с ТБО, без которой законы рискуют остаться лишь формалистской преградой. Для РК усилить реализацию природоохранной политики в существующем ее виде могли бы образовательные программы и обмен опытом (в частности для учащихся школ и вузов). Имплементация подобного рода программ не требует внесения изменений в действующие законы или кодексы, однако такие программы могут быть отображены на подзаконном уровне как элемент реализации действующей природоохранной стратегии в рамках общей стратегии развития «Казахстан 2030», «Казахстан-2050» а также Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» до 2050 года.

Данное исследование финансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (Грант № AP23490668).

А.А. Нукушева, хат-хабар авторы, заң ғылымдарының кандидаты, профессор, Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессоры (Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы); А.Ж. Әбдіжәми, заң ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының меңгерушісі (Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы); Д.К. Рустембекова, PhD докторы, қауымдастырылған профессор, Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессоры (Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы): Қазақстандағы қатты тұрмыстық қалдықтарды басқарудың құқықтық аспектілері: сын-қатерлер және перспективалар.

Зерттеу Қазақстандағы қатты тұрмыстық қалдықтарды басқару саласындағы құқықтық механизмдер мен нормативтік реттеуді талдауға арналған. Экологиялық саясатты жүзеге асырудағы, соның ішінде жаңа Экологиялық кодекстің және 2024 жылы қабылданған аймақтық бағдарламалардың жетістіктері мен кемшіліктері қарастырылады. Халықаралық тәжірибеге, атап айтқанда Германия заңдарына ерекше назар аударылды. Аталған мемлекетте жергілікті өзін-өзі басқару органдары тарапынан жүргізілген қатаң бақылау мен қадағалау қалдықтарды басқарудың тиімді тәжірибесін енгізуге ықпалын тигізген. Қазақстан үшін қалдықтармен күреске қарағанда олардың пайда болуын болдырмауға көшу пайдалы екені анықталды, бұл басқару иерархиясын әзірлеуді, қайта өңдеуге баса назар аударуды және айналмалы экономика принциптерін заңнамалық тұрғыдан нығайтуды талап етеді.

Аймақтық бағдарламалардың негізгі мәселелерінің бірі өндірушінің кеңейтілген жауапкершілігі және қалдықтардың алдын алу сияқты заманауи тәсілдердің жеткіліксіз интеграциясы болып табылады. Инфрақұрылымды жетілдіру, ГОСТ-тарды қайта қарау және халықтың экологиялық хабардарлығын арттыру үшін білім беру бағдарламаларын енгізу қажеттілігі туралы қорытындылар жасалды. Сондай-ақ, Қазақстанда халықаралық тәжірибені имплементациялау жергілікті өзін-өзі басқару органдарының жауапкершілігі мен тиімділігін арттыруға бағытталған өкілеттіктері мен функцияларын қайта қарауды талап етуі мүмкін екендігі атап өтілді. Бұл шараларды табысты іске асыру қалдықтарды басқарудың тұрақты жүйесін құруға, олардың қоршаған ортаға әсерін барынша азайтуға және елдің экологиялық тұрақтылығын арттыруға ықпал ететін болады.

Кілт сөздер: қатты тұрмыстық қалдықтар (ҚТҚ), қалдықтарды басқару, қатты тұрмыстық қалдықтарды басқару, экологиялық саясат, қалдықтарды басқару иерархиясы, тұрақты даму, айналмалы экономика, өндірушінің кеңейтілген жауапкершілігі (ӨКМ), қалдықтардың пайда болуын болдырмау, экологиялық тұрақтылықты арттыру, халықаралық тәжірибе.

A.A. Nukusheva, corresponding autor, Candidate of Law, Full Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Karaganda University named after Academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan); A.Zh. Abdizhami, Candidate of Law, Associate professor, Head of the Department of Civil and Labor Law of the Karaganda University named after Academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan); D.K. Rustembekova, PhD, Associate professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Karaganda University named after Academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan): Legal Aspects of Solid Waste Management in Kazakhstan: Challenges and Prospects.

The study focuses on analyzing the legal mechanisms and regulatory framework for solid waste management in Kazakhstan. It examines the achievements and shortcomings of environmental policy implementation, including the impact of the new Environmental Code and regional programs adopted in 2024. Special attention is given to international experience, particularly that of Germany, where strict control and supervision of local self-government bodies facilitate the adoption of effective waste management practices.

The research establishes that Kazakhstan would benefit from shifting its focus from waste disposal to waste prevention, which requires the development of a management hierarchy, prioritization of recycling, and legislative incorporation of circular economy principles. One of the key issues identified in regional programs is the insufficient integration of modern approaches, such as extended producer responsibility and waste prevention.

The study concludes that improving infrastructure, revising technical standards (GOSTs), and introducing educational programs to raise environmental awareness are critical steps. It also highlights that implementing international best practices in Kazakhstan may require revising the powers and responsibilities of local self-government bodies to enhance their accountability and effectiveness. The successful implementation of these measures will contribute to building a sustainable waste management system, minimizing environmental impacts, and improving the country's ecological resilience.

Keywords: solid waste management, waste governance, separation and segregation, legal regulation, environmental strategy, circular economy, extended producer responsibility (EPR), environmental policy, sustainable development, international experience.

Список литературы:

1. Nukusheva A. A., Assanova S.E. Legal aspects of solid waste recycling and disposal in Kazakhstan: international standards and national regulation in the context of a circular economy. Bulletin of the Karaganda University "Law Series". 2024. Vol. 29, Iss. 3(115). P. 39-50. URL: <https://law-vestnik.ksu.kz/index.php/law/article/view/585/532> (14.11.2024).

2. Каримов Е. «Разделяй и властвуй»: может ли мусор стать новой нефтью в Казахстане? URL: <https://eri.kz/ru/Mnenija/id=349> (20.12.2024).

3. Abdizhami A. Zh. Legal analysis of the interaction between the state and citizens in the context of solid household waste regulation in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Karaganda University “Law Series”. 2024. Vol. 29, Iss. 3(115). P. 17-26. URL: <https://law-vestnik.ksu.kz/index.php/law/article/view/583/529> (14.11.2024).
4. United Nations Environment Programme (2024). Global Waste Management Outlook 2024: Beyond an age of waste – Turning rubbish into a resource. Nairobi. URL: <https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/44939> (12.12.2024).
5. Abderrahmane A. Toxic trash dumps Africa in the danger zone. URL: <https://enactafrica.org/enact-observer/toxic-trash-dumps-africa-in-the-danger-zone> (10.10.2024).
6. How an Initiative in Ghana Comprising the World’s Biggest Plastic Producers Failed to Deliver. URL: <https://www.africa.com/how-an-initiative-in-ghana-comprising-the-worlds-biggest-plastic-producers-failed-to-deliver/> (18.10.2024).
7. The rarely told story of the widely used water sachets. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/rarely-told-story-widely-used-water-sachets> (18.10.2024).
8. South Africa Waste Management Landscape: An Overview. URL: <https://www.wasterecyclingmea.com/news/waste-management/south-africa-waste-management-landscape-an-overview> (10.10.2024).
9. Омарова А. Объем собранного мусора в Казахстане вырос за год на 8%. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6433169-obem-sobrannogo-musora-v-kazakhstane-vyros-za-god-na-8.html> (28.10.2024).
10. Статистика собранных отходов в Казахстане за 2023 год. URL: https://t.me/stat_gov_kz_official/2032 (11.10.2024).
11. Экологические индикаторы мониторинга и оценки окружающей среды (2005-2022 гг.). URL: https://stat.gov.kz/ru/ecologic-indicators/28434/final_waste_disposal/ (08.10.2024).
12. Осипова И. Когда «мусорный» бизнес в Казахстане станет по-настоящему доходным. URL: https://kz.kursiv.media/2020-02-09/kogda-musornyy-biznes-v-kazakhstane-stanet-po-nastoyaschemu-dokhodnym/?utm_campaign=endless_feed (19.10.2024).
13. Экологический Кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (18.11.2024).
14. Казахстан. План действий. Создание национальной системы стратегической экологической оценки (СЭО). 2021. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-03/Kazakhstan_SEA_action_plan_RUS_0.pdf (03.10.2024).
15. О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (24.11.2024).
16. Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года «Казахстан – 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» (г. Астана, 10 октября 1997 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1015368&pos=2;-34#pos=2;-34 (02.10.2024).
17. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (г. Астана, 14 декабря 2012 года). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (04.10.2024).
18. Бакпаева А. Почему в Казахстане не работает практика раздельного сбора мусора. URL: https://baigenews.kz/pochemu-v-kazahstane-ne-rabotaet-praktika-razdelnogo-sbora-musora_300001829/ (20.11.2024).
19. Eurasian Business Forum “Green Energy & Waste Recycling Forum” (GEWR). URL: <https://circularelectronic.asia/tpost/o8cvuhhpv1-eurasian-business-forum-green-energy-amp> (06.11.2024).
20. Внедрение системы раздельного сбора отходов в Западных регионах Казахстана: шаг за шагом. URL: <https://www.coca-cola.com/kz/ru/media-center/coca-cola-recycling-project-initiatives-in-west-of-kazakhstan-ru> (03.11.2024).
21. Программа по управлению коммунальными отходами по Сарыкольскому району на 2024-2028 годы. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/G24NQ00161M> (19.10.2024).

22. Раздельный сбор мусора на кампусе НУ: от инициативы до реализации. URL: <https://nu.edu.kz/ru/news/separate-garbage-collection-on-the-nu-campus-from-initiative-to-implementation> (18.11.2024).

23. Программа по управлению коммунальными отходами Города Караганды 2024-2028гг. URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/5/30/c58d8d544eb07fe35d27907a6fc7762b_original.1107161.pdf (14.11.2024).

24. Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation, Nuclear Safety and Consumer Protection (BMUV). URL: <https://www.bmuv.de/en/> (24.10.2024).

25. Der Grüne Punkt. Our “Recyclingfähig/Recyclable” label. URL: <https://www.gruener-punkt.de/en/sustainable-packaging/our-new-label-recyclable> (03.10.2024).

26. Закон «О циркулярной экономике», 2012 (Kreislaufwirtschaftsgesetz). URL: <https://www.bmuv.de/gesetz/kreislaufwirtschaftsgesetz> (14.10.2024).

27. Закон «О размещении на рынке, возврате и качественной переработке упаковки» (Gesetz über das Inverkehrbringen, die Rücknahme und die hochwertige Verwertung von Verpackungen) URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/verpackg/> (12.11.2024).

28. Von J. Buchholz Keine Privatsphäre: Wer Ihren Müll durchsuchen darf. URL: https://www.t-online.de/heim-garten/wohnen/id_100124930/muell-durchsuchen-ist-eine-ordnungswidrigkeit.html (28.11.2024).

29. Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32008L0098> (12.11.2024).

30. Gehalt im Bereich Abfallentsorgung in Deutschland. URL: <https://www.jobvector.de/ Gehalt/abfallentsorgung/> (02.12.2024).

31. Почему в Казахстане не работает практика раздельного сбора мусора. URL: https://ekaraganda.kz/?mod=news_read&id=147760 (20.11.2024).

32. Стамкулова Г.А. Проблемные вопросы правового регулирования обращения с отходами в Республике Казахстан. Eurasian Scientific Journal of Law. 2022. №1. С. 47-53. URL: <https://esjl.turan-edu.kz/jour/article/view/23> (24.11.2024).

33. Жумагазиев А.Ж., Адилова Д.А. Исследование зарубежного опыта использования строительных отходов и возможность их применения в Казахстане. Международный научный журнал «Вестник науки». 2024. №9 (78). Том 5. С.361-374. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zarubezhnogo-opyta-ispolzovaniya-stroitelnyh-othodov-i-vozmozhnost-ih-primeneniya-v-kazahstane> (26.10.2024).

34. Жадауова Ж.А., Карахожаев О.С. К некоторым вопросам совершенствования законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления. «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан» научно-правовой журнал. 2024. №3(78). С. 247-256. URL: <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1551/1441> (30.10.2024).

35. Карбаев Н.К., Каршалова Д.Г., Джаксымбетова М.А. (2023). Вопросы переработки твердых-бытовых отходов в городе Астане. Актуальные проблемы транспорта и энергетики: пути их инновационного решения: XI Международная научно-практическая конференция (г. Астана, 16 марта 2023г.). С. 654-656. URL: <https://dspace.enu.kz/bitstream/handle/enu/7420/Merged-20230802-125132.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (04.10.2024).

36. Lygina O., Urazgaliyeva M., Kalaganova N., & Rykova I. Waste Management in the Context of Transition to a Circular Economy: the Case of Kazakhstan. European Journal of Management. 2021. Issues. 29 (2). P. 93-100. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=978234> (05.10.2024).

37 Yang X., Thøgersen J. When people are green and greedy: A new perspective of recycling rewards and crowding-out in Germany, the USA and China. Journal of Business Research. 2022. Vol. 144. P. 217-235. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296322000984> (24.10.2024).

References:

1. Nukusheva A. A., Assanova S.E. Legal aspects of solid waste recycling and disposal in Kazakhstan: international standards and national regulation in the context of a circular economy. Bulletin of the Karaganda University “Law Series”. 2024. Vol. 29, Iss. 3(115). P. 39-50. <https://law-vestnik.ksu.kz/index.php/law/article/view/585/532> (14/11/2024).
2. Karimov E. “Divide and rule”: can garbage become the new oil in Kazakhstan URL: <https://eri.kz/ru/Mnenija/id=349> (20/12/2024).
3. Abdizhami A.Zh. Legal analysis of the interaction between the state and citizens in the context of solid household waste regulation in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Karaganda University “Law Series”. 2024. Vol. 29, Iss. 3(115). P. 17-26. URL: <https://law-vestnik.ksu.kz/index.php/law/article/view/583/529> (14/11/2024).
4. United Nations Environment Programme (2024). Global Waste Management Outlook 2024: Beyond an age of waste – Turning rubbish into a resource. Nairobi. URL: <https://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/44939> (12/12/2024).
5. Abderrahmane A. Toxic trash dumps Africa in the danger zone. URL: <https://enactafrica.org/enact-observer/toxic-trash-dumps-africa-in-the-danger-zone> (10/10/2024).
6. How an Initiative in Ghana Comprising the World’s Biggest Plastic Producers Failed to Deliver. URL: <https://www.africa.com/how-an-initiative-in-ghana-comprising-the-worlds-biggest-plastic-producers-failed-to-deliver/> (18/10/2024).
7. The rarely told story of the widely used water sachets. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/story/rarely-told-story-widely-used-water-sachets> (18/10/2024).
8. South Africa Waste Management Landscape: An Overview. URL: <https://www.wasterecyclingmea.com/news/waste-management/south-africa-waste-management-landscape-an-overview> (10/10/2024).
9. Omarova A. The volume of collected garbage in Kazakhstan increased by 8% in a year. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6433169-obem-sobrannogo-musora-v-kazakhstane-vyros-za-god-na-8.html> (28/10/2024).
10. Statistics of collected waste in Kazakhstan for 2023. URL: https://t.me/stat_gov_kz_official/2032 (11/10/2024).
11. Ecological indicators of environmental monitoring and assessment (2005-2022). URL: https://stat.gov.kz/ru/ecologic-indicators/28434/final_waste_disposal/ (08/10/2024)
12. Osipova I. When will the “garbage” business in Kazakhstan become truly profitable. URL: https://kz.kursiv.media/2020-02-09/kogda-musornyy-biznes-v-kazakhstane-stanet-po-nas-toyaschemu-dokhodnym/?utm_campaign=endless_feed (19/10/2024).
13. Ecological Code of the Republic of Kazakhstan. The Code of the Republic of Kazakhstan dated January 2, 2021 No. 400-VI. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (18/11/2024).
14. Kazakhstan. Action Plan. Establishment of a National System of Strategic Environmental Assessment (SEA). 2021. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-03/Kazakhstan_SEA_action_plan_RUS_0.pdf (03/10/2024).
15. On the Concept of the transition of the Republic of Kazakhstan to a “green economy” Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated May 30, 2013 No. 577. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577> (24/11/2024).
16. Message of the President of the country to the people of Kazakhstan “Kazakhstan – 2030”: Prosperity, Security and Ever Growing Welfare of All the Kazakhstanis (Astana, October 10, 1997). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1015368&pos=2;-34#pos=2;-34 (02/10/2024).
17. Address by the President of the Republic of Kazakhstan, Leader of the Nation, N.Nazarbayev “Strategy Kazakhstan-2050”: new political course of the established state” (Astana, December 14, 2012). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050> (04/10/2024).
18. Bakpayeva A. Why the practice of separate waste collection does not work in Kazakhstan. URL: https://baigenews.kz/pochemu-v-kazahstane-ne-rabotaet-praktika-razdelnogo-sbora-musora_300001829/ (20/11/2024).

19. Eurasian Business Forum “Green Energy & Waste Recycling Forum” (GEWR). URL: <https://circularelectronic.asia/tpost/o8cvuhhpv1-eurasian-business-forum-green-energy-amp> (06.11.2024).

20. Implementation of a separate waste collection system in the Western regions of Kazakhstan: step by step. URL: <https://www.coca-cola.com/kz/ru/media-center/coca-cola-recycling-project-initiatives-in-west-of-kazakhstan-ru> (03/11/2024).

21. Program for municipal waste management in the Sarykol region for 2024-2028. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/G24NQ00161M> (19/10/2024).

22. Separate garbage collection on the NU campus: from initiative to implementation. URL: <https://nu.edu.kz/ru/news/separate-garbage-collection-on-the-nu-campus-from-initiative-to-implementation> (18/11/2024).

23. Program for municipal waste management of the City of Karaganda 2024-2028. URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/5/30/c58d8d544eb07fe35d27907a6fc7762b_original.1107161.pdf (14/11/2024).

24. Federal Ministry for the Environment, Nature Conservation, Nuclear Safety and Consumer Protection (BMUV). URL: <https://www.bmuv.de/en/> (24/10/2024).

25. Der Grüne Punkt. Our “Recyclingfähig/Recyclable” label. URL: <https://www.gruener-punkt.de/en/sustainable-packaging/our-new-label-recyclable> (03/10/2024).

26. Law “On Circular Economy”, 2012 (Kreislaufwirtschaftsgesetz). URL: <https://www.bmuv.de/gesetz/kreislaufwirtschaftsgesetz> (14/10/2024).

27. Law “On placing on the market, return and quality recycling of packaging” (Gesetz über das Inverkehrbringen, die Rücknahme und die hochwertige Verwertung von Verpackungen) URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/verpackg/> (12/11/2024).

28. Von J. Buchholz No privacy: Who is allowed to search through your garbage (Buchholz Keine Privatsphäre: Wer Ihren Müll durchsuchen darf). URL: https://www.t-online.de/heim-garten/wohnen/id_100124930/muell-durchsuchen-ist-eine-ordnungswidrigkeit.html (28/11/2024).

29. Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32008L0098> (12/11/2024).

30. Salary in the waste disposal sector in Germany (Gehalt im Bereich Abfallentsorgung in Deutschland). URL: <https://www.jobvector.de/gehalt/abfallentsorgung/> (02/12/2024).

31. Why the practice of separate waste collection does not work in Kazakhstan. URL: https://ekaraganda.kz/?mod=news_read&id=147760 (20/11/2024).

32. Stamkulova G.A. Problematic issues of legal regulation of waste management in the Republic of Kazakhstan. Eurasian Scientific Journal of Law. 2022. No 1. P. 47-53. URL: <https://esjl.turan-edu.kz/jour/article/view/23> (24/11/2024).

33. Zhumagazyev A.Zh., Adilova D.A. Study of foreign experience in the use of construction waste and the possibility of their application in Kazakhstan. International scientific journal “Bulletin of Science”. 2024. No. 9(78). Vol. 5. P. 361-374. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zarubezhnogo-opyta-ispolzovaniya-stroitelnyh-othodov-i-vozmozhnostih-primeneniya-v-kazahstane> (26/10/2024).

34. Zhadauova Zh.A., Karakhozhaev O.S. On some Issues of Improving Legislation in the Field of Waste Management of Production and Consumption. Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan» scientific and legal journal. 2024. No. 3 (78). P. 247-256. URL: <https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1551/1441> (30/10/2024).

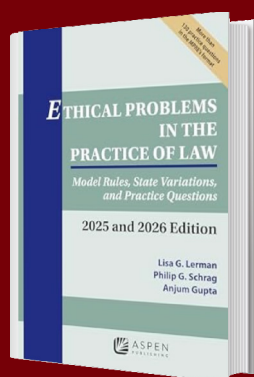
35. Karbayev N.K., Karshalova D.G., Dzhaksymbetova M.A. (2023). Issues of solid waste processing in Astana. Proceedings of the XI International scientific-practice conference «Actual Problems of Transport and Energy: the ways of its innovative solutions» (Astana, March 16, 2023.). P. 654-656. URL: <https://dspace.enu.kz/bitstream/handle/enu/7420/Merged-20230802-125132.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (04/10/2024).

36. Lygina O., Urazgaliyeva M., Kalaganova N., & Rykova I. Waste Management in the Context of Transition to a Circular Economy: the Case of Kazakhstan. *European Journal of Management*. 2021. Issues. 29(2). P. 93-100. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=978234> (05/10/2024).

37. Yang X., Thøgersen J. When people are green and greedy: A new perspective of recycling rewards and crowding-out in Germany, the USA and China. *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 144. P. 217-235. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296322000984> (24/10/2024).

Для цитирования и библиографии: Нукушева А.А., Абдижами А.Ж., Рустембекова Д.К. Правовые аспекты управления твердыми бытовыми отходами в Казахстане: вызовы и перспективы // *Право и государство*. № 1(106), 2025. – С. 83-96. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_83

Материал поступил в редакцию 18.12.2024

НОВЫЕ КНИГИ

Lerman G. Lisa, Schrag G. Philip, Gupta Anjum. Ethical Problems in the Practice of Law: Model Rules, State Variations, and Practice Questions. Aspen Publishing, 2025. 288 p.

ISBN 979-8892077668

An indispensable tool for students taking courses in professional responsibility, this book contains only the essential resources: the ABA Model Rules of Professional Conduct and the official comments; a selection of the most distinctive state variations; and more than 130 original practice questions, in the format used in the Multistate Professional Responsibility Examination (MPRE), along with answers and detailed analyses.

DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_97

IRSTI 10.07.01:10.53.01

UDC 349.6

PROBLEMATIC ISSUES OF LAW ENFORCEMENT IN THE PROVISION OF LAND PLOTS

R. YEREZHEPKYZY,

Doctor of Philosophy (PhD), senior lecturer at the Department of Customs, Financial and Environmental Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University (Shymkent, Republic of Kazakhstan)

e-mail: rose.kaznu@gmail.com

S.D. BEKISHEVA,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Center for Coordination of Research and Study of Law Enforcement Issues of the Interdepartmental Scientific Research Institute of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan)

e-mail: bek_dauren@mail.ru

D.N. BEKEZHANOV,

Associate Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, Zhetysu University named after I. Zhansugurov Taldykorgan, Kazakhstan (Taldykorgan, Republic of Kazakhstan)

e-mail: bek_dauren@mail.ru

In this scientific article, the authors consider topical problematic issues related to ensuring law and order in the provision of land plots. The study is relevant, given that the sphere of land relations very often becomes the object of corruption schemes and violations of the rights of citizens and owners. The authors also noted that the existing mechanism for the provision of land often contributes to the emergence of corruption schemes and abuses, which is confirmed by statistical data and practical examples. In particular, the dual market of land rights, which allows for the simultaneous sale and lease of land, creates opportunities for speculation and illicit enrichment. The authors also paid special attention to the issues of redistribution of powers between state bodies that are responsible for managing the land fund, and how this affects the transparency and fairness of the land grant process. The analysis of the practice of applying the norms of legislation was carried out and it was noted which violations were detected. A deep and comprehensive analysis of the regulatory framework governing the procedure for granting land plots, as well as gaps and contradictions in legislation are identified. This scientific article also examines the existing mechanisms for protecting citizens' rights and offers a number of recommendations for improving legal regulation in this area. It is also proposed to strengthen the powers of the prosecutor's office, improve accounting and transparency of land grant procedures, as well as develop new standards for gardening and cottage construction. This study is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR24993047).

Keywords: environmental protection, environmental law and order, land, land plot, land code, land disputes, corruption.

Introduction

The relevance of this research topic is due to the fact that this area of relations is considered one of the most vulnerable to corruption. The problems of regulatory support for land provision require special attention and analysis [1]. The National Report published by the Anti-Corruption Agency in 2019 pro-

vides data from Transparency International Kazakhstan's study "Monitoring the State of Corruption in Kazakhstan" [2], which ranks the Land Relations Department third (7%) among government agencies in terms of corruption, after public hospitals and clinics, and the police, according to the population, and first (20.4%) according to entrepreneurs. Among the most common corruption schemes in local executive bodies, in addition to patronage and lobbying for affiliated entrepreneurs in public procurement, abuse of official power, and embezzlement of budget funds for state programs, "the issuance of land and the adoption of illegal decisions" have been identified [1].

The largest number of complaints regarding the protection of entrepreneurs' rights (13% of the total) in 2019 were filed in the area of land relations [3]. The most significant and systemic issues in this area are also highlighted, such as "regarding the procedure and timeframe for registering land plots for auctions; compliance with paragraph 6-1 of Article 48 of the Land Code of the Republic of Kazakhstan; and posting information about available land plots on the internet for businesses" [4].

The provision of land plots is regulated by the Land Code, as well as by several laws and regulations, including the Law "On State Registration of Rights to Immovable Property", the Law "On Architectural, Urban Planning and Construction Activities in the Republic of Kazakhstan" [5], and more than 12 by-laws of a general nature, as well as more than 10 special regulations that regulate the provision of specific categories of land plots.

The complexity of the legal regulation of land provision in the Republic of Kazakhstan can be attributed to several factors:

First, there is an artificially created process for the transfer of state-owned land plots to individuals and legal entities. Unlike in other countries such as Russia, Ukraine, and Belarus, Kazakhstan has two separate markets for land rights and correspondingly two ways to grant rights to land plots.

The first is related to the transfer of land from state ownership to private ownership through the sale of the land plot in one lump sum or in installments. The second is related to the sale of rights to use the land on a paid basis.

In the first case, land plots are sold, ownership of which is officially registered. In the second, there is a hidden purchase and sale of land under the guise of transferring use rights to the land. This creates opportunities for speculation in land, which has happened with agricultural land [6].

The President of Kazakhstan drew attention to this issue, stating that many people who receive free land leases from the government keep the land for future use without actually working on it. He referred to these people as "Latifundists," who act like a "dog in the manger" and do not allow others to use the land that they do not use themselves.

It is time to start taking action against unused agricultural land, as it is our shared resource and should belong to those who use it. The government and parliament should propose suitable mechanisms to address this issue.

Second, historically determined redistribution of power between government agencies led to the Land Code of the Kazakh Soviet Socialist Republic dated November 16, 1990 [7]. As a rule, councils of people's deputies were granted the right to allocate land plots and transfer land to other categories within their competence. Only if necessary, they could transfer these powers to their executive committees regarding the seizure and allocation of land.

In connection with the transformation of the Republic of Kazakhstan into a presidential republic, these powers were subsequently transferred to local executive bodies, represented by akimat.

Third, changes in land legislation. A historical and legal analysis of the regulations on the provision of land plots and rights to them, as well as the transfer of land to other categories, has shown that over time, numerous changes and additions have been made to the Decree of the President of Kazakhstan "On Land", dated December 22, 1995, and the Law of Kazakhstan "On Land", dated January 24, 2001, and the Land Code of Kazakhstan, dated June 20, 2003. These changes have strengthened the position of akimats (local government bodies) on these issues, and have led to the emergence of semi-legal and "gray" schemes for the redistribution of land.

If, in accordance with the Land Code of the Kazakh Soviet Socialist Republic dated November 16, 1990, the right to grant and transfer land belonged to the jurisdiction of Councils of People's Deputies, then, according to the Decree "On Land", Law "On Land" and Land Code, this right has been transferred

to local executive bodies. Regarding a number of especially valuable lands that were not previously transferred to other land categories, amendments were made to the Land Code to allow this. This right has been granted to akimats, which previously belonged exclusively to the government of the Republic of Kazakhstan.

For example, in accordance with the Law “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Specially Protected Natural Territories” dated 01.12.08, No. 94-IV [8], it has become possible to transfer lands of specially protected natural areas to another land category for the purposes of tourism.

As a result, there are 253 owners of land plots within the boundaries of the Ile-Alatau State Natural Park (hereafter referred to as “Ile-Alatau GNPP”); 123 long-term users of these land plots (with leases for 49 years) and 8 short-term users (with leases of 5 years) [9].

In most cases, land plots were transferred illegally. As a result, in 2009, criminal cases were opened against the former Director General of the Ile-Alatau State Natural Park, Abai Begimbetov, and the former Akims (mayors) of Talgar and Enbekshikazakh districts, Kenzhebek Omarbayev and Kerimtai Abdrakhmanov. Begimbetov had illegally transferred 225 plots of land with an area of more than 400 hectare. The damage caused to the state by all the defendants amounted to approximately four billion tenge [10].

The methodology

Within the framework of this study, a comprehensive analysis of the regulatory framework governing the provision of land plots in the Republic of Kazakhstan and abroad was carried out. The theoretical basis of the research is the works of Kazakhstani and foreign scientists on human rights, published data on the activities of authorized state bodies of the Republic of Kazakhstan, regional and non-governmental organizations in the field of human and civil rights protection, as well as annual reviews of the human rights situation in the Republic of Kazakhstan. The analysis of changes in legislation concerning land rights, their provision and transfer of land to other categories has been carried out. Specific cases of violations in the field of land relations identified by the Prosecutor’s office and other authorized bodies were considered. Statistical data on the number of inspections, complaints and violations related to the provision of land plots have been studied. Using the forecasting methodology, recommendations were developed to improve legislation and law enforcement practice in the field of land relations.

Results and discussion

Next, we will discuss the problems of law enforcement in relation to some issues of land provision. Main violations of land legislation are committed by local executive bodies, which exercise the rights of the state as the main landowner, as well as land allocation commissions. This indicates a lack of control and oversight by the relevant authorities and the prosecutor’s office, due to various circumstances.

The current structure of the regulatory authorities in land relations does not support the proper, objective, and impartial implementation of controls. The main body responsible for this area is the Committee on Land Management under the Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan, which has a small staff.

Land inspections are carried out by controlling bodies under the local executive bodies. Thus, control in the land law sphere is exercised by two structures, leading to duplication of functions. Additionally, it should be noted that the subordination of land inspections to local executive bodies whose criteria for evaluating activities include a stable environment can lead to conflicts of interest and a decrease in the effectiveness of land inspections.

Thus, according to the data from the akimats, compared to the indicators of 2013, the number of inspections carried out by local executive bodies in the field of land use and protection has decreased by 2.6 times in 2019. The fixability of violations has also decreased by 4.5 times. In addition, random inspections of businesses have been reduced, and in 2017 they were only conducted in four regions.

At the same time, there has been an increase in the number of complaints and appeals regarding land issues against the actions of local executive bodies. For example, in 2018, the Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan received 1,613 applications, while in 2019, this number increased to 3,614 [11].

The checks conducted by the prosecutor's office have revealed an inadequate level of control over unused agricultural land. In 2018, the office discovered 9.6 million hectares, whereas according to data provided by regional authorities, only 2.2 million hectares were reported as unused as of July 1, 2019.

The situation is similar with commercial land plots. According to the prosecutor's office, there are 39.7 thousand hectares of unused land. However, according to local executive bodies, the figure is 16.8 thousand hectares [8].

Due to certain circumstances, the prosecutor's oversight in the area of land relations has been limited. The Law "On the Prosecutor's Office" [12] has narrowed the scope of general oversight, and inspections can only be conducted in exceptional cases. The institution of prescription has been abolished, but it was the prosecutors' oversight that led to real results.

Thus, statistical indicators on the results of the work of the prosecutor's office in this area (see Table 1) demonstrate the effectiveness of their activities.

The study and analysis of the work of the prosecutor's office in the field of land relations has shown that every year, they consistently record legal violations, make representations, and challenge illegal legal acts.

The decrease in indicators, in our opinion, was caused by changes in legislation and a reduction in the number of inspections, especially in 2017 after the adoption of the new Law of the Republic of Kazakhstan "On the Prosecutor's Office" [12]. The number of inspections decreased by five times compared to 2013, as did the number of detected offenses, submissions, and protested acts.

Table 1. Statistical data on the work of prosecutors in overseeing compliance with land legislation.

Information about the work carried out	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Total
Inspections have been carried out	675	702	748	538	128	199	135	171	3269
Violations have been revealed	18235	16340	9812	4703	1640	2430	1724	2139	57023
Legal acts have been protested	864	614	563	496	144	88	75	94	2938
A submission has been made	1009	1075	1047	1144	529	692	511	529	6536
Rights reserved (number of persons)	501	1885	1392	72	782	316583	732	811	322758
The number of persons brought to disciplinary responsibility	580	751	590	674	321	651	417	478	4162
The number of persons brought to administrative responsibility	483	342	420	505	179	146	84	62	2221
The number of persons brought to financial responsibility	1	1	0	0	0	0	0	0	2
Criminal cases have been initiated/ Pre-trial investigations have been launched	14	18	27	22	8	28	4	2	123

After the President's criticism and instructions to all state bodies to audit the land and restore order in this area in 2018, the number of protected citizens increased to 316,583, which is 631 more than the previous year. Additionally, there were 39,612 more violators brought to disciplinary or criminal responsibility.

The most common issues in the area of land relations include:

The first. Non-compliance with the procedure for providing land plots, violation of the rules for extending lease rights.

An audit conducted by the prosecutor's office in the first and second quarters of 2018 revealed that in the period 2015-2017, 2,221 plots for individual housing were provided in the republic in violation of the procedure and without consideration of priority [13].

In 2018, 320 cases of illegal and unlawful extension of lease contracts for land plots to individuals who had not fulfilled their obligations to develop the plots were revealed in the republic [13].

Second, the provision of land plots to legal entities without the bidding process and without payment for changing the intended use.

According to the results of the audit mentioned above, it was found that during this reporting period, 2,276 plots were provided without the bidding process.

For example, based on a purchase and sale agreement dated May 6, 2005, Parity 2003 LLP acquired from Kapanov Zh. a residential adobe house for 10,996,000 tenge, with a total usable area of 98.3 m² and two outbuildings (an entrance hall and a barn), located at the address: Astana, Almaty district, International Street, house 111. The total land area is 0.0564 hectare (cadastral number 21-318-031-445).

On May 28, 2014, Paritet 2003 LLP transferred ownership of this land plot to the right of private ownership. Based on a letter from the Department of Land Relations dated June 3, 2014 (No. 197-05/1500), the Justice Department placed the site on special registration as abandoned. By the decision of the Almaty District Court dated August 20, 2014, the requirement of the Land Relations Department to recognize the land plot as municipal property has been satisfied.

Further, by the decision of the Akimat of the city dated January 12, 2015, No. 197-26, the specified site was given to Paritet 2003 LLP for carrying out survey, survey work, and parking design.

During the visit to the address, it was found that the plot of land is located under the Rahat residential complex.

In this case, the site was granted without bidding and payment of amounts to the budget for changing the intended use in the amount of 6,219,199 KZT.

These facts are not isolated. During a random check conducted by the prosecutor's office in Nursultan, 43 such facts were found. All this has led to a shortage in the city's budget of approximately 800 million tenge.

Third. Illegal allocation of land by local authorities to citizens for commercial construction.

In 2016, 11 plots of land were identified in the Burnaby district of the Akmola region and allocated for construction without a detailed planning project that had been agreed upon and approved [14].

Fourth. Improper registration of citizens who are registered and waiting to receive plots of land for individual housing construction.

In 2018, prosecutors in the city of Uralsk revealed that more than 500 citizens had not been put on the waiting list, including 389 in the Atyrau region and 6 in Aktobe [15].

In the Bayzak district of the Zhambyl region, 2,289 citizens had been unreasonably added to a special register without the approval of the land commission.

In Aktobe and Atyrau regions, people who had previously received land had been illegally added to approved waiting lists [15].

In Almaty, there had been no special registration of accepted applications from citizens. Contrary to the requirements and in violation of the Law "On Access to Information", official internet resources of the Akimats of the West Kazakhstan, Kyzylorda, and Aktobe regions had not published information about applicants included in and waiting for land. Since the process of land allocation is two-sided, it is possible to identify problems caused by land recipients [15].

Fifth. Obtaining land for sale. The practice shows that the main purpose of obtaining land is to make a profit from reselling it or developing it in the future. Therefore, undeveloped land is resold, pledged to banks, or left waiting for "better times" to develop. For instance, in Almaty, out of 1,671 unused land plots (4,500 hectares), approximately 1,000 (1,500 hectare) are pledged or owned by credit institutions. This leads to the fact that land is not used efficiently, which violates Article 65 of the Land Code.

Sixth, the acquisition of land plots with a pre-planned, deliberate change in their intended purpose, or the use of provided land plots for other purposes, often leads to negative consequences.

This is especially true in cities of national importance. It affects not only unauthorized seizure of land, but also cases where land is received from the state with a simplified procedure, but is intended for different purposes.

Citizens acquire land plots for gardening purposes, where they build residential structures (houses and cottages) with capital investment. These suburban areas attract people primarily because of their

market price, which is often lower than the price of land intended for individual residential construction. Despite the lack of infrastructure (hospitals, schools, kindergartens, etc.) on these sites, people are not discouraged and ask for the development of appropriate infrastructure in unplanned settlements later. However, seizing such land due to improper use can be difficult as owners often object to the proposed compensation payments and the demolition of existing buildings, leading to protests.

The situation is also complicated by the lack of necessary state standards in the field of architecture and urban planning that regulate the requirements for organizing the territories of horticultural associations. As a result, there are no clear requirements for buildings built in suburban areas, such as the area, number of floors, location, and so on.

In the same way, citizens acquire land for personal subsidiary farming, but this land is not used for its intended purpose as residential buildings are constructed on it.

The queue for land for personal subsidiary farming has not been formed and is maintained, and the process of providing it is not transparent. As a result, the amount of land allocated for personal farming significantly exceeds the number of plots for housing construction in the following regions: Almaty (9,330 LPH, 2,245 IHS), Zhambyl (2,574 LPH, 906 IHS), Akmola (2,371 LPH, 906), and South Kazakhstan (4,211 LPH, 3,986 housing and communal services) [15].

Next, we will analyze the foreign experience in providing land plots. In other countries, the policy for granting land differs depending on its category. A stricter regime has been set for agricultural lands, which are considered the most fertile and productive.

Firstly, in many developed countries, such lands remain in state ownership, and rental land use is common. For example, in Canada, only 9.8% of land is privately owned, while the rest is owned by the state. In the USA, over 40% of agricultural land is rented, and in EU countries such as Belgium, Germany, France, Luxembourg, Sweden, the Netherlands, Portugal, the United Kingdom, Denmark, Greece, Spain, Italy, Austria, Finland and Ireland, over 30% of land is also rented [16]. There is a long-term trend towards an increase in the proportion of leased land, while the proportion of land directly owned by farmers is decreasing [1].

This is due to the high cost of agricultural land. For example, in Germany, the cost of land today is around 20-25 thousand euros per hectare, making it unprofitable to buy it for agricultural production, as the price of the produced products will not be competitive in foreign markets. This explains why most land is leased and the land market turnover in the country is low, at only 1%. In the USA, agricultural land is even more expensive, at 45 thousand dollars per hectare. These factors contribute to the popularity of renting over buying [18].

At the same time, in some countries, such as Sweden, for example, 2.4% of agricultural land is owned by the government, while the rest is privately owned. In other countries, like Australia, Japan, Ireland, Denmark, and Italy, owner-farmers cultivate up to 81-95% of agricultural land.

Secondly, such land plots are usually provided to direct agricultural producers. In order to rent or purchase the land, the tenant must have education in the agricultural sector, reside in the area as a local resident, have professional experience, work experience ranging from 3 to 5 years, and have the necessary financial resources to operate and maintain the leased land.

In some countries, a special education diploma is required for certain types of land use. Additionally, minimum lease terms of more than three years are established to ensure that the land is used for its intended purpose and to prevent the resale of the land plots.

For example, in Ireland, the minimum lease term for land is three years, while in Spain it ranges from six to fifteen years. In the Netherlands, the minimum rental period is either six or twelve years, and in Luxembourg it ranges from six to eight years.

In Portugal, tenants who hire employees must enter into leases for a period of seven to ten years. Additionally, there are rules that require the farmer to reside on the land, such as in Denmark.

Thirdly, the state actively prevents the formation of large latifundias, the concentration of large areas of land in one hands, which is achieved by setting a maximum size for land plots. For example, in Denmark, there is a law that sets a restriction according to which the size of a farm cannot exceed 150 hectare.

Fourth, it is unacceptable to reduce land plots to such small sizes that they become unprofitable and unsuitable for agricultural production. For this reason, in some countries, regulations have been

introduced to prevent the fragmentation of inherited land, and a system of indivisible plots has been implemented.

Fifth, there may be restrictions on the rights of foreigners to purchase land. In some localities, the requirements for providing land plots are less strict. In many countries, these lands are state-owned.

In Helsinki, more than 60% of the urban area is owned by the municipality. Due to a large and significant budget deficit, the city authorities have the option to sell land plots [19].

In Switzerland, most land is leased from local authorities and only 18% of urban land is privately owned. This is due to a legislative quota limit of two thousand plots per year [20].

For many countries, leasing land plots is economically beneficial, as it provides a stable source of income for their city budgets.

The lease terms for land can vary depending on its intended use. For example, in Finland:

- The lease term for housing construction is 60 years.
- The term for industrial facilities and warehouses is 30 years.
- Commercial construction has a term that can range from 30 to 60 years, depending on the specific project.

The rent is based on the estimated value of the property.

Based on the above, we can conclude that there is no “dual market” system in developed foreign countries [21]. Instead, the state provides land plots either through sale or lease, with the latter not implying an independent transfer of ownership rights to the plot.

Suggestions and recommendations.

In conclusion, based on the above, in order to improve the process of providing land plots and to reduce corruption risks, we propose the following:

First, we believe that transferring territorial land inspections to the jurisdiction of the Land Management Committee of the Ministry of Agriculture would ensure their independence and objectivity in decision-making.

Second, strengthen the powers of the Prosecutor's Office in terms of protecting citizens' land rights (by revising the current order of the Prosecutor General No. 60, dated 05/02/2018) and oblige prosecutors to perform quarterly analyses in the area of land relations and respond promptly to emerging issues.

The third, the Committee on Land Management and the “Government for Citizens” State Corporation, have been asked to increase their efforts to establish a register of waiting lists for land plots intended for individual housing construction in order to maintain proper records of individuals on the queue for these plots.

Fourth, to initiate with the Committee on Construction, Housing, and Communal Services of the Ministry of Industry and Infrastructure Development the issue of developing standards for suburban construction. In addition, to develop standards for gardening and personal subsidiary farming before the committee.

Fifth, to increase the effectiveness of information and educational work with the public (through media and individual outreach) on the topics of targeted land use and responsibility for land legislation violations. As part of the analysis, several proposals have also been made to improve the regulatory framework for the allocation of land plots.

First, it is proposed to introduce mandatory coordination with local representative bodies in the decision-making process for the allocation of land plots as public lands within the territory of settlements, as well as for exclusion from the list of public lands due to a change in their designated purpose, which is carried out by the local executive bodies of cities of republican and regional significance. This measure will help to eliminate corruption risks and ensure more objective and collegial decision-making.

To do this, we propose the following changes and additions to Article 2 of the CC:

1. We suggest removing the word “districts” from Article 2, “Categorization of Lands, Their Transfer from One Category to Another”, thereby narrowing the list of entities authorized to transfer land between categories due to a change in its intended use. This would help reduce corruption risks.

2. Paragraph 2-1 of Part 2 of Article 16, “Competence of the Local Executive Body of the Region, City of Republican Significance, Capital”, should be rephrased as follows:

“2-1) Assignment of land plots to public lands within the boundaries of settlements, and also exclusion from the list of public lands due to a change in their designated use, in agreement with the representative bodies of local authorities.”

3. Paragraph 2-1 of Part 1 of Article 18, “Competence of the Local Executive Body of the City of Regional Significance”, should be rephrased as follows:

“2-1) Assignment of land plots to public lands within the boundaries of settlements, as well as removal from the list of public lands due to a change in their designated use, in coordination with the local representative bodies.”

Second, to strengthen the administrative responsibility of officials for concealing information about land availability, it is recommended that Article 341 of the Administrative Code of the Republic of Kazakhstan be amended as follows:

Article 341. Obstruction of information about availability of land plots

Obstruction of information regarding the availability of land, its falsification, and unjustified denial of allocation of land -

shall result in a fine for officials of local government bodies in the amount of fifty times the monthly calculation index.

Overall, the article emphasizes the importance of strengthening control and accountability in land relations to ensure legal compliance and prevent corruption. To achieve this, it is proposed to not only reform the current regulatory framework, but also improve the enforcement of laws, strengthen public oversight, and ensure transparency in the actions of government bodies. These proposed measures aim to create a more equitable and effective system for land allocation, which should help strengthen the rule of law in this area.

The contribution of the authors

Each of the authors made an important contribution to the preparation of the publication.

Sabigul Bekisheva made a significant contribution to the writing of the article, developing the methodological basis of the study, analyzing and interpreting data, as well as providing a structured presentation of the material. Her work also included consultations on key aspects of the research and joint decision-making on the structure and content of the article. Deserves special recognition for her extensive research in the field of land law and law and order. She focuses on legal regulation and its impact on the law and order in the field of land legislation, which becomes the basis for substantiating the conclusions in the article.

Yerezhepkyzy Roza, in her part of the work, analyzes public reactions to the processes associated with the provision of land plots, strengthens the arguments of the authors, clarifying that problems with law and order in the field of land relations have not only a legal, but also a social nature. She also coordinated the work of the team of authors, conducted a critical review and editing of the text of the article, ensuring its compliance with scientific standards and coordinated work between all co-authors, interaction with the editorial board and reviewers. She was also responsible for the final editing of the article and its submission to the journal.

Imangaziev Tair Askhatovich, ensured the timely provision of all necessary materials and data, participated in the analysis, and also took an active part in writing and editing the text. In turn, focuses on the mechanisms of administrative control and responsibility, which are designed to ensure the rights and legitimate interests of citizens when providing land plots, help to make a significant contribution to the general problem and present practical recommendations.

Gratitude, conflict of interest

This study was prepared as part of the implementation of the grant funding research project by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP14872548 Modern environmental Law and order: Kazakhstan case).

Р. Ережепқызы PhD докторы, м.а Шымкент университетінің жаратылыстану-гуманитарлық факультеті құқық және тарих кафедрасының доценті, (Қазақстан Республикасы, Шымкент қ.); С.Д. Бекишева, з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының ведомствоаралық ғылыми зерттеу институтының құқық қорғау қызметі проблемаларын зерттеу мен зерттеуді үйлестіру орталығының бас ғылыми қызметкері (Қосшы қ. Қазақстан Республикасы); Бекежанов Д.Н. PhD докторы, қауымдастырылған профессор (доцент), құқықтық пәндер кафедрасының меңгерушісі, І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті (Талдықорған қ., Қазақстан Республикасы): Жер учаскелерін ұсыну кезінде құқықтық тәртіпті қамтамасыз етудің проблемалық мәселелері.

Бұл ғылыми мақалада авторлар жер учаскелерін ұсыну кезінде құқықтық тәртіпті қамтамасыз етуге байланысты өзекті актуалды мәселелерді қарастырады. Жер қатынастары саласы көбінесе сыбайлас жемқорлық схемалары мен азаматтардың құқықтарын бұзудың объектісіне айналатындығын ескере отырып, зерттеу өзекті болып табылады. Сондай-ақ, авторлар жер учаскелерін берудің қолданыстағы тетігі көбінесе сыбайлас жемқорлық схемалары мен теріс қылықтардың пайда болуына ықпал ететінін атап өтті бұл статистикалық мәліметтер мен практикалық мысалдармен расталады. Атап айтқанда, жер учаскелерін бір уақытта сатуға және жалға беруге мүмкіндік беретін қос жер құқығы нарығы алыпсатарлық пен заңсыз байытуға мүмкіндік береді. Сондай-ақ, авторлар жер қорын басқаруға жауапты мемлекеттік органдар арасында өкілеттіктерді қайта бөлу мәселелеріне және оның жер беру процесінің ашықтығы мен әділдігіне қалай әсер ететініне ерекше назар аударды.

Заңнама нормаларын қолдану практикасына талдау жүргізілді және қандай бұзушылықтар анықталғаны атап өтілді. Жер учаскелерін беру тәртібін реттейтін нормативтік-құқықтық базаны терең және жан-жақты талдау, сондай-ақ заңнамадағы олқылықтар мен қайшылықтар анықталады. Бұл ғылыми мақалада азаматтардың құқықтарын қорғаудың қолданыстағы тетіктері және осы саладағы құқықтық реттеуді жетілдіру бойынша бірқатар ұсыныстар қарастырылған, сонымен қатар прокуратураның өкілеттіктерін күшейту, жер учаскелерін беру рәсімдерінің есебі мен ашықтығын жақсарту, сондай-ақ бау-бақша мен саяжай құрылысына арналған жаңа нормативтерді әзірлеу ұсынылады. Бұл зерттеуді Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті қаржыландырды (Грант №BR24993047).

Түйінді сөздер: қоршаған ортаны қорғау, экологиялық құқықтық тәртіп, жер, жер учаскесі, жер кодексі, жер даулары, сыбайлас жемқорлық.

Ережепқызы Р. д.фил.н. (PhD), и.о. доцента кафедры права и истории, факультета естествознания и гуманитарных наук Шымкентский Университет (г. Шымкент, Республика Казахстан); Бекишева С.Д. д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник центра координации исследований и изучения проблем правоохранительной деятельности Межведомственного научного исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре (г. Косшы, Республика Казахстан); Бекежанов Д.Н. доктор PhD, ассоциированный профессор (доцент), заведующий кафедрой правовых дисциплин, Жетысуский университет имени И. Жансугурова (г. Талдықорған, Республика Казахстан): Проблемные вопросы обеспечения правопорядка при предоставлении земельных участков.

В данной научной статье авторами рассматриваются актуальные проблемные вопросы, связанные с обеспечением правопорядка при предоставлении земельных участков. Исследование является актуальной, учитывая что сфера земельных отношений, очень часто становится объектом коррупционных схем и нарушений прав граждан и собственников. Авторы также отметили, что существующий механизм предоставления земельных участков часто способствует возникновению коррупционных схем и злоупотреблений что подтверждается статистическими данными и практическими примерами. В частности, двойной рынок прав на землю, который позволяет одновременно продавать и сдавать в аренду земельные участки, создает возможности для спекуляций и незаконного обогащения. Также авторы уделили особое внимание вопросам перераспределения полномочий между государственными органами, которые несут ответственность за управление

земельным фондом, и тому, как это влияет на прозрачность и справедливость процесса предоставления земли. Проведен анализ практики применения норм законодательства и отмечено какие выявлены нарушения. Глубокий и всесторонний анализ нормативно-правовой базы, регулирующей порядок предоставления земельных участков, а также выявляются пробелы и противоречия в законодательстве. В данной научной статье также рассмотрены существующие механизмы защиты прав граждан и предложенные ряд рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной области. Также предлагается усилить полномочия прокуратуры, улучшить учет и прозрачность процедур предоставления земельных участков, а также разработать новые нормативы для садоводства и дачного строительства. Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Грант № . BR24993047).

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экологический правопорядок, земля, земельный участок, земельный кодекс, земельные споры, коррупция.

Список литературы:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» от 1 сентября 2023 года. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37321590
2. Пахомова Я.А. Административная ответственность за экологические правонарушения в области охраны окружающей среды // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 376-384.
3. Balabiyev K.R., Kaipbaeva A.O. Recularity of administrative responsibility for execution of environmental crimes in the Republic of Kazakhstan // European Journal of Law and Political Sciences Scientific journal № 1, 2016. 11-15.
4. Rakhmetova G.R., Altaeva M.O., Serik G. Prospects for the institute of administrative responsibility in the Republic of Kazakhstan. URL: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2760/2324>
5. Банчук О.А. Перспективы развития административно-деликтного права (права административной ответственности) в Республике Казахстан // URL: https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Perspektivy-razvitiya-administrativno-deliktnogo-prava-_prava-administrativnoj-otvetstvennosti_-v-Respublike-Kazahstan.pdf
6. Акопова Е. System of state administration bodies in charge of environment protection in Republic of Kazakhstan DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/en.2014.3.6>
7. Жетписбаев, Б.А. Административная ответственность в Республике Казахстан: учеб. пособие / Под ред. С.С. Сартаева. Алматы: Данекер, 2000. – 233 с.
8. Таранов А.А. Административная ответственность в Республике Казахстан. – Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», 2005. – 96 с.
9. Байдельдинов Д.Л., Бекишева С.Д. Экологическое право Республики Казахстан: учебное пособие. Алматы: Интерлигал, 2004. 311 с.
10. Бекишева С.Д. Правовые проблемы обеспечения экологической безопасности Республики Казахстан: дис. докт. юрид. наук. Алматы, 2010.
11. Бекишева С.Д. Экологическое право Республики Казахстан. – Караганда: Арко, 2009. – 472 с.
12. Дюсенов Е.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: автореф... дис. канд. юрид. наук. Астана, 2010.
13. Khamzina Zh., Buribaev E.A. and other authors. Environmental Legislation of Kazakhstan: Achievements, Problems and Trends // Journal of Environmental Accounting and Management, December 2022, vol.10(4), pp.361-374. DOI:10.5890/JEAM.2022.12.003
14. Koshkinbaeva A.S., Zhumagulova S.R. Environmental Safety of Modern Kazakhstan: General Legal Analysis // Journal of Environmental Management and Tourism, May 2019, vol. 10(1), pp. 22-31.
15. Buribaev E.A., Khamzina Zh. and other authors. Analysis of the Possibilities for Improving the Environmental Legislation of Kazakhstan // Fronteiras Journal of Social Technological and Environmental Science, December 2021, vol.10(3), pp. 78-88.

16. Евсикова Е.В., Петросян Г.А. Некоторые аспекты привлечения к административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 2. С. 259-269.

17. Anisimov A., Kayushnikova J. Trends and prospects for legislative regulation of legal responsibility for environmental offenses in brics countries: comparative Law // Brics Law Journal, Volume VI (2019) Issue 1. 82-101.

18. Sirant M. The purpose of administrative ensuring the balance of interests in the field of environmental regulation // Visegrad Journal on Human Rights. December 2023. 133-139. DOI:10.61345/1339-7915.2023.2.19

19. Комментарий к главе 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ «Административные правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования» (постатейный) / Ноздрачев А.Ф., Васильева М.И., и др. Москва: ИНФРА-М, 2020. 472 с.

20. Карина Д. На Karabatan и ТШО были наложены самые крупные экологические штрафы – минэкологии. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/na-karabatan-i-tsho-byli-nalozheny-samy-e-krupnye-ekologichesk-ye-shtrafy-min-ekologii>

21. Berry, S. (2013). Questions of ownership: Proprietorship and control in a changing rural terrain—a case study from Ghana. *Africa*, 83(1), 36–56. URL: <https://doi.org/10.1017/S0001972012000708>

References:

1. The message of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan “The Economic course of a Just Kazakhstan” dated September 1, 2023. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37321590

2. Pakhomova Ya.A. Administrative responsibility for environmental offenses in the field of environmental protection // *Issues of Russian justice*. 2021. No. 11. pp. 376-384.

3. Balabiyev K.R., Kaipbaeva A.O. Recularity of administrative responsibility for execution of environmental crimes in the Republic of Kazakhstan // *European Journal of Law and Political Sciences Scientific journal* No. 1 2016. 11-15.

4. Rakhmetova G.R., Altaeva M.O., Serik G. Prospects for the institute of administrative responsibility in the Republic of Kazakhstan / <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/2760/2324>

5. Banchuk O.A. Prospects for the development of administrative tort law (the right of administrative responsibility) in the Republic of Kazakhstan. URL: https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Perspektivy-razvitiya-administrativno-deliktnogo-prava-_prava-administrativnoj-otvetstvennosti_-v-Respublike-Kazahstan.pdf

6. Akopova E. System of state administration bodies in charge of environment protection in Republic of Kazakhstan DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/en.2014.3.6>

7. Zhetpisbayev, B.A. Administrative responsibility in the Republic of Kazakhstan: studies.stipend / Edited by S.S. Sartaev. Almaty: Daneker, 2000. – 233 p.

8. Taranov A.A. Administrative responsibility in the Republic of Kazakhstan. – Almaty: LLP “Publishing House “Norm-K”, 2005. 96 p

9. Baideldinov D.L., Bekisheva S.D. Environmental law of the Republic of Kazakhstan: a textbook. – Almaty: Interligal, 2004. 311 p.

10. Bekisheva S.D. Legal problems of ensuring environmental safety of the Republic of Kazakhstan: dissertation. *Jurid. sciences*. Almaty, 2010.

11. Bekisheva S.D. Environmental law of the Republic of Kazakhstan. – Karaganda: Arko, 2009. – 472 p.

12. Dyusenov E.A. Legal responsibility for environmental offenses: abstract... dis. cand. *Jurid. sciences*. Astana, 2010.

13. Khamzina Zh., Buribaev E.A. and other authors. Environmental Legislation of Kazakhstan: Achievements, Problems and Trends // Journal of Environmental Accounting and Management, December 2022, vol.10(4), pp.361-374. DOI:10.5890/JEAM.2022.12.003

14. Koshkinbaeva A.S., Zhumagulova S.R. Environmental Safety of Modern Kazakhstan: General Legal Analysis // Journal of Environmental Management and Tourism, May 2019, vol. 10(1), pp. 22-31.

15. Buribaev E.A., Khamzina Zh. and other authors. Analysis of the Possibilities for Improving the Environmental Legislation of Kazakhstan // Fronteiras Journal of Social Technological and Environmental Science, December 2021, vol.10(3), pp. 78-88.

16. Evsikova E.V., Petrosyan G.A. Some aspects of bringing to administrative responsibility for offenses in the field of environmental protection and environmental management // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. – Vol. 5 (71). No. 2. pp. 259-269.

17. Anisimov A., Kayushnikova J. Trends and prospects for legislative regulation of legal responsibility for environmental offenses in brics countries: comparative Law // Brics Law Journal, Volume VI (2019) Issue 1. 82-101.

18. Sirant M. The purpose of administrative ensuring the balance of interests in the field of environmental regulation // Visegrad Journal on Human Rights. December 2023. 133-139. DOI:10.61345/1339-7915.2023.2.19

19. Commentary to Chapter 8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 195-FZ “Administrative offences in the field of environmental protection and nature management” (article by article) / Nozdrachev A.F., Vasilyeva M.I., et al. Moscow: INFRA-M, 2020. 472 p.

20. Karina D. The largest environmental fines were imposed on Karabatan and TCO – Ministry of Ecology /<https://inbusiness.kz/ru/news/na-karabatan-i-tsho-byli-nalozheny-samyekrupnye-ekologicheskie-shtrafy-minekologii>

21. Berry, S. (2013). Questions of ownership: Proprietorship and control in a changing rural terrain—a case study from Ghana. Africa, 83(1), 36–56. URL: <https://doi.org/10.1017/S0001972012000708>

Для цитирования и библиографии: Yerezhepkyzy R., Bekisheva S.D., Bekezhanov D.N. Problematic issues of law enforcement in the provision of land plots // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 97-108. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_97

Материал поступил в редакцию 3.01.2025

ЛОГИКА И ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗМ

М.С. ГРИН,

доктор права, профессор права William & Mary School of Law (г. Уильямсбург, США)

E-mail: msgre2@wm.edu

В рубрике «Переводы работ выдающихся ученых» публикуется перевод статьи «Логика и правовой реализм» профессора Майкла Грина. Перевод с английского языка выполнен доктором философских наук, Associate Professor Maqsut Narikbayev University А.Б. Дидикиным с согласия автора и издательства по изданию Dieter Krimphove & Florian Simon (eds.), *Research Handbook in Law and Logic* pp. 81-94 (Duncker & Humblot 2017).

Майкл Стивен Грин – американский ученый-юрист, известный специалист в области философии права, истории права и теории права. Автор множества работ, посвященных правовому реализму, методологии права и толкованию правовых норм, в том числе статей *Legal Realism as Theory of Law* (2005), *Leiter on the Legal Realists* (2011), а также книг *Nietzsche and the Transcendental Tradition* (2002) и *The Philosophical Foundations of Private International Law* (в соавторстве, 2024). В его научных публикациях обсуждаются вопросы философии права (в частности, статьи *Hans Kelsen and the Logic of Legal Systems* (2003), *Dworkin's Fallacy, or What the Philosophy of Language Can't Teach Us About the Law*, *On Hart's Category Mistake* (2013), *A Puzzle about Hart's Theory of Internal Legal Statements* (2017) и *Hans Kelsen's Non-Reductive Positivism* (2021)), а также авторского права (статья *Copyrighting Facts* (2003)) и конституционного права (статья *Why Protect Private Arms Possession? Nine Theories of the Second Amendment* (2008)).

«Жизнь права была не логикой, а опытом» [1, р. 1].

Американские реалисты, такие как Оливер Уэнделл Холмс, упомянутый выше, считали, что опора исключительно на логику в юридическом рассуждении является ошибочной. Они критиковали своих современников-традиционалистов (которых они избегали называть уничижительным термином «механические юристы» [2; 3]), утверждая, что те поддавались этой ошибке. Однако это впечатление может быть обманчивым. На самом деле ошибки, которые реалисты приписывали традиционалистам, не касались исключительно зависимости от логики. Их источники были другими.

I. Логика

Рассмотрим следующий силлогизм [4, 40b24–26]:

1. Большая посылка: Все люди смертны.
2. Малая посылка: Сократ — человек.
3. Заключение: Сократ смертен.

Это умозаключение логически корректно по двум причинам.

Во-первых, оно сохраняет истинность с необходимостью: не существует возможного мира, в котором утверждения (1) и (2) были бы истинными, а (3) — ложным.

Во-вторых, уверенность в его истинности не требует знания значений всех слов. Например, не обязательно понимать, что означают «люди» или «смертны», или знать, кем был Сократ. Иными словами, все умозаключения той же формы сохраняют истинность с необходимостью:

- Большая посылка: Все X суть Y .
- Малая посылка: a — это X .
- Заключение: a — это Y .

Такая структура гарантирует, что если посылки истинны, то заключение не может быть ложным — независимо от конкретного содержания терминов X , Y и объекта a .

Требование формальности помогает отличать логически валидные выводы от других умозаключений, которые сохраняют истинность по необходимости. Например:

- Посылка: стакан, который держит Фред, наполнен водой.
- Заключение: стакан, который держит Фред, наполнен H_2O .

Хотя не существует возможного мира, в котором стакан Фреда наполнен водой, но не содержит H_2O , это умозаключение не является логически валидным. Причина в том, что выводы с аналогичной формой не обязательно сохраняют истинность. Форма этого умозаключения выглядит так:

- Посылка: a является X .
- Заключение: a является Y .

Пример умозаключения с такой же формой, которое не сохраняет истинность:

- Посылка: Джо — техасец.
- Заключение: Джо — республиканец.

Формальность логически валидных выводов объясняет их ключевую особенность: они могут быть получены априори (то есть без опоры на эмпирические доказательства). Например, мы можем знать, что утверждение « a является Y » истинно, если истинны посылки «Все X суть Y » и « a является X », — и всё это без эмпирического исследования природы a , X или Y .

II. Правовой иррационализм?

Повторим: отличительными характеристиками логически валидного умозаключения являются необходимая сохранность истины, формальность и познаваемость *априори*.

Пример юридического умозаключения, формально аналогичного нашему силлогизму:

(4) Большая посылка: Все устные соглашения о продаже земли не имеют юридической силы.

(5) Малая посылка: Соглашение между Смитом и Джонсом — это устное соглашение о продаже земли.

(6) Заключение: Соглашение между Смитом и Джонсом не имеет юридической силы.

Это умозаключение также, казалось бы, сохраняет истину с необходимостью. Во всех возможных мирах, где все устные соглашения о продаже земли недействительны, соглашение Смита и Джонса подпадает под эту категорию, а заключение о его недействительности неизбежно истинно [5]. Более того, мы можем знать это без знания того, что такое «устное соглашение о продаже земли» или «недействительный», или без знания предмета «соглашения между Смитом и Джонсом». Таким образом, корректность вывода познаётся априори, до какого-либо эмпирического опыта.

Тем не менее реалисты часто критикуют подобные силлогистические методы в праве [6, p. 477; 7, p. 69, 71, 101]. Фрэнк характеризует критикуемый стиль рассуждений следующим образом:

«Эта теория может быть грубо символизирована следующим образом: если мы назовем правило R , факты F , а решение D , то $R \times F = D$. Казалось бы, она гарантирует нам, что если мы знаем правило R судьи и факты F , мы можем критически проанализировать его решение D . Мы можем не согласиться с его решением D , потому что считаем (1) что его F неверны (то есть его изложение фактов ошибочно), (2) что правило R , которое он использовал, является неподходящим R , или (3) что он неправильно применил правильное R к фактам, которые он правильно установил (то есть он допустил ошибку в логике) [8, p. 922].

Традиционалисты, как утверждали реалисты, ошибочно рассматривали судебное разбирательство как состоящее из таких «чисто логических выводов» [6, p. 477].

Конечно, просто потому, что юридическое рассуждение как психологический факт не соответствует логике, не означает, будто это правильно, что оно не соответствует логике. Но реалисты, очевидно, имели в виду как нормативную, так и описательную точки зрения [9, p. 10]. Кажется, что они считали, что традиционалисты *ошибались*, настаивая на соблюдении логических норм при юридическом рассуждении.

Одним из способов интерпретации этих утверждений является то, что реалисты полагали, что необходимые качества логически обоснованного вывода — его необходимость, формальность и априорность — не применяются к юридическому рассуждению, как вывод (6) из (4) и (5). Не так, что (6) верно во всех возможных мирах, где (4) и (5) верны. Существует хотя бы один возможный мир, в котором соглашение между Смитом и Джонсом является обязательным, даже если в этом мире все устные соглашения о продаже земли необязательны, а соглашение между Смитом и Джонсом является устным соглашением о продаже земли. Чтобы определить, следует ли выводить (6) из (4) и (5), суд должен обратиться к содержанию предложений, а это значит, что вывод не может быть получен ранее опыта.

Если такой действительно была позиция реалистов, их можно было бы справедливо назвать юридическими *иррационалистами*. И действительно, реалистов обвиняли в иррационализме их современники [10, р. 177-182; 11, р. 443-447]. Но возможны и более благосклонные интерпретации.

III. Правовая неопределенность

Иногда очевидно, что реалисты критикуют не вывод (6) из (4) и (5), а принятие большой посылки (4). Уолтер Уилер Кук особенно ясно формулирует эту мысль:

«[К]ак бы не была велика видимость чисто дедуктивного рассуждения, реальное решение в случае с новыми элементами заключается в переопределении среднего термина большой и малой посылки силлогизма; то есть в *конструировании или создании посылок для конкретного случая*, которые не существовали заранее. Формулировка посылок дедуктивного силлогизма, таким образом, представляет собой изложение вывода, достигнутого на иных основаниях, а не реальную причину решения. Как только посылки сконструированы, вывод неизбежно следует» [12, р. 43].

Кук не отрицает, что если все устные соглашения о продаже земли не имеют силы, а соглашение между Смитом и Джонсом является устным соглашением о продаже земли, то логически следует, что соглашение между Смитом и Джонсом не имеет силы. Как он отмечает: «Как только посылки сконструированы, вывод неизбежно следует». Вопрос заключается в принятии посылки, что все устные соглашения о продаже земли не имеют силы. Эта посылка, по его мнению, создаётся *после* принятия вывода на иных основаниях.

Такое прочтение объясняет, почему скептицизм реалистов в отношении логики в юридических рассуждениях был направлен прежде всего на силлогизмы с категорическими большими посылками, такими как (4). Трудно найти неприятие других логических ограничений, например, закона непротиворечия, хотя легко показать, что отказ от принятия (6) при принятии (4) и (5) нарушает этот закон. Проблема заключалась не в самой логике, а в посылах наподобие (4).

Кук описывает проблему как допущение существования правовой нормы (4) в условиях, когда закон рационально *неопределён* — то есть существующие правовые материалы (статуты, конституционные положения, судебные прецеденты) не обосновывают конкретное решение [9, р. 9-12]. Посылка (4) «создаётся» для случаев с «новыми элементами», не регулируемые существующим правом. Таким образом, критика реалистами силлогистических рассуждений связана с отказом признать масштаб правовой неопределённости. Хотя никакое конкретное решение не следует из существующего права (заставляя судью опираться на внеправовые соображения), традиционалистский судья, приняв решение на основе этих соображений, *постфактум* обосновывает его ссылкой на норму типа (4). Для многих реалистов внеправовыми факторами были мораль и морально релевантные социальные факты [12, р. 45]. Однако другие, например Джером Фрэнк и Джозеф Хатчесон, указывали на более идиосинкразические элементы — «интуитивные догадки» судей [7, р. 112; 13]. Взгляды реалистов на правовую неопределённость объясняют их критику силлогистических рассуждений. Они полагали, что право более неопределённо, чем предполагали традиционалисты. Неопределённость возникла не только из-за неясности и двусмысленности языка [14, р. 124-135], но и из-за конкуренции канонов интерпретации, которые даже при применении к однозначным текстам давали разные трактовки [15; 7, р. 74-76]. Дополнительную сложность создавало расхождение между «правом в действии» (реальными стандартами судей) и «бумажными нормами», или правом в книгах [16]. В той мере, в какой право существует в силу его фактического применения судьями и другими должностными лицами, право в действии, а не бумажные правила, несомненно,

являются правом [17, р. 1935]. Какими бы точными и недвусмысленными ни были бумажные правила, действующее право все равно может быть неопределённым.

Однако реалисты не утверждали глобальную неопределённость права во всех случаях [9, р. 19, 77; 18]. Казалось бы, в определенных ситуациях силлогистические рассуждения уместны. Тем не менее реалисты часто подчёркивали, что суды не могут принимать решения на основе силлогизмов ни в одном деле. Как писал Фрэнк: «Судья, определяя право по делу, должен выбирать и отбирать, и практически невозможно ограничить диапазон его выбора» [7, р. 149]. Эта неизбежная дискреционность, по его мнению, сохраняется даже при отсутствии глобальной неопределённости [7, р. 399]. Но если причина не в глобальной неопределённости, то в чем же?

IV. Правовой партикуляризм

Другое объяснение — правовой партикуляризм. Моральный партикуляризм, грубо говоря, отвергает точку зрения, согласно которой правильное моральное рассуждение состоит в применении абсолютных моральных принципов, в соответствии с которыми все действия определенного типа имеют определённую моральную значимость (обязательную, разрешённую или запрещённую). Примером такого абсолютного морального принципа может служить принцип, согласно которому все обещания должны выполняться. Такие абсолютные моральные принципы можно назвать *моральными правилами* [19; 20].

Обратите внимание, что моральный партикуляризм не следует из того факта, что моральные правила имеют исключения, например, когда Смит, обещавшему отвезти Джонса в зоопарк, морально разрешено нарушить своё обещание, потому что его больная мать должна пойти в больницу. Если исключения ограничены по числу и сами по себе подобны правилам — в том смысле, что все действия, удовлетворяющие критериям, на основе которых сформулировано исключение, действительно освобождаются от правила — то неприменимость этих исключений может быть просто включена в правило. Моральный партикулярист должен утверждать, что способ, которым моральные соображения объединяются для определения моральной значимости действия, с необходимостью контекстуален и индивидуален, не допуская никаких моральных правил.

Если так, то моральный партикулярист будет отрицать, что определение моральной значимости действия является вопросом силлогистического рассуждения следующего типа:

Большая посылка: Все обещанные действия (к которым исключения e1-ep не применяются) морально обязательны.

Меньшая посылка: Действие Смита по отправке Джонса в зоопарк является обещанным действием (к которому исключения e1-ep не применяются).

Вывод: Действие Смита по отправке Джонса в зоопарк морально обязательно.

Обратите внимание, что моральный партикулярист может отрицать, что моральное рассуждение является силлогистическим, при этом настаивая на том, что мораль *рационально определена*, в том смысле, что моральные соображения полностью определяют моральную значимость любого действия.

Аналогично, *правовой* партикулярист утверждает, что даже когда закон рационально определён, путь к уникальному решению, рекомендуемому законом, никогда не является вопросом применения юридических правил к фактам. Хотя юридические материалы часто формулируются как правила, способ, которым юридические соображения объединяются для определения решения суда, необходимо контекстуален и индивидуален. Даже в простых случаях происходит балансирование юридических соображений, хотя баланс сильно смещён в пользу одного решения. Таким образом, юридическое рассуждение не может быть силлогистическим по своей природе.

Тема партикуляризма очевидна в некоторых работах реалистов. Чувствительность к контексту, утверждают они, необходима для определения того, как право определяет результат в деле. Понимаемая таким образом, их критика силлогистического рассуждения будет совместима с тем, что право рационально определено.

Партикуляризм может объяснить, например, почему Фрэнк утверждает, что судебное разбирательство всегда включает в себя «индивидуализацию» в дополнение к «дискреции». Индивидуализация, вероятно, относится к контекстуализированному суждению о том, как закон

определяет результат дела. Описывая это суждение как «интуицию», Фрэнк, возможно, не имел в виду, что оно является продуктом личности или прихоти [21]. Он мог иметь в виду, что такое заключение несмотря на то, что оно юридически обосновано, не может быть объяснено применением юридических правил к фактам. Как утверждал Фрэнк: «Поскольку судья на суде не занимается полностью логическим предприятием, попытка втиснуть его «интуицию», его безмолвную рациональность, в логическую вербальную форму должна исказить её, деформировать. Его неопишуемая интуиция не может быть полностью выражена словами. Есть неуловимые нюансы, не выражаемые словами» [8, р. 932-933].

Фрэнк описывает интуицию как безмолвную *рациональность* — это процесс юридического рассуждения, а не прихоть. Судья Джозеф Хатчесон также предполагает, что интуиция — это неопишуемое контекстуальное понимание того, как юридические материалы рационально рекомендуют решение, учитывая факты дела:

«Я, после того как обзрев все доступные материалы, которые я могу использовать, и должным образом размышляя над ними, даю волю своей фантазии и размышляя над делом, жду чувства, интуиции — того интуитивного всплеска понимания, который создаёт искру связи между вопросом и решением, и в том месте, где путь самый тёмный для судейских ног, освещает путь» [13, р. 21].

Как и юридическая неопределённость, правовой партикуляризм может объяснить критику реалистов силлогистического рассуждения в праве без приписывания им юридического иррационализма. Проблема традиционалистов заключалась не в том, что они полагались на логику при вынесении приговоров, а скорее в том, что они ошибочно предполагали, что юридические выводы следуют из юридических правил, как, например, (4), когда на самом деле они следуют из контекстуального применения юридических материалов к фактам дела.

Однако неясно, считали ли все правовые реалисты, что юридические правила неприемлемы или невозможны, если они недостаточно конкретизированы в своей формулировке. Некоторые — в частности, Герман Олифант, Леон Грин и Карл Ллевеллин — казалось полагали, что юридические правила в хорошо определённых контекстах (или *типах ситуаций*) возможны [9, р. 21-24, 29-30, 109-111; 16, р. 755].

V. Судебное верховенство

Третья причина, по которой реалисты отвергают силлогистическое рассуждение в праве, заключается в судебном верховенстве — факте, что решение суда является обязательным, если оно не будет отменено по апелляции, даже если суд неправильно применил или истолковал закон [18, р. 390-391, 408; 17, р. 1987-1993]. Отказ от силлогистического рассуждения в праве может возникнуть вследствие следования судебному верховенству.

Предположим, что Смит заключил устное соглашение о продаже земли Blackacre Джонсу за 100 000 долларов. Джонс отказывается выполнять условия соглашения, и Смит подает на него в суд за нарушение контракта. Если мы понимаем вывод нашего юридического силлогизма («Соглашение между Смитом и Джонсом не может быть исполнено») как заявление о том, что единственно допустимый юридический вердикт в деле — это вердикт в пользу Джонса, то вывод можно считать не следующим из логических посылок. Также допустим следующий вывод:

Большая посылка: Все устные соглашения о продаже земли не могут быть исполнены.

Малая посылка: Соглашение между Смитом и Джонсом является устным соглашением о продаже земли.

Вывод: Вердикт в пользу Смита (соглашение между Смитом и Джонсом может быть исполнено).

При таком толковании приверженность традиционалистов силлогистическому рассуждению будет результатом их неспособности признать дискрецию, которую судебное верховенство дает судьям при вынесении решений.

В частности, реалисты беспокоил слабый судебный контроль — тот факт, что решение суда (например, о том, что Джонс несет ответственность перед Смитом на сумму 100 000 долларов) является обязательным, несмотря на любые ошибки. В правовых системах с сильным верховенством судебной власти, напротив, не только решение суда является обязательным, но и его толкование закона является обязательным для должностных лиц, помимо решения, в котором было дано такое

толкование. Для обсуждения различия между слабым и сильным верховенством судебной власти в контексте реалистов.

Аргумент реалистов о том, что юридическая дискреция следует из судебного верховенства, получил известную критику Г.Л.А. Харта за неспособность различать, является ли решение суда юридически обязательным и соблюдал ли суд закон при вынесении своего решения [14, р. 141-146]. Без этого различия, по мнению Харта, мы не можем понять, как суд, выносящий обязательное решение, может тем не менее быть раскритикован за юридическую ошибку.

Однако для наших целей достаточно отметить, что даже если аргумент реалистов был бы успешным, он не означал бы отказ от логики в юридическом рассуждении. Как сами реалисты признали, их позиция по сути отрицала, что законы, предыдущие судебные решения и тому подобное являются правом. Закон, касающийся набора фактов, на самом деле является тем, что говорит о фактах суд с правом вынести решение [18, р. 402-408]. Вот что говорит Фрэнк:

«Все...решения являются правом. Тот факт, что суды выносят эти решения, делает их правом. Нет никакой загадочной сущности, отдельной от этих решений. Если судьи в каком-либо деле приходят к «неправильному» результату и выносят решение, не соответствующее их собственным или чьим-либо правилам, их решение тем не менее является правом» [7, р. 134, 298].

Но это означает отказ от большой посылки в юридических силлогизмах (такой, как посылка о том, что все устные соглашения о продаже земли не могут быть исполнены) и замену ее посылкой о том, что закон, касающийся набора фактов, является тем, что говорит суд, получивший юрисдикцию над делом. Что касается этой посылки, Фрэнк сам рассуждает силлогистически:

Большая посылка: Соглашение может быть исполнено, если судья с юрисдикцией говорит, что оно может быть исполнено.

Малая посылка: Судья с юрисдикцией говорит, что соглашение между Смитом и Джонсом может быть исполнено.

Вывод: Соглашение между Смитом и Джонсом может быть исполнено.

VI. Скептицизм по поводу фактов

Четвертое объяснение отказа реалистов от силлогистического рассуждения в праве фокусируется на малой посылке, касающейся фактов дела. Как подчеркивали некоторые реалисты, независимо от того, насколько определены и абсолютны правовые правила, никакой вывод ими не обусловлен, если существует рациональная неопределенность или дискреция в отношении фактов [22, р. 11].

Факты будут рационально неопределенными, если представленные доказательства не обоснования конкретного решения [23, pp. 657–658, 660]. Кроме того, даже когда конкретное решение обосновано, суд может рассматриваться как обладающий дискрецией в отношении фактов, поскольку решение, противоречащее доказательствам, будет обязательным, если оно не будет отменено в апелляции [23, pp. 651–652]. Безусловно, критика Харта снова применима: если обязательный характер решения суда по фактам действительно означает, что у него есть дискреция, то невозможно будет критиковать суд за совершение юридической ошибки по этим фактам [24].

Для наших целей достаточно отметить, что и здесь критика реалистов не направлена против логики. Реалисты не отрицают, что (6) необходимо следует из истинности (4) и (5). Их внимание сосредоточено на неопределенности или дискреции в отношении принятия (5).

VII. Позитивизм и философский анархизм

Пятая причина, по которой реалисты отвергли силлогистическое рассуждение в праве, связана с их концепцией права как предсказания. Как мы видели, для некоторых реалистов верховенство судебной власти побудило их предложить такую теорию права, при которой право, касающееся набора фактов, является тем *решением*, которое будет принято судом, получившим юрисдикцию над делом. Однако наиболее философски утонченные из реалистов — в частности, Феликс Коэн и Уолтер Уилер Кук — предложили другую теорию, согласно которой право, касающееся любого набора фактов, сводится к моделям поведения и отношениям должностных лиц в пределах юрисдикции [18, р. 409-412]. При вынесении суждения о праве мы предсказываем, что существующие модели поведения в настоящее время сохраняются.

Обратите внимание, что теория предсказания может объяснить наблюдение Харта, что суждение может быть одновременно обязательным и противоречащим праву. Оно обязательное в той мере, в которой мы предсказываем, что другие должностные лица будут его исполнять [25, р. 844]. Оно противоречит праву в той мере, в которой оно отклоняется от нашего предсказания того, как большинство судей и других должностных лиц отнеслись бы к фактам дела.

Теория предсказания реалистов является позитивистской теорией, поскольку существование и содержание права в конечном итоге являются исключительно вопросом социальных фактов, касающихся должностных лиц в соответствующей юрисдикции [26, р. 241]. Однако она отличается от других известных позитивистских теорий права, особенно теории Харта, ввиду отказа от роли того, что Харт называет «внутренней точкой зрения» [14, р. 57]. Для Харта существование правовой системы требует большего, нежели просто соответствие должностных лиц правовым практикам. Должностные лица также должны принять внутреннюю точку зрения, реагируя на отклонения от стандартов, используемых в этих практиках, критикой (включая самокритику) и требованиями соответствия [14, р. 57]. Эти критики и требования выражаются во внутренних юридических утверждениях, сформулированных в нормативной лексике, например «Вы должны сделать это» или «Это неправильно». Внутренние юридические утверждения выражают принятие соответствия стандартам, но они не описывают это принятие [14, р. 102]. Кроме того, должностное лицо, делающее внутреннее утверждение, предполагает, но не описывает, существование правовых практик как социальных фактов [14, р. 102-103].

Из теории Харта следует, что общество, в котором должностные лица всегда обосновывали свои решения, описывая правовые практики как социальные факты (а также описывая другие соответствующие социальные факты) и затем оправдывали соответствие морально, не будет иметь права [27]. Это связано с тем, что должностные лица хотя и принимают соответствие правовым практикам, не обосновывают соответствие через внутренние юридические утверждения. Они не принимают внутреннюю точку зрения, как понимает ее Харт.

Коэн и Кук, напротив, понимали утверждения о праве — включая такие заявления, сделанные должностными лицами, участвующими в правовых практиках — как сводимые к описаниям социальных фактов о правовых практиках [25, р. 839; 12, р. 29–33; 18, р. 393–397, 409–416; 17, р. 1967–1998]. Они отказываются от внутренней точки зрения. Это является важной причиной, по которой Харт отверг теорию предсказания реалистов [14, р. 136-137].

Действительно, Коэн и Кук не просто верили, что право может существовать, когда должностные лица принимают внешнюю точку зрения; они утверждали, что принятие внешней точки зрения является идеальным. Судья, рассматривающий дело, должен сначала описать право в терминах социальных фактов о правовых практиках, а затем морально оценить, является ли соответствие этим практикам уместным. Если он так сделает, он будет описывать право более точно, поскольку не будет путать право с тем, каким право должно быть в моральном смысле [25, р. 838; 12]. Кроме того, его моральная критика права будет более точной, поскольку он не будет предполагать, что существование права обязательно подразумевает оправданные моральные причины для соответствия. Только в свете моральных норм можно рекомендовать соответствие правовым практикам [25, р. 828–829, 840].

Поскольку реалисты отрицали, что существование права обязательно подразумевает оправданные моральные причины для соответствия, они были философскими анархистами. Философские анархисты обычно подчеркивают, что *граждане* не имеют общей моральной обязанности подчиняться закону [28]. Реалисты были необычны в том, что они распространяли философский анархизм на судей, решающих дела.

С теорией предсказания реалистов и философским анархизмом на столе мы можем предложить еще одно объяснение их отказа от силлогистического рассуждения в праве. Давайте вернемся к нашему юридическому силлогизму:

(4) Большая посылка: Все устные соглашения о продаже земли являются необязательными.

(5) Малая посылка: Соглашение между Смитом и Джонсом является устным соглашением о продаже земли.

(6) Вывод: Соглашение между Смитом и Джонсом является необязательным.

Согласно теории предсказания, большая посылка сводится к описанию официальных практик — а именно, что все устные соглашения о продаже земли обычно не будут исполняться должностными лицами. Если мы понимаем вывод аналогично описанию официальных практик, то он действительно следует дедуктивному рассуждению.

Большая посылка: Все устные соглашения о продаже земли обычно не будут исполняться должностными лицами.

Малая посылка: Соглашение между Смитом и Джонсом является устным соглашением о продаже земли.

Вывод: Соглашение между Смитом и Джонсом обычно не будет исполняться должностными лицами.

Но вывод также может быть понят как нормативное утверждение о том, что судья не должен исполнять соглашение между Смитом и Джонсом.

Большая посылка: Все устные соглашения о продаже земли обычно не будут исполняться должностными лицами.

Малая посылка: Соглашение между Смитом и Джонсом является устным соглашением о продаже земли.

Вывод: Судья не должен исполнять соглашение между Смитом и Джонсом.

Таким образом понятый вывод не следует из посылок. Моральные причины для действий могут рекомендовать судье не соответствовать правовым практикам. При таком толковании реалисты критиковали традиционалистов за ошибочное предположение, что то, как суд морально должен рассматривать дело, может быть выведено из описательных посылок и логики в одиночку [29, р. 159-161; 30, р. 307-308; 31, р. 43].

«Опасность состоит в том, что мы продолжаем обманывать себя, убеждаясь, что мы просто «применяем» старое правило или принцип к «новому делу» исключительно дедуктивным рассуждением, заключается в том, что при этом реальный мыслительный процесс становится неясным, и мы не осознаем, что наш выбор действительно руководствуется соображениями социальной и экономической политики или этики, и поэтому не учитываем все соответствующие факты жизни, необходимые для принятия мудрого решения» [31, р. 44-45].

Вышеуказанную цитату можно рассматривать как утверждение о правовой неопределенности. Старое правило не обосновывает юридически решение. Судья должен поэтому полагаться на внеправовые — особенно моральные — соображения, чтобы заполнить правовой пробел. Однако реалисты считали, что моральные соображения играют роль во всех судебных разбирательствах, даже когда право рационально определено:

«[Судья] должен определить, следует ли подогнать конкретное дело под условия каких-либо старых правил (либо потому, что они работают хорошо, либо потому, что люди действовали в зависимости от них и он считает защиту такой зависимости социально ценной) или «законодательно» изменить и скорректировать существующие правила с учетом обстоятельств текущего спора» [7, р. 130, 142-143].

Франк не описывает ситуации, когда старые правила неопределены. Общественная зависимость от применения старых правил к текущему спору была бы невозможна, если бы это было так. Кроме того, говоря об изменении и корректировке существующих правил, Франк предполагает, что содержание правил *меняется*, а не то, что пробелы заполняются. Он утверждает, что *даже когда право рационально определено*, судья должен использовать моральные рассуждения, чтобы решить, нужно ли ему следовать закону вообще.

Конечно, как признали реалисты, есть много очень хороших моральных причин для судебного решения в соответствии с правовыми практиками, например, потому что это защитит «человеческие ожидания, основанные на прошлых решениях, стабильность экономических транзакций и [] поддержание порядка и простоты в нашей правовой системе» [25, р. 840]. Однако остается тот факт, что это моральные аргументы, которые не могут быть ответом за счет описательных посылок и логики.

Философский анархизм стоит в основе использования Франком психоанализа в работе «Право и современный разум» [9, р. 280; 18, р. 398-399]. Франк опирается на Фрейда, чтобы объяснить,

почему судьи неправильно полагают, что существование закона подразумевает обязанность подчиняться — их «самообман» в том, что они «просто применяют команды, данные им некоторой внешней властью» [7, р. 130]. Они пытаются избежать того факта, что судебное решение является автономным моральным решением. Они «еще не отказались от детской потребности в авторитетном отце и бессознательно пытались найти в законе замену тем качествам твердости, уверенности, определенности и непогрешимости, которые приписываются в детстве отцу» [7, р. 21].

VIII. Заключение

Критика реалистами силлогистического рассуждения в праве не означала, что они были юридическими иррационалистами. Их целью не была логика, а другие ошибки, реальные или воображаемые. Иногда это была ошибочная вера традиционалистов в рациональную определенность права. А иногда приверженность традиционалистов категорическим правовым правилам, когда юридическое рассуждение было на самом деле вопросом контекстуального балансирования. Иногда это была вера традиционалистов в правовые ограничения на судей при решении дел, несмотря на верховенство судебной власти. А иногда - вера традиционалистов в правовые ограничения для судей при решении фактов дела. И еще — что самое главное — это было направлено против ошибочной теории традиционалистов о политической обязанности: их убеждения, что существование права обязательно подразумевает обоснованные причины для подчинения.

Примечания и список литературы

1. Holmes, Oliver Wendell, Jr. 1881. *The Common Law*. Boston: Little, Brown, and Co.
2. Термин «механическая юриспруденция» был введен в обиход его основателем Роско Паундом. Следует отметить, что Паунд также был критиком движения. Pound, Roscoe. 1908. "Mechanical Jurisprudence." *Columbia Law Review* 8: 605–23.
3. Pound, Roscoe. 1931. "The Call for a Realist Jurisprudence." *Harvard Law Review* 44: 697–711.
4. Иногда термин "силлогизм" используется для обозначения категорических силлогизмов, описанных Аристотелем. В категорическом силлогизме две посылки и заключение являются категорическими пропозициями (то есть пропозициями, которые утверждают или отрицают, что все или некоторые члены одной категории включены в другую категорию). Мой пример - это то, что можно было бы назвать сингулярным силлогизмом, в котором главной посылкой является категорическое предложение, а второстепенной посылкой и заключением являются сингулярные предложения, то есть предложения, в которых говорится, что названный элемент существует и относится к категории. См. Aristotle. ca. 350 B.C.E. *Prior Analytics*. Trans. H. P. Cooke & Hugh Tredennick, 1938. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
5. Конечно, вполне вероятно, что в возможном мире только в соответствии с законодательством конкретной юрисдикции было бы справедливо, что все устные соглашения о продаже земли не имеют законной силы. Мы можем проигнорировать эту проблему.
6. Yntema, Hessel E. 1928. "The Hornbook Method and the Conflict of Laws." *Yale Law Journal* 37: 468–83.
7. Frank, Jerome. 1930. *Law and the Modern Mind*. Reprint Gloucester, Mass.: Peter Smid
8. Frank, Jerome. 1948. "Say It with Music," *Harvard Law Review* 61: 921–57.
9. Описательное утверждение о том, что судьи игнорируют то, как решение дедуктивно вытекает из правовых норм и фактов дела — из-за иррациональности, нечестности или некомпетентности, само по себе является темой для обсуждения реалистами, в частности Джеромом Франком. См. Leiter, Brian. 2007. *Naturalizing Jurisprudence: Essays on American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
10. Harris, Rufus C. 1935. "Idealism Emergent in Jurisprudence." *Tulane Law Review* 10: 169–87.
11. Fuller, Lon L. 1934. "American Legal Realism." *University of Pennsylvania Law Review* 82: 429–62.
12. Cook, Walter Wheeler. 1935. *Oliver Wendell Holmes: Scientist*. American Bar Association Journal 21: 211–13.
13. Hutcheson, Joseph C., Jr. 1938. *Judgment Intuitive*. Chicago: Foundation Press.

14. Hart, H.L.A. 1994. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
15. Llewellyn, Karl N. 1950. "Remarks on the Theory of Appellate Decision and the Rules or Canons About How Statutes Are to Be Construed." *Vanderbilt Law Review* 3: 395–406.
16. Schauer, Frederick. 2013. "Legal Realism Untamed." *Texas Law Review* 91: 749–80
17. Такой подход к определению содержания права расходится с теорией Харта, согласно которой предпочтение отдается тому, что чиновники говорят, а не тому, что они делают. Подробнее об этом см. Green, Michael S. 2005. "Legal Realism as Theory of Law." *William and Mary Law Review* 46: 1915–2000.
18. Лейтер утверждает, что реалисты в первую очередь ограничивали свои претензии на юридическую неопределенность теми делами, которые достигли "стадии апелляционного пересмотра". Аргумент о том, что это слишком узкое определение, см. Green, Michael S. 2011. "Leiter on the Legal Realists." *Law and Philosophy* 30: 381–418.
19. Ross, W.D. 1930. *The Right and the Good*. Oxford: Oxford University Press. Я сосредоточусь здесь на слабом моральном партикуляризме. Сильный моральный партикуляризм отвергает не просто моральные правила, но и моральные принципы любого рода. Для приверженца строгой морали нет ничего общего в том, как аспект, общий для ряда действий, влияет на их моральную значимость.
20. Dancy, Jonathan. 2004. *Ethics without Principles*. Oxford: Clarendon Press.
21. Хотя и это было тематикой их работ.
22. Frank, Jerome. 1948. "Legal Thinking in Three Dimensions," *Syracuse Law Review* 1: 9–25.
23. Frank, Jerome. 1932. "What Courts Do in Fact." *Illinois Law Review* 26: 645–66.
24. Соответствующее бремя убеждения может привести к тому, что решение относительно фактов будет рационально определено, даже если доказательства, представленные обеими сторонами, оставляют под вопросом вопрос о том, что произошло на самом деле. Например, если это бремя лежит на истце, а доказательств недостаточно для подтверждения фактических утверждений истца, суд по закону должен принять решение в пользу ответчика относительно фактов.
25. Coleman, Jules L. and Leiter, Brian. 1996. "Legal Positivism." In: *A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory*, ed. Dennis Patterson, 241–60. Oxford: Oxford University Press.
26. Cook, Walter Wheeler. 1942. *The Logical and Legal Bases of the Conflicts of Laws*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
27. Edmundson, William A. 2004. "State of the Art: The Duty to Obey the Law." *Legal Theory* 10: 215–259.
28. Green, Michael S. 2017. "A Puzzle about Hart's Theory of Internal Legal Statements." In *Pragmatics and Law*, eds. Francesca Poggi & Alessandro Capone, 195–221. Dordrecht: Springer Verlag.
29. Oliphant, Herman. 1928. "A Return to Stare Decisis." *American Bar Association Journal* 14: 71–158.
30. Cohen, Felix S. 1933. *Ethical Systems and Legal Ideals: An Essay on the Foundations of Legal Criticism*. Westport, Conn.: Greenwood Press.
31. Cohen, Felix S. 1934. "Modern Ethics and the Law." *Brooklyn Law Review* 4: 33–50.
32. Cohen, Felix S. 1935. "Transcendental Nonsense and the Functional Approach." *Columbia Law Review* 35: 809–49.
33. Green, Michael S. 2013. "On Hart's Category Mistake." *Legal Theory* 19: 347–69.
34. Toh, Kevin. 2005. "Hart's Expressivism and his Benthamite Project." *Legal Theory* 11: 75–123.

Для цитирования и библиографии: Грин М. Логика и правовой реализм // Право и государство. № 1(106), 2025. – С. 109-118. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_1_109

Материал поступил в редакцию 11.03.2024

МАЗМҰНЫ

- Қалдыбаев А.Қ. Құқық нормаларын құқық принциптеріне сәйкес түсіндіру. Б. 6.
- Сайенко Л.П. Қазақстанның көп жақты уақытша апелляциялық арбитраждық келісімге (МPIA) қосылуының артықшылықтары, тәуекелдері және перспективалары. Б. 20.
- Хасанай А.М., Байсалова Г.Т., Бейсенбаева М.Т. Соғысты Қайта Құрастыратын Технологиялар: Жасанды Интеллектік Және Ақш Әскері Доктринасы. Б. 35.
- Чехович Т.В. Конституцияның үстемдік принципі және оның кейбір белгілері. Б. 46.
- Оразбаева А.А. Ротация институты мемлекеттік қызметшілердің кәсіби деңгейін арттыру құралы ретінде: салыстырмалы құқықтық аспектілер. Б. 55.
- Абдуазимова Д.Д. Қазақстан Республикасы. Б. 63.
- Тебаев Д.Б. Қазақстан Республикасы Президентінің сайлауы: тарих және жаңа заман. Б. 72.
- Нукушева А.А., Абдіжәми А.Ж., Рүстембекова Д.Қ. Қазақстандағы қатты тұрмыстық қалдықтарды басқарудың құқықтық аспектілері: қиындықтар мен перспективалар. Б. 83.
- Ережепқызы Р., Бекішева С.Д., Бекежанов Д.Н. Жер учаскелерін беру кезіндегі құқық қолданудың проблемалық мәселелері. Б. 97.
- Green M. Логика және құқықтық реализм Б. 109.

CONTENTS

- Kaldybaev A.K. Interpretation of the norms of the law in accordance with the principles of law. P. 6.
- Sayenko L. P. Advantages, Risks, and Prospects of Kazakhstan's Accession to the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement (MPIA). P. 20.
- Khassanay A.M., Baissalova G.T., Beissenbayeva M.T. Technologies Reshaping Warfare: Artificial Intelligence And U.s. Military Doctrine. P. 35.
- Chekhovych T. V. Constitution's Supremacy Principle and Its Certain Characteristics. P. 46.
- Orazbaeva A.A. Institute of rotation as a tool for improving the professional level of civil servants: comparative legal aspects. P. 55.
- Abduazimova D.D. Kazakhstan Republic of Kazakhstan. P. 63.
- Tebaev D.B. Elections of the President of the Republic of Kazakhstan: history and modernity. P. 72.
- Nukusheva A.A., Abdizhami A.Zh., Rustembekova D.K. Legal aspects of solid waste management in Kazakhstan: challenges and prospects. P. 83.
- Yerezhpekzy R., Bekisheva S.D., Bekezhanov D.N. Problematic issues of law enforcement in the provision of land plots. P. 97.
- Green M. Logic and legal realism. P. 109.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«Құқық және мемлекет» журналына бұрын жарияланбаған ғылыми мақалалар, жазбалар, құқықтанудың әртүрлі салаларындағы зерттеулер нәтижелері туралы хабарламалар (жақсырақ салыстырмалы-құқықтық сипаттағы), жаңа ғылыми заң басылымдарына шолулар, мемлекет және құқық мәселелері жөніндегі маңызды ғылыми конференциялар туралы мақалалар қабылданады.

Жариялану үшін ұсынылатын материалдар келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

1. Мемлекет және құқық саласындағы жаңа өзекті ақпаратты және бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарда жариялауға арналмаған бірегей ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қамтуға тиіс. Автор мақаланы және басқа материалдарды ұсынған кезде редакциялық кеңеске олардың жарияланған-жарияланбағанын әлде басқа басылымдарға ұсынылған-ұсынылмағандығын хабарлауға міндетті.

2. ҚР БҒМ талаптарына сәйкес (2016 жылғы 4 наурыздағы № 13409 бұйрық, өзгертулер және толықтырулармен) Ғылыми мақала – бұрын жарияланбаған және жаңалығы бар авторлық әзірлемелерді, қорытындыларды, ұсынымдарды қамтитын; немесе ортақ тақырыпқа байланысты бұрын жарияланған ғылыми мақалаларды қарауға арналған (жүйелі шолу) ғылыми зерттеудің, эксперименттік немесе талдамалық қызметтің өзіндік тұжырымдары мен аралық немесе түпкілікті нәтижелерін баяндау. Ғылыми мақаланың құрылымы атауынан, аннотациядан, түйін сөздерден, негізгі ережелерден, кіріспеден, материалдар мен әдістерден, нәтижелерден (мақаланың негізгі бөлігі, әдетте, 3-4 бөлімнен тұрады – ред.) талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы ақпараттан (бар болған жағдайда), әдебиеттер тізімінен тұрады. >

3. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақаланың басында автордың аты – жөні мен тегі (мақала аудармашысы болған жағдайда аудармашы туралы ақпарат, мақаланың бірнеше авторының жанында корреспондент-автор көрсетіледі), ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, кафедрасы, ЖОО, автордың жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық мекенжайы туралы өзге де ақпарат орналастырылады. Автордың тегінен кейін мақаланың атауы, орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі үш аннотация (кемінде 5-8 ұсыныс) (авторлардың тегін, аты-жөнін, әр автордың жұмыс орнын және мақала атауын аударып). Аннотацияда тақырыптың өзектілігі, зерттеу тақырыбы, жұмыстың мақсаты, әдістері, жаңалығы және мақаланың негізгі тұжырымдары ашылады. Әр аннотациядан кейін тиісті тілдегі 10 негізгі сөз.

4. А4 форматындағы 10-16 беттен тұратын мақала Microsoft Word мәтіндік редакторында Times New Roman шрифтімен терілуі керек, өлшемі 14, бір интервал арқылы және мақаланың барлық қажетті құрылымдық элементтері болуы керек (жоғарыдағы 2-тармақты қараңыз). Көлемі 16 беттен асатын мақалалар бас редактормен келісіледі.

5. Дереккөздерге сілтемелер мақаланың мәтнінде төртбұрышты жақшада беріледі және қажет болған жағдайда бетті көрсете отырып, «Әдебиет» тізімінде келтірілген дереккөзге тиісті библиографиялық сілтеменің нөмірі түрінде ресімделеді, мысалы: [9, 12-бет]. Бірнеше дереккөз нөмірлерін көрсететін мәтіндік сілтемелерде соңғылары бір-бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді, мысалы: [7; 19, б. 45; 37, Б.201]. Келтірілетін статистикалық деректерді, нормативтік актілерді, оның ішінде халықаралық және шетелдік актілерді жариялау көздеріне сілтемелер міндетті болып табылады. Мақаланың соңында осы тақырып бойынша негізгі ғылыми, оның ішінде ең жаңа (түпнұсқа тілінде және латын транслитерациясында бөлек) әдебиеттер тізімі берілген. «Құқық және мемлекет» журналының редакциясы бірқатар елдер бойынша салыстырмалы-құқықтық материалды пайдалануды, біздің журналдағы сабақтас тақырыптар бойынша жарияланымдарды зерделеуді (журнал сайтындағы мұрағатты қараңыз) және сіздің жұмысыңыз үшін пайдалыларын әдебиеттер тізіміне енгізуді ұсынады. УДК, ГРНТИ нөмірлері, әдебиеттер тізімі (Алфавиттік тәртіппен) және ескертпелер ГОСТ сәйкес ресімделеді. Интернет-ресурстарға сілтеме жасау кезінде автор, мәтіннің атауы, сайт/портал, материалдың толық электрондық мекенжайы, оның ашылған күні көрсетіледі.

6. Мақаланың соңында «мақала бірінші рет жарияланады, басқа басылымдарға ұсынылмады және ұсынымайды» деген жазба болуы керек, автордың (авторлардың) күні мен қолы қойылады. Мұнда автор (авторлар) туралы мәліметтер орналастырылады: тегі, аты және әкесінің аты, электрондық мекенжайы, байланыс телефондары.

7. Мақаланың электрондық нұсқасы, автордың фотосуреті (дұрысы деректі емес, көркем сурет) редакцияға онлайн ұсынылады.

Толығырақ ақпарат Журнал сайтында (Сілтеме: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Редакция мекенжайы және байланыс деректері:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ.
Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8.
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

1. Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания.

2. В соответствии с требованиями МОН РК (приказ от 4 марта 2016 г. № 13409 с последующими изменениями и дополнениями) «Научная статья – изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности, содержащее авторские разработки, выводы, рекомендации ранее не опубликованные и обладающие новизной; или посвященное рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор). Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов – ред.), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы».

3. Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

4. Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше пункт 2). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

5. Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых ссылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201]. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной научной по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в список литературы. Номера УДК, ГРНТИ, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

6. В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

7. В редакцию представляются онлайн: электронная версия статьи, фото автора (желательно – художественный, не документальный портрет).

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Адрес и контактные данные редакции:
010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Law and State» accepts previously unpublished scientific articles, notes, reports on the results of research in various fields of jurisprudence (preferably of a comparative legal nature), reviews of new scientific legal publications, articles on significant scientific conferences on problems of state and law.

The materials submitted for publication must meet the following requirements:

1. To contain new relevant information in the field of state and law and the results of original scientific research, previously unpublished and not intended for publication in other publications. The author is obliged to inform the editorial board when submitting the article and other materials – whether they have been published or submitted to other publications.

2. In accordance with the requirements of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Order No. 13409 dated March 4, 2016, with subsequent amendments and additions) «Scientific article – a statement of one's own conclusions and intermediate or final results of scientific research, experimental or analytical activities, containing author's developments, conclusions, recommendations not previously published and having novelty; or devoted to consideration previously published scientific articles related to a common topic (systematic review). The structure of the scientific article includes the title, annotations, keywords, main provisions, introduction, materials and methods, results (the main part of the article, as a rule, consists of 3 to 4 subsections - ed.), discussion, conclusion, information on financing (if available), references.»

3. Articles are published in Kazakh, Russian, and English. The initials and surname of the author are placed at the beginning of the article (if there is a translator of the article, information about the translator is also provided, with several authors of the article, the corresponding author is indicated), academic degree, academic title, position, department, university, other information about the author's place of work, city, country, e-mail address. After the author's surname – the title of the article, three annotations (at least 5-8 sentences) in Russian, Kazakh and English (with translation of the surname, initials of the authors, place of work of each author and the title of the article). The abstract reveals the relevance of the topic, the subject of the study, the purpose of the work, methods, novelty and the main conclusions of the article. After each annotation there are 10 keywords in the corresponding language.

4. An article of 10-16 A4 pages should be typed in a Microsoft Word text editor in Times New Roman font, size 14, with one interval and have all the necessary structural elements of the article (see paragraph 2 above). Articles of more than 16 pages are coordinated with the editor-in-chief.

5. References to sources are given in the text of the article in square brackets and are made out in the form of the number of the corresponding bibliographic reference to the source given in the list of «Literature», indicating, if necessary, the page, for example: [9, p. 12]. In text links containing an indication of several source numbers, the latter are separated from each other by a semicolon, for example: [7; 19, p. 45; 37, p. 201]. References to the sources of publication of the cited statistical data and regulations, including international and foreign ones, are mandatory. At the end of the article, a list of literature is given – the main scientific literature on this topic, including the latest (in the original language and separately in Latin transliteration). The editorial board of the journal «Law and the State» recommends using comparative legal material on a number of countries, study publications on related topics in our journal (see the archive on the journal's website) and include useful ones for your work in the list of references. The numbers of the UDC, GRNTI, the list of references (in alphabetical order) and notes are drawn up in accordance with GOST. When linking to Internet resources, the author, the title of the text, the website /portal, the full email address of the material, and the date of its opening are indicated.

6. At the end of the article there should be an entry: «the article is published for the first time, has not been submitted and will not be submitted to other publications,» the date and signature of the author(s) are put. Information about the author(s) is also placed here: surname, first name and patronymic in full, e-mail address, contact phone numbers.

7. To the editorial office you must submit online: electronic version of your article and your photo (preferably - casual, not official (3x4) photo).

More detailed information is available on the journal's website (See: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Editorial office address and contact details:
010000, Republic of Kazakhstan, Astana.
Maqсут Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8.
Tel.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz, e-mail: pravoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

РЫЛТАЙШЫ: **Maqсут Narikbayev University**

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.05.2006 жылы №7742-Ж күйі берілген.

Журнал ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ҚР БҒМ БҒСБК ұсынған ғылыми басылымдардың тізбесіне енгізілген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

А.Б. Дидикин (бас редактор);
Р.А. Жакина (жауапты хатшы);
Н.М. Ақпейсова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
А.А. Ондаш (қазақ тіліндегі аннотацияларды аударушы).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
Maqсут Narikbayev University,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, Maqсут Narikbayev University репозиторинде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 2307-5201.

Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалу міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

Мұқабаның бірінші бетінің дизайны журнал: Ақпейсова Н.

Жарияланған: 31.03.2025

© Maqсут Narikbayev University, 2025
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2025.

УЧРЕДИТЕЛЬ: **Maqсут Narikbayev University**

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.05.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Журнал включен в перечень научных изданий рекомендуемых ККСОН МОН РК для публикации основных результатов научной деятельности.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

А.Б. Дидикин (главный редактор);
Р.А. Жакина (ответственный секретарь);
Н.М. Ақпейсова (компьютерная верстка и дизайн);
А.А. Ондаш (переводчик аннотаций на казахский язык).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
шоссе Қорғалжын, 8,
Maqсут Narikbayev University
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Maqсут Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 2307-5201.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

Дизайн первой страницы обложки журнала: Ақпейсова Н.

Издан: 31.03.2025

© Maqсут Narikbayev University, 2025
© Журнал «Право и государство», 2025.

CHAIRMAN: **Maqсут Narikbayev University**

The state registration №7742-ZH was given on 25.05.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

The journal is included in a list of scientific publications recommended by the KKSON Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan for publication of the results of scientific research.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

A.B. Didikin (Editor-in-chief);
R.A. Zhakina (Executive secretary);
N.M. Akpeisova (Technical and design manager);
A.A. Ondash (translator of annotations into Kazakh).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
8 Korgalzhyn highway
Maqсут Narikbayev University
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (РИНЦ), IPRbooks, and in Maqсут Narikbayev University's repository.

ISSN 2307-5201.

In case of citing materials reference to the journal «Law and State» is required.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Manuscripts will not be returned.

The design of the first page of the magazine cover: Akpeisova N.

Published: 31.03.2025

© Maqсут Narikbayev University, 2025
© «Law and state» journal, 2025.

